

Биографический метод

*ИСТОРИЯ
МЕТОДОЛОГИЯ
ПРАКТИКА*

БИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД В СОЦИОЛОГИИ

ИСТОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ПРАКТИКА

Редакционная коллегия:

МЕЩЕРКИНА Е.Ю., к.ф.н., СЕМЕНОВА В.В., к.ф.н.

Рецензенты: Маслова О.М., к.ф.н. (ИС РосАН),
Коклягина Л.А., к.ф.н. (Институт молодежи).

ISBN 5-201-02482-3

© ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ РАН. 1994 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение (авт. Е.Ю.Мещеркина)	5
В.Фукс-Хайнритц. Биографический метод (перевод Е.Ю.Мещеркиной)	11
А.Хоффман. Достоверность и надежность в устной истории (перевод В.В.Семеновой)	42
П.Томпсон. Гуманистическая традиция и жизненные истории в Польше (перевод М.М.Мальшевой)	51
Д.Берто и И.Берто-Уиам. Ремесленное хлебопечение во Франции: как оно существует и почему выживает? (перевод А.Нугманова)	63
Д.Берто, М.Мальшева. Культурная модель русских народных масс и вынужденный переход к рынку (перевод В.Клепикова)	94

ВВЕДЕНИЕ

Появление в отечественной социологии интереса к биографическому методу далеко не случайно. Этому способствовали как изменения собственно в социологической науке, так и явления более общего социального плана. Парадигмальный сдвиг к гуманистической актуализации, по словам К.Пламмера, тройного фокуса социологии: биографии, истории и структуры (стр.4), а также растущая неудовлетворенность исследователей поверхностностью массовых социологических опросов, кроме того быстро меняющийся социальный контекст в России - спровоцировали обращение к иным методам изучения поведения и сознания, которые принципиально открыты: индуктивно, на основе исследовательской практики приходят к осмысленным выводам и критериям. В центре внимания одного из таких методов - биографического исследования - субъективный опыт, поведение, действия человека. В этом смысле биографическое исследование - это широкая тематизация субъективности.

Кроме того, обращение к биографиям как методу сбора социально значимой информации является отражением определенных исторических изменений в социальной жизни. Европейский процесс модернизации может быть описан в том числе и как процесс субъективирования/индивидуализации жизни (как распечатывание ранее закрытых полей, интернализация постматериальных ценностей, тенденции приватизма и т.д.), и в русле этого процесса биография становится центральным социальным измерением (см. М.Коли). В противовес представлениям о "конце индивидуума" другие социологи утверждают, что процесс индивидуализации сегодня продолжается и охватывает даже те группы (например, женщин), которые ранее стояли на его обочине (см. У.Бек). В результате многочисленных дискуссий стало ясно, что концентрация на субъективности не разрушает социологической перспективы. Когда говорят об индивидуализации, речь идет не о росте межиндивидуальных различий, а о растущем социальном значении индивидуальности или, парадоксальными словами, об индивидуальности как исторически новой форме обобществления (см. Г.Роберт)

Биографическое исследование перекликается с несколько иным направлением - Oral History (устной историей). По словам Штарра, "конечный продукт Oral History - не устная природа, не история. В большей степени это записанный на диктофон транскрипт того, что человек в течение интервью или ряда интервью рассказывает другому с намерением оставить нечто ценное на пленке" (см. Л.Штарр, стр.37). Биографии могут, но не должны играть в Oral History роль доминантного источника информации. Могут быть использованы и другие источники (газетные статьи, дневники, письма, фото, опрос свидетелей, нарративные отдельные интервью и т.д.). Эта плюралистическая техника делает метод Oral History открытым для очень широкой сферы применения (см.Х.Форлендер). В целом же Oral History - древнейшая культурная традиция. По словам Томпсона, "устная история фактически стара как сама история. Она вообще была первым видом (формой) истории" (см. П.Томпсон, стр.55).

В центре же биографического исследования - изучение течения всей жизни человека, ее внутренней динамики, ее "встроенности" в социум, субъективного управления и приобретенного опыта. При этом биографическое исследование имеет, согласно М.Коли, свои нормативные требования:

- оно должно давать взгляд на жизнь индивида в целом;
- учитывать взаимосвязь индивидуальной истории жизни и истории общества;
- осмысливать интерпретационную активность актеров повседневности.

В потоке биографических исследований на Западе Х.Буде выделяет в основном четыре направления.

1. Исследования социальной обусловленности жизненных путей. Это, например, исследования профессиональных биографий (Деппе), разделенных/неразделенных по гендерному признаку; социодемографические когортные исследования (Ридер). Здесь в центре внимания - социальные механизмы регулирования жизненных траекторий, увязывающие возрастную дифференциацию, социально-классовое расслоение, конъюнктурные циклы и кризисы, а также исторические события.

2. Исследования, нацеленные на реконструкцию социального опыта и его смысловых структур. Это исследования сознания рабочего класса (Д.Берто,

Леман), коллективного исторического сознания (Нитхаммер), субкультурных стилевых форм (Кларке и др.). Эта исследовательская стратегия ведет к уяснению способа построения личного опыта и внутренней структуры матриц объяснения /толкования.

3. В отличие от предыдущих направлений, нацеленных на реконструкцию связного личного опыта и господствующих в социуме смысловых структур, можно выделить и такие, которые направлены на изучение генезиса образов опыта и смысловых структур, например, как происходит процесс социализации и интернализации культурных образцов (см. Ф.Шютце о поколении эпохи национал-социализма).

4. Этот путь эмпирического биографического исследования служит обоснованию теоретических концепций, например, в психологии развития (Ш.Бюлер), теории личности (Томаэ), психопатологии (Бисвангер). В качестве результата здесь выступает эмпирически обоснованное знание о природе психического и социального поведения.

Как нам представляется, в методологическом плане, начиная со структурирования биографического опыта, чрезвычайно важно разобраться с таким понятием в биографическом подходе, как жизненная конструкция (или конструкция жизни). Исследователь социальных биографий (генеалогий, жизненных путей, траекторий, историй, рассказов и т.д.) исходит из того, что жизнь личности пронизана определенным способом конструирования. Все события в жизни индивида не являются как чисто случайными, так и результатом воплощения чисто субъективных замыслов. Личностная активность определенным образом упорядочена, подчинена определенным правилам. Эти правила не осознаваемы в отдельных действиях, а сфера их влияния - жизнь в целом.

Неосознанность подчинению определенным социальным правилам в повседневной жизни отражает парадоксальную структуру субъективных действий: человек выражает в своих действиях больше смысла, чем субъективно полагает. Эта парадоксальность несколько размывается, если мы будем различать два модуса субъективной жизни - скрытый неинтенциональный способ выражения событий в субъективной жизни и

рожденное опытом осмысление связи между событиями в Жизни субъекта. Различие интернализуемого смысла и интенции личности весьма плодотворно в методическом плане, поскольку можно исследовать логику целеполаганий, не привлекая достаточно сложные теоретические схемы, связанные с понятиями идентичности, Я - концепции и тд. То есть понятие жизненной конструкции (конструкции жизни) основано на скрытых способах выражения индивидуальной жизни, а не на субъективных взглядах, планах, самопонимании субъекта. Поэтому в ходе интервью исследователь провоцирует респондента на рассказ о событиях, фактах и менее всего на оценки и комментарии, зачастую привлекаемые для сокрытия истинного смысла происшедшего. Жизненные конструкции лежат в основе повседневной активности индивида как "социально валидные правила когеренции" (Х.Буде, стр.12). Именно благодаря им возникает чувство интуиции, дающей понимание взаимосвязи социальной жизни.

В методологии биографического исследования понятию жизненной конструкции соответствует методический прием так называемой структурной реконструкции (Х.Буде), объединяющей в себе поиск социального содержания в биографическом материале с точки зрения

- герменевтической перспективы, поскольку ищется доступ к пониманию смысла субъективной жизни;
- структуралистской перспективы, поскольку в поле анализа - система смысловых координат;
- и, наконец, социологической перспективы, так как постулируется социальная типика скрытых смыслов.

Возникает закономерный вопрос, каким образом от "реконструкции" отдельной биографии можно придти к заключениям, релевантным для социальной системы/подсистем в целом? Ведь в социальных науках распространено представление о том, что утверждения социальной типики возможны лишь с доказательством средней частоты данного случая. Но, с другой стороны, в среднем частое поведение может и не отражать закономерно упорядоченное социальное содержание случая. Так, например, Кольберг в своих исследованиях развития моральных суждений показал, что

два идентичных по содержанию ответа на один моральный вопрос могут следовать совершенно различным формам моральных суждений. И наоборот, содержательно различные ответы могут вытекать из идентичной структуры морального суждения. Таким образом, закономерность морального суждения здесь вовсе не зависят от частоты определенной содержательной реакции на моральную проблему. А измерение частоты определенных моральных комментариев не может вести к доказательству социальной закономерности моральных суждений. Для этого необходимы иные подходы.

Что касается биографического исследования, то здесь социальная типика познается в образе конституирующих ее моментов, которые социолог отделяет от ситуативных "остаточных факторов". Улавливание типики индивидуального случая ничего еще не говорит о частоте его появления, то есть о его репрезентативности. Но "историческая редкость не является контраргументом, историческая регулярность не является доказательством закономерности, поскольку понятие закономерности строго отделимо от регулярности, а понятие неукоснительности закона - от понятия исторической константности" (см. К Левин, стр.450). Таким образом, типика в биографическом исследовании и репрезентативность далеко не одно и то же. Основная же проблема, которой озабочены исследователи, использующие биографический метод, - каким образом вылущить из конкретной биографической истории эти "конституирующие социальную типичные моменты" или, по словам Ф.Шютце, "когнитивные фигуры". Не менее увлекательна для исследователей и проблема того, при каких условиях индивид "примеряет", перенимает типичную жизненную конструкцию, внося в нее индивидуальное своеобразие, каким образом вообще складывается тот или иной социальный тип...

Все представленные в данном сборнике материалы отражают как современный уровень биографического исследования в целом, так и его региональные особенности. Кроме того, все статьи объединяет одно важное качество: тесная связь между биографией как субъективной конструкцией и биографией как социальной действительностью. Все авторы увязывают биографический анализ с социально-историческим развитием своей страны,

будь то Франция, Германия, Польша или Россия. В заключение отметим, что данный сборник, предположительно ежегодный, подготовлен в рамках коллективного проекта под руководством Д.Берто (СНРС) и ассоциирует социологов, работающих по качественным методам.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Beck,U.Yenseits von Stand und Klasse // Kreckel,R.(Hrsg.) Soziale Ungleichheiten, soziale Welt, Sonderband 2,1983,S.35-74.
2. Bude H.Rekonstruktion von Lebenskonstruktionen- eine Antwort auf die Frage, was die Biographieforschung bringt // Kohli,M., Robert,G.(Hrsg): Biographie und soziale Wirklichkeit. Neue Beiträge und Forschungsperspektive .-Stuttgart: Metzler, 1984, S. 7-28.
3. Kohlberg,L. Zur kognitiven Entwicklung des Kindes.-Frankfurt: Suhrkamp,1974.
4. Kohli,M.Biographieforschung im deutschen Sprachbereich.ASI-News 6. Beiheft "Qualitative Ansätze in der Forschungspraxis", 1983.
- 5.Lewin, K. Der Übergang von der aristotelischen zur galileischen Denkweise in Biologie und Psychologie. Erkenntnis 1, 1930-31.
6. Nittel,D. Report: Biographieforschung. -Frankfurt/ M: Päd. Arbeitsstelle,1991.
7. Plummer,K. Documents of Life. An Introduction to the Problems and Literature of a Humanistic Method.-London: Unwin Human 1983.
8. Robert,G. Alltag, Biographie, Institution. // Gildemeister,R., Mathes,J. u. Robert,G.: Kommunikatives Handeln 11, Einheit 2,-Hagen: Fernuniversität,1983.
- 9.Schütze,F. Kollektive Verlaufskurve oder kollektiver Wandlungsprozess. Dimensionen des Vergleichs von Kriegserfahrungen amerikanischer und deutscher Soldaten im zweiten Weltkrieg. // BIOS 1989, H.1, S31-109. 10.Starr,L.M.: Oral History in den USA. Probleme und Perspektiven. // Niethammer,L.(Hrsg.): Lebenserfahrung und kollektives Gedächtnis.-Frankfurt/ M. 1985, S37-74.
11. Thompson,P. Historiker und Mündliche Geschichte. // Botz,G., Weidenholzer, J.(Hrsg): Mündliche Geschichte und Arbeitsbewegung.-Wien. 1984, S.55-84.
12. Vorlander,H.(Hrsg): Oral History, Mündlich erfragte Geschichte.-Göttingen, 1990.

ВЕРНЕР ФУКС-ХАЙНРИТЦ

БИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД

А н н о т а ц и я

Биографический метод в социальных науках особенно пригоден для того, чтобы исследовать поведение людей с точки зрения институционального регламента, а также поведение и события с течением времени. Несмотря на то, что до сих пор не выработан связный канон измерительных и оценочных методов, тем не менее здесь могут быть представлены эмпирически апробированные и, с точки зрения результатов, убедительные исследовательские пути. При использовании метода научными исследовательскими группами возникает много проблем, которые могут быть разрешены путем обсуждения и дискуссии.

С о д е р ж а н и е

1. Что такое биографический метод?
2. К истории метода в социальных науках.
3. Аргументы за и против биографического метода.
4. Обзор тематических областей.
5. Основные решения в исследовательской логике.
6. Выборка.
7. Измерительные методы.
8. Транскрипция.
9. Оценочные методы.
10. К использованию в научных проектах.
11. Литературные ориентации.
12. Список литературы.

1. ЧТО ТАКОЕ БИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД?

В последнее десятилетие дискуссии о понятии биографического метода уступают место самому биографическому исследованию: во-первых, потому, что в этой рабочей сфере многих социальных наук идет речь не о "традиционных методах в пределах границ, используемых всеми исследователями сообща, основных понятиях, теоретических предпочтениях или методических шагах" (Фукс 1984, с.9), в основном из-за его неомогенности"; во-вторых, потому, что через "биографическое исследование" выражается то, что эта исследовательская сфера содержит не только методический потенциал, но и социально-теоретическую силу (Фишер-Коли 1987, с.26), так что может способствовать конструированию новой социологии, которая бы не разваливалась в микро- и макросоциальных перспективах. Несмотря на это понятийное развитие (которое еще не завершилось), для этого обзора, может быть, необходимо сохранить традиционное обозначение биографического метода и отразить здесь сферу его приложения - если только при этом иметь в виду, что речь идет не об одном методе, а о связке методов. Прежнее название так же хорошо, как и биографическое исследование, выражает, что обсуждаемая сфера вызвана особым эмпирическим интересом, специфическими данными социального исследования.

Биографический метод, таким образом, охватывает способы измерения и оценки жизненно-исторических свидетельств, рассказанных или сообщенных сведениях о жизни с точки зрения тех, кто эту жизнь прожил. Наряду с этим в исследование включаются другие виды данных (результаты опросов, данные наблюдений, акты, семейно-исторические документы и пр.), насколько это привлекается дополнительно, не касается данной дефиниции рабочего поля. Для нее также неважно, собирает ли исследователь свидетельства истории жизни посредством интервью, или он их находит и суммирует (собрания писем, дневники, семейные записи-описания и т.д). Иной результат, если исследователь изучает жизненный путь только (или прежде всего) с помощью "объективных" данных, посредством возрастных данных

относительно смены статуса (окончание школы, женитьба, приобретение профессии) или с помощью других людей, обследуемых в биографической перспективе в противовес внешней информации. Не будем дискутировать здесь о плодотворности этого подхода - при этом речь идет о близком биографическому методу - о поле изучения течения жизни. Ближайшая к социально-научному биографическому методу сфера Oral History в исторической науке делит с ним интерес к "субъективным" свидетельствам (а также многие методические шаги), но различается горизонтом доминантных вопросов, который - при всем интересе к биографии и микросоциальным структурам - остается историей коллектива. Таким образом, с точки зрения исторической науки, биографический метод используется прежде всего следующими дисциплинами: социология, психология, педагогика, этнология, этнография.

2. К ИСТОРИИ МЕТОДА В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

Корни биографического метода многообразны: из гетевской "Поэзии и истины" возник интерес к становлению личности в развивающемся романе, а затем и как к теме психологии. Из Гердера - мысль, что жизненные описания являются путем к "истинному учению о душе". Из этнографии проистекает интерес к описанию выдающихся личностей среди "примитивных" народов. В психологии и психиатрии интенсивно изучается течение жизни одного человека, и вовсе не потому, что он заслужил это исторически и культурно, а потому что психические нарушения стали рабочей сферой этой науки. Из психоанализа пришла идея, что духовное сводимо к ранним событиям или конstellациям в течение жизни, для анализа становятся предпочитаемыми данными оценки жизненных воспоминаний, а также методическое предписание воспринимать эти воспоминания пациента со "свободно парящим" вниманием вместо того, чтобы их сразу объяснять, оценивать, ранжировать. Структура социологии как самостоятельной науки, напротив, не содержит никаких требований к биографическому методу. Дело в том, что социологи, все равно Маркс ли, Дюркгейм или Вебер, главную свою задачу видели в

том, чтобы доказать социальность жизни и общественное воспроизводство индивидуума. Я, понимаемое как "соорганизатор своего жизненного процесса", остается "неприличным" в этой программе классиков от социологии (Коли 1980, с.504). Истории жизни как материал данных и биография как концепт остаются - за исключением интеракционизма - на обочине поля интересов больших социологических теорий.

К определенному методу исследования - биографическому методу - пришла впервые в 1920 годах социология в США, а затем также социология в Польше, психология в Австрии. В США начало было положено большим исследованием о польских крестьянах в Европе и Америке, вышедшим в 1918-1920 годах и разработанным чикагским социологом В.И.Томасом и его польским коллегой Ф.Знаецки. Тезис о развале сельской общины и индивидуализации ведения хозяйства базируется на письмах поляков (между родиной и США) и комментируемых историях жизни польских эмигрантов. Несмотря на отдельные возражения, которые, исходя из сегодняшнего дня, могут быть сформулированы против метода интерпретации (ср. Фукс 1980), заслуга Томаса и Знаецки состоит в том, что они подняли биографические данные до значительного социологического и социально-психологического материала, более того, сформулировали соответствующую методологическую позицию: "Мы уверены, что личностные сообщения о жизни - полные, насколько возможно - представляют лучший тип социологического материала..." (Томас/Знаецки 1958, II, с.1832). Они развили свои исторические предположения в своего рода теорию, согласно которой в социологии должны учитываться объективные и субъективные факторы воздействия: если не принимать во внимание анализа "мира представлений" отдельных людей, нельзя объяснить, почему различные люди, по-разному реагируют на один данный феномен. Эти размышления позднее стали известны как "Теорема Томаса" или как "гуманистический коэффициент" (Знаецки 1969, с.139).

Из Чикагской школы в социологии вышло целое направление биографических исследований - изучение культурной проблематики групп иммигрантов, образа жизни преступников и девиантных групп, возникновения

преступлении в истории жизни, проблем урбанизированного общества, особенностей языковой и культурной дивергенции. Автобиографии и соответствующие интервью, письма, акты о попечении и документы других контрольных инстанций, включенное наблюдение и самонаблюдение меньшинств и отклоняющихся групп были использованы во множестве исследований. Если некоторые биографические данные использовались только для иллюстрации, в других проявляется явная методичность, особенно в исследовании Шоу среди молодых правонарушителей (Шоу 1930, 1966). Он сравнивает автобиографии с данными о тех же индивидах из других источников.

В 30-е годы в американской социологии биографический метод был девальвирован контраргументами. Основной противник здесь этаблированное количественное социальное исследование, которое более или менее все методы оценки и заключения, которые не следуют статистическим выкладкам, считает ненаучными или хочет низвести к эксплоративной ступени количественного исследования. В действительности же потому, что представители биографического метода защищали его не в полную силу и не противопоставили статистическому расчету никакой качественно-типологической логики исследования, этот спор окончился почти полным разгромом при столь ярко начавшемся развитии метода в США (Берто 1981, с.5).

В Польше, напротив, где Знанецки выпустил в 1921 году первое собрание письменных автобиографий, этот исследовательский метод закрепился (публичное признание использования биографических свидетельств). Развился он и при коммунистическом господстве в непрерываемую исследовательскую традицию, которая из-за относительно ограниченного интернационального значения польского языка едва ли дала импульс для развития за пределами страны. Характерным для этой польской линии биографического метода было то, что она вышла за пределы научного обсуждения и стала культурным движением, так как социальные группы с помощью автобиографий были привлечены к обсуждению тем национальной и общественно-политической значимости.

Биографический метод способствовал росту самосознания этих групп, и их точки зрения становились общественно значимыми.

Если немецкая социология в 20-е годы не присоединилась к американским инициативам преимущественно из-за методических возражений против ценности источников - возникших в рабочем движении автобиографий (ср. Гайгер 1936), то венскому психологу Шарлотте Бюлер удалось внедрить биографический метод в психологию и педагогику. Она собирала дневники молодежи и предприняла систематический анализ этих документов (Бюлер 1925, 1927); а также в перспективе сравнения поколения (Бюлер 1934) и в горизонте психологии течения жизни. Эта венская линия развитая была разорвана во времена национал-социализма, чья центральная идеологема - раса, наследственность - чужда биографическому мышлению.

Затем с середины 50-х годов группа психологов во главе с Х.Томасом занималась сбором и интерпретацией биографических данных, работала над "Психологической биографией" (Томас 1968, с.103). Проводились долгосрочные наблюдения и анализы течения дня (понимаемые как составные части течения жизни), была достигнута своего рода полнота жизненно-исторических сообщений и свидетельств. Все же это психологическое направление не привело к широкому распространению биографического метода в социальных науках. Подобное характерно и для шагов в направлении медицинской биографики (Клаузер 1963), для попыток оценки автобиографий в педагогике (Хенингсен 1962), для этнографических занятий, рассказов из жизни (Нойманн 1967). И в социологии после второй мировой войны биографический материал привлекался в различных исследованиях опять для иллюстративных целей, а методически разработанного использования не было. Лишь в конце 70-х годов во многих дисциплинах одновременно (синхронно во Франции, Канаде, Италии и других странах) возникает ренессанс метода. Неожиданно исследовательские интересы из очень различных теоретических традиций перекрещиваются и представляют уже сегодня развитую и интернационально распространенную сферу биографического исследования. Почему это возникло именно в это время, еще ждет основательного изучения историков науки. Но вряд ли мы

ошибемся, если назовем в качестве причины социально поддержанное развитие ширящегося сдвига к индивидуализации в современном обществе.

Вообще в этом ренессансе биографического метода речь идет больше о возобновленном обращении к классикам (Томас/Знаецки, Бюлер и др.), чем о повторном открытии, и по двум основаниям. Первое: ввиду этаблированного количественного социального исследования представители биографического метода вынуждены прилагать больше усилий для методологического обоснования метода, чем это делали классики. Второе: биографический метод поддержан новыми теоретическими усилиями: образуется социология течения жизни (ср. Коли 1978), которая хочет преодолеть предшествующее ограничение отдельными возрастными фазами посредством преобладающей концептуализации. Одновременно прежнее исследование социализации расширяет свое поле деятельности на всю жизнь (так же и психология развития). Возник шанс, что биографический метод станет в сотрудничестве с этими усилиями чем-то большим, чем просто один среди многих других, а именно частью новой, теоретически обоснованной рабочей перспективы социальных наук.

3. АРГУМЕНТЫ ЗА И ПРОТИВ БИОГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА

В качестве преимущества биографического метода может считаться то, что он может дать социальным исследователям взгляд на сложность социальной действительности, который не представлен в социологических понятиях и теориях. Если исследователь не уверен, что его понимание и используемые понятия подходят к изучаемому объекту, то здесь открывается поле дополнительных возможностей для формирования новых понятий и объяснений, т.е. новая генерирующая теория.

Некоторые социальные процессы недоступны наблюдению социологов, поскольку недопустимо участие непосвященных (криминальная среда, закрытые группы и пр.), а также потому, что только участники могут сообщить о содержательных процессах (опыт в институтах образования, армии, участие в таких исторических больших событиях, как изгнание, а также

несчастных случаях и т.д.). Если социолог обращается к рассказам участников как "эрзацматериалу", с их помощью он может реконструировать ему самому недоступные процессы.

В особенности биографический метод в состоянии осветить действия и понимание поведения людей внутри/вне правил институциональных структур. Программа профсоюза не показывает нам, что думают и делают члены этой организации. Школьные порядки, учебные планы и опросы учителей не достаточны для ответа на вопрос, как выглядят образовательные пути учеников. Экспертизы, анамнезы и другие акты позволяют понять нам историю психического нарушения лишь очень неполно.

Особое преимущество биографического метода видится со времен чикагских социологов в том, что он делает доступным процессуальность социальной жизни. Исследования установок и мнения обычно могут зафиксировать только пунктуальные конstellляции. Когда одинаковые вопросы ставятся многократно один за другим, возникают относительно сложные условия для заключения о промежуточном процессе изменения. Собранный биографическим методом материал данных содержит в себе "историю", как она начиналась, продолжалась и развивалась до последнего дня; жизненные процессы становятся анализируемыми (в любом случае с точки зрения рассказчика).

Распространенное возражение биографическому методу заключается в том, что он в основе своей не научен. Простое составление биографии без аналитических попыток (как это было часто в прежней этнологии, но также - в педагогике) отвечает скорее журналистским, чем научным задачам. Это в целом справедливое возражение, если не предполагается, что к задачам научного обеспечения историй и качества рассказа может принадлежать необходимость документирования жизненной истории для себя. Наряду с этим упрек в ненаучности направлен также против скороспелой, методически неконтролируемой интерпретации. И здесь это может быть верным, если под этикеткой биографического метода возникают плохие исследования - как, впрочем, и в других научных сферах.

Тесно связано с упреком в ненаучности то, что биографический метод требует "одного субъективного материала", что особенно irrelevantно социологической постановке вопроса (или имеет подчиненную ценность). Здесь рождается предположение, что социальная наука имеет дело с крупными взаимосвязями социальных структур и их изменениями, но не (или только наряду с этим) с тем, что люди знают о себе, о других и подобных "объективных" структурах; и это в любом случае должно быть выражено через структурные условия. Тенденциозно подобное представление исключает все "субъективное" из предметного поля социологии, в любом случае оценивает это как подчиненную сферу феномена, поскольку это не имеет влияния на состояние и изменение "объективных структур". Только нельзя не признать, что автобиографические свидетельства имеют в качестве центральной такую перспективу, в рамках которой жизненный опыт приписан "субъектно центристски", возможно гипостазировать также суверенитет Я, и в любом случае содержит "антиобщественный" жест. В этом состоит основная дилемма социолога, который работает с биографическим методом: он имеет дело со свидетельствами, которые дают информацию не прямо об обществе, а о жизненном опыте людей, полноту жизни отдельного жизненного примера. Однако при этом речь идет не только о методологической дилемме, соответственно вызове, но и об одном указании на сам предмет: люди в современном обществе по-разному заняты тем, чтобы утверждать свою индивидуальность, выделяя себя из общества. То, что они рассказывают свои истории (т.е. пишут автобиографии), это и есть попытка не быть поглощенным историей общества (см. Лейнер 1982). И наоборот: структуры современного общества основываются в том числе и на том, что члены этого общества хотят быть и кем-то другим, чем просто членами общества. Таким образом, поскольку парадоксальность во взаимоотношениях современного общества и его членов является составным условием этого общества, то эта запутанность может быть сведена к преимуществу субъективизма биографического метода: нельзя признать, что жизненный опыт и биографические реконструкции отдельного должны быть исключены из

рабочего поля социологии. Это, очевидно, все же значительнейший материал для анализа современного обобществления.

Другие варианты упреков в субъективизме - биографические материалы не надежны как данные: окрашены хвастовством рассказчика/составителя, недостоверны из-за ретроспективно-вспоминательного характера, искажены ложью о жизни и т.д. Прежде всего каждая жизненная история соответствует тому, что можно было бы назвать собирательным материалом действий и переживаний во время течения жизни. Но иначе и невозможно - история жизни, которая отражает жизнь полностью каким-либо образом, немислима. Бесспорно, что все приведенные факторы играют роль (также можно заметить, что опросник количественного исследования часто содержит ретроспективные вопросы). В любом случае предпринятые сравнения биографического материала с другими видами данных относительно оптимистичны по ценности источников. Но что важнее: тонкий анализ в состоянии идентифицировать многие из названных искажений в тексте и надежно может членишь, по крайней мере, основную биографическую форму. Оговорки, нарушения в синтаксисе, немотивированные паузы в разговоре, дополнительные поясняюще-легитимирующие фоновые истории и т.д. могут быть прочитаны как попытки информантов пропустить проблематичный или полный страдания опыт, уклониться от темы.

4. ОБЗОР ТЕМАТИЧЕСКИХ ОБЛАСТЕЙ

Со времен Чикагской социологии биографический метод постоянно употреблялся для изучения белых пятен и проблемных групп общества. Наркоманы, бродяги, молодые правонарушители, социокультурные меньшинства и т.д. - предпочтительные предметы исследования (ср. Гиртлер 1987). Наряду с этим классическим спектром тем нельзя не заметить расширения на другие поля: социализация в школе, биография молодежи, повторный путь образования, протекание болезни, жизненные пути женщин, профессиональные процессы у рабочих, опыт городского проживания с

течением жизни, переход к пенсии, формы и последствия статусных пассажей, в общем и целом новые биографические ориентации показывают, что биографический метод может быть распространен тематически далеко за социальные проблемные поля. На это направлены обнадеживающие усилия: соединить предмет биографии как образец ориентирования с теоремами общей социологии (ключевые слова: индивидуализация, течение жизни как социальный феномен, биографическая самоидентификация вместо идентификации).

5. ОСНОВНЫЕ РЕШЕНИЯ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЛОГИКЕ

К началу исследования биографическим методом нужно принять основное решение, а именно: какой исследовательской логике вы хотите следовать.

Уже потому, что измерение и оценка биографического интервью требуют больших временных затрат таким образом, едва ли могут охватывать более 20-50 случаев, статистические расчеты как исследовательская логика редко употребляются. При таком ограниченном числе случаев часто запрещается рассматривать их набор как выборку и от нее заключать об общей совокупности. На том же основании часто не имеет репрезентативности попытка отразить 20 или 50 случаев по внутренним частотам (т.е. чтобы процентуировать по определенным признакам). Во всяком случае так происходит всегда; чаще речь идет о недоразумении в исследовательской логике, о попытке подделать статистическое репрезентативное заключение негодными средствами, напротив, более подходит логика качественного исследования.

При этом интересуются не частотой, а тем, какие различные варианты или типы в замеренных случаях выступают друг перед другом и как они образуют в большем или меньшем напряжении друг с другом общую мозаику, репертуар возможностей, что ценно для исследуемого предметного поля. Таким образом, не то, насколько часто возникает вариант или тип, - цель работы (единственный, но особенно кооперированный случай может

быть типом), а какие типы имеются, как они выглядят отдельно и в контрасте друг с другом, как они образуют через этот контраст поле напряжения, типологию, репертуар. Поддерживающая этот подход мысль звучит следующим образом: социальные процессы или события выступают в каждом обществе только в обозримой вариантности. Как сегодня заключаются браки, как становятся наркоманами, каким образом выбирают предмет занятий и т.д., для этого позволительно идентифицировать конечное, относительно легко обозримое число вариантов, которые в целом образуют работающий социокультурный набор соответствующих процессов.

Наряду с этой, впервые разработанной Глазером/Штрауссом (1967) логикой употребляются, как и раньше, традиционные исследования единичных случаев, которые имеют целью основательный анализ истории жизни. Исходя из статистической калькуляции, исследование единичного случая не обладает никакими обобщающими возможностями и не имеет - вне эксплоративных целей - значения. С другой стороны, это исследование может достичь обобщающих выводов, а именно в отношении к существующим теориям: один единственный случай может превзойти несовершенство теории или суммированных результатов предшествующих эмпирических исследований и тем самым способствовать новым теоретическим продвижениям, эмпирическим дополнениям. К тому же единичное исследование может служить эксплоративным целям в широком смысле и в особенности в педагогике: способствовать углубленным взглядам из педагогической ситуации и учебном процессе. При известных обстоятельствах достаточно одной биографии одного юноши из детдома, чтобы педагогически критиковать один аспект детдомовского воспитания. Напротив, прямое обобщение, исходя из отдельных случаев, в духе высказываний: на этом примере это и то типично, характерно для коллектива и т.д. - проблематично, потому что не подкреплено эмпирически, а только теоретическими рассуждениями.

6. ВЫБОРКА

Иногда охват возможных опрашиваемых может быть точно описан, так как точная исследовательская цель дает для этого достаточно оснований: современники исторического события, вечные студенты, переселенцы из Семигорья, молодежь из детдомов, члены определенных профессиональных групп и т.д. Чтобы смочь привлечь опрашиваемых для биографического интервью из множества этих лиц, необходимы иногда предпосылки, которые характерны для всякого качественного социального исследования: доверительность с "полем", первые контакты с лицами в "поле," которые связывают исследователя с индивидами, которые готовы к интервью и т.д. Часто выборка устанавливается в связи с этой задачей: вообще "выйти" на возможного респондента в "поле".

Здесь прежде всего может быть названа квотная выборка, отбирающая опрашиваемых с определенными внешними и относительно легко узнаваемыми признаками (пол, возраст, профессия, религия и т.д.) в определенных количественных соотношениях (в этом сходны квотные отборы больших количественных исследований). Основанием тому служит предпосылка, что всякие внешние признаки имеют определяющее влияние на биографию или состоят в однозначных отношениях с ее структурами, так что измеренный (количественный) учет таких признаков приводит к определенным биографическим структурам. Нужно заметить, что это предположение вряд ли может быть проверено через собственно эмпирию.

Второй употребляемый метод отбора - метод снежного кома: исследователь обращается от первого опрашиваемого к следующему (часто при этом минимизируется проблематика доверия), но при этом нужно обращать внимание, не следуешь ли в "поле" просто сети знакомств. Если удастся, то можно рассчитывать на вариационно богатый материал.

Часто связан с методом снежного кома третий метод отбора: "saturation" (Глазер/Штраусс 1967) или "теоретическое насыщение" (Берто 1980). В его основе мысль: следующего респондента отобрать таким образом, чтобы его случай по возможности сильнее отличался от уже замеренного – в

теоретическом измерении, которое наиболее важно для исследования. Таким образом, направленно повышается богатство вариантов поздней генеральной совокупности материала. И может получиться, что между 15-ым или 20/30-ым опрашиваемыми больше не обнаруживается ничего нового (насыщение), больше не могут быть идентифицированы никакие новые варианты в теоретически интересующем образце. Выборка и измерение тогда могут быть прекращены в надежде, что все важнейшие варианты зафиксированы. Чем убедительнее сформулировано это предложение, тем больше оно отвечает логике качественного исследования, но оно имеет практический недостаток: чтобы смочь выбрать какой-либо следующий случай, который максимально отличается от уже измеренных, исследователь должен транскрибировать все предшествующие случаи и по меньшей мере предварительно их проинтерпретировать. Если подумать, что транскрипция и интерпретация одного случая часто длятся месяцы, становится ясно, насколько медленно может идти замер. Из-за этой практической сложности "теоретического насыщения" многие исследователи отказываются от полного следования отбору, который учитывает относительно легкую достижимость респондентов (метод снежного кома), чтобы размышлять сразу после измерения внутренних контрастных отношений.

7. МЕТОДЫ ИЗМЕРЕНИЯ

Поскольку биографический метод использует интервью как измерительный инструмент, все авторы сходятся единодушно в том, что его нужно проводить так, чтобы респондент имел по возможности хорошие шансы для отражения своих собственных перспектив. Стандартизированное интервью не годилось бы в этом случае, это однозначно освещенное мнение, - необходимо открытое интервью. Насколько открытое - это важный спорный пункт между сторонниками интервью со сквозной темой и нарративным интервью.

Лейтмотивное интервью часто обосновывается тем, что респондент может управляемо подойти к определенной теме и ее не бросить, чтобы

могли быть канализованы тем самым усердие рассказчика и склонность к повествованию. Все опрашиваемые высказываются на одинаковые темы, особенно интересующие исследователя, что дает точку для содержательного сравнения. В отдельных случаях лейтмотив может означать различные "форы", как подробно разработанная анкета от пятидесяти и более вопросных сфер, которые должны быть обсуждены с опрашиваемым одна за другой, так и лист-подсказка для интервьюера на несколько тем, которые, если опрашиваемый не выйдет на них сам, должны быть заданы в конце интервью. Преимущества лейтмотивного интервью очевидны: места из многих интервью могут быть сравнены друг с другом, поскольку они вызваны одинаковыми вопросами из лейтмотива, в целом оценивание может идти быстрее, поскольку вопросы лейтмотива содержат какой-то минимум важных тем, от которых исследователю нельзя отказаться. К тому же лейтмотив дает интервьюеру опору, он обладает "подпоркой", исходя из которой он структурирует разговор. Иначе говоря, лейтмотивные интервьюеры могут и не быть безусловно хорошими интервьюерами. Важнейшее возражение против лейтмотива в биографическом интервью рассматривает это преимущество как недостаток: лейтмотив может стать "из средства достижения информации средством блокирования информации", если интервьюер так строго его придерживается и отрезает от опрашиваемого другие темы, кроме важнейшей. "Бюрократией лейтмотива" называет Хопф (1978, с.101) эту сверхвласть лейтмотива.

Этих недостатков лишено нарративное интервью, связанное с именем Ф.Шютце. При этом опрашиваемого (как только достигнут доверительный и расслабленный климат в разговоре) для начала просят рассказать подробно свою историю жизни по своим релевантным критериям, причем следуя происходящему с течением времени. Во время этой первой фазы рассказа интервьюер прислушивается с частично участвующим, но "свободно парящим" интересом и пытается удерживать усердие рассказчика с помощью "хм" или подобных междометий. Селективные одобрения или даже комментарии для этой фазы считаются вредными, поскольку они отводят опрашиваемого от рассказа о собственной истории. Во всяком случае, как только опрашиваемый

прекращает рассказывать свою жизнь и только сообщает или передается аргументированию и оценке, интервьюер должен пытаться его снова подвинуть к рассказу. Средствами для этого служат вопросы о том, "как это развивалось дальше" и т.д. Как только информант заканчивает рассказ о своей жизни, интервьюер расспрашивает об отдельных, оставшихся неясными, моментах, но так, чтобы по возможности стимулировать новые рассказы (итак: запрет на вопрос "Почему?", запрет на требования легитимации). Ближе к концу интервью можно попытаться, если речь идет об образцах значений и собственных теориях информанта о своей жизни, поставить вопросы об обоснованиях и оценках.

Главный смысл этих правил в том, что через стимулирование рассказов (т.е. не сообщений, аргументов, резонансов) сохранить документальное содержание истории жизни так, чтобы скорее достичь соответствия стимулированного интервью рассказу тому, как это происходило "тогда". Если опрашиваемый соглашается на требование рассказать свою жизнь, то он "впутывается в троекратный зигзаг импровизации-рассказа о пережитых событийных взаимосвязях" (Шютце 1982, с.571) и вещи изображаются более или менее так, как они были даны раньше (в течение прожитой жизни). Зигзаги образного заключения истории, конденсация предложенного материала и его детализация в плане понятности и убедительности приводят рассказчика (по Шютце) даже к тому, чтобы "рассказывать о событиях и ориентациях действий, о которых он бы молчал из стыда или из-за переплетения интересов" (Шютце 1982, с576). В остальном очевидно, что этот метод интервью лучше помогает опрашиваемому, чем лейтмотивное интервью, представить свою историю жизни по своим собственным критериям и релеванностям, т.е. замеры "естественный" материал данных.

Если есть возможность провести с одним опрашиваемым несколько интервью, объединить несколько встреч, то можно употребить один за другим нарративное и лейтмотивное интервью (как, например, проект Oral History "Об истории жизни и социальной структуре в Рурской области" под руководством Л.Ниехаммера). Также были апробированы комбинации

открытого интервью с анкетным опросом и групповой дискуссией (Эккарт/Ериш/Крамер 1979).

Наряду с лейтмотивным и нарративным интервью употребляются и другие формы интервью, например, открытое интервью, в котором интервьюер выглядит как любопытный знакомый, который - по типу повседневного разговора - задает наводящие вопросы, тут и там вставляет свои собственные опыты из своей истории жизни. В Oral History употребляются к тому же обращения к интервью информантов или экспертов.

Собирание записанного биографического материала, более всего развитое польской социологией, чаще проходит путь конкурса (т.е. публичного обращения к комитету или жюри, которые затем присуждают призы за "лучшие" сообщения), чтобы подвигнуть собирателей к предоставлению текстов науке (ср. Щепаньский 1974, с.237 и также тема молодежи в 10 Шелл-исследовании, Фишер/Фукс/Циннекер 1985, том IV). Может быть успешным взаимодействие с культурными или социальными организациями, которые заслуживают у опрашиваемых групп большее уважение, чем у групп ученых (вспомним успех обращения писателя Вальтера Кемповски, которому посылали неопубликованные автобиографии, ср. Хайнрихтц 1989).

Второй путь измерения заключается в том, что исследователь использует возможности образовательных институтов, в рамках которых пишутся автобиографии. Так, педагог Росслер в 50-е годы собрал тысячи школьных сочинений на автобиографическую тему - естественно при условии, что эти сочинения не будут прочитаны и оценены учителями, а будут служить чисто научным целям (об архиве Росслера см. Абельс/Крюге/Рорман 1989). Наконец, одного опрашиваемого с помощью одного или нескольких биографических интервью можно подвигнуть к тому, чтобы собрать письменную историю жизни (и при этом задать точку зрения или лейтмотив).

Сравнение обоих методов измерения - интервью и собирания - чаще говорит о преимуществах интервью: оно не так связано с обычаями, привычками в различных социальных группах, как это характерно для письменного самовыражения. Лучше удастся эта задача при условии

правленной выборки. Кроме того, в процессе интервью легче объяснить ложь и искажения при вопросах-запросах.

8. ТРАНСКРИПЦИЯ

Запись биографического интервью на магнитофон обычно переносится на отпечатанный протокол, чтобы облегчить последующую интерпретацию (тщательная интерпретация на основе магнитной записи затруднительна). Кроме того, транскрипты легче размножить для группы интерпретации и сначала они образуют часть манускриптов-предложений для исследовательского сообщения.

Фактически имеется три возможности для транскрипции: перенесение на нормальный письменный язык (т.е. убирание всяких "хм", правильное написание, внесение знаков препинания по правилам письменного языка и т.д.), "литературная запись" (Элих 1980, с.23) вместо письменного языка (часто при письменном отражении диалектов), литературная запись при включении паралингвистических признаков разговорного текста (т.о., все паузы и "хм", все разрывы слов и растягивания слогов, знаки препинания только согласно голосу).

В зависимости от оценочных целей выбирается метод транскрипции: если Oral History - проект заинтересован в содержательной, предметной информации опрашиваемого, а не в роде и способе его коммуникативного поведения в интервью, то достаточно перевода на письменный язык. Если опрашиваемый при том и другом высказывании смеется или рассержен, тогда это оставляется без внимания. Более точное отображение высказанного текста включает паузы, разрывы слов и т.д. Для всех путей оценки необходимо интерпретировать высказывания на основе анализа их коммуникативной подачи в интервью, делать заключения из взаимосвязи языкового отображения и содержания. Для этого требуется: 1) полнота транскрипции, включая все разделы разговора, вводные пределы и т.д. Во- вторых, требуется, чтобы были зафиксированы письменно паралингвистические выражения, т.е. все "хм", "ах", паузы и т.д. В-третьих,

необходима точная передача порядка всех выражений при записи. Пример таких правил транскрипции:

>>' = совсем короткий перерыв внутри выражения;

.. = короткая пауза;

... = средняя пауза;

(Пауза) = длинная пауза;

гм = заполнитель паузы, сигнал восприятия;

. = снижение голоса;

- = голос на весу (ровно);

; = возвышение голоса;

h = задержка, затруднение в формулировании;

k = маркированная корректура (подчеркивание окончательного варианта, особенно при многократной корректуре).

Но дальше я не пошел = (акцентирование);

верно = резкое ударение;

верно = растянуто.

(Смех), (выходки), (быстро) = характеристики внеязыковых процессов, соответственно способа речи, тона, характеристика стоит перед соответствующим местом и считается до конца выражения, до новой характеристики или до +.

& = резкое быстрое знакомство;

(..), (....) = непонятно, неясно;

(так ли?) = больше или дальше непонятно, предположительный дословный текст.

A: но дальше я не пошел.

B: и все же я хотел бы сказать = одновременный разговор, при обстоятельствах с точной характеристикой вставки.

(Каллмайер/Шютце 1976, с.263).

Нужно сказать, что столь точный метод транскрипции достигается многократным чтением корректуры путем прослушивания диктофона исследователем.

9. МЕТОДЫ ОЦЕНКИ

Общий метод оценивания биографического материала до сих пор не разработан, используются многие методы. Это разнообразие, но и собственно ручной (штучный) характер интерпретационной работы, который не подчиняется системе правил и предписаний, позволяют здесь лишь отразить важнейшие признаки методов, но не необходимое руководство к действию. Кроме того, необходимо сослаться на методическую и исследовательскую литературу.

До сих пор было принято, что истории жизни были представлены без дальнейшего анализа только как редакционно обработанные тексты в качестве результата исследования. Тогда они служат иллюстративным целям, должны указывать читателям на теоретически невоспринимаемую сложность социальной среды или на отдельной судьбе рассматривать особую социальную проблему. Насколько это интересно - научное интерпретирование - в собственном смысле слова, речи нет, Поскольку чаще точки зрения, которыми руководствуются при транскрипции, не выделены, не говоря уже об обстоятельстве отбора и измерения, то материал этого рода не раз необходимо анализировать повторно.

При кодировании ответов на открытые вопросы в стандартизированном исследовании ответы подчинены заранее разработанной системе категорий, которая по возможности узко и однозначно отражает вариантность полученных ответов. Похожий метод оценки биографического интервью идентифицирует остановки, высказывания, цитаты из многих интервью в отношении к заранее (или после первого просмотра материала) конструированной системе категорий. Протоколы интервью разбираются на высказывания, контрольные места и т.д., преимущественно составленные с точки зрения, которая интересна теоретически или служит цели исследования. Профильная оценка - наиболее подходящее обозначение для этого метода, который отбирает наиболее важные места из смысловой взаимосвязи отдельного интервью по внешним критериям. Неважно, являются ли

упорядочивающие критерии фазами жизненного цикла (как у Эккарт/Ериш/Крамер 1979), квалификационным уровнем, принадлежностью к когорте и региональным происхождением (как у Деппе 1982), преимущественно принятыми образцами толкования и т.д., в каждом случае в основе профильного оценивания лежит предположение, что отдельные места из биографического интервью должны интерпретироваться для себя и прямо могут быть соотнесены с соответствующими местами из другого интервью.

Методически против этого метода можно возразить, что он разбрасывается информацией, которая уже была замерена, а именно, через контекст отдельных мест в отдельном биографическом интервью, через биографическое значение высказываний и т.д. Методологически можно возразить, что этот метод делает проблематичным предположение, которое заключается в том, что места могут быть интерпретированы без биографического значения, предположение, что в любом случае не биография определяет значение высказываний, толкований и т.д.: часто имплицитно приписывает коллективное или средовое выражение высказываний, толкований и т.д. Поэтому такой метод оценивания биографического материала в известной степени "враждебен биографии" (что естественно не означает, что это может быть ложно - лишь эмпирически необоснованно).

Три следующих метода оценивания отклоняют эти "заемы" количественной исследовательской логики (соответственно во "враждебных биографии" теоремах) и имеют цель основательно интерпретировать случаи "для себя"

Социологическое парафразирование характерно осторожным и продолжительным подходом к пониманию. При многих пересечениях руководимое теорией внимание социолога обращается к тексту в возвратно-поступательном движении между материалом и добытыми из социологической теории косвенными доказательствами, точками зрения, возможностями упорядочения и способами воззрения. Этот путь интерпретации хочет скопировать себя по процессу понимания в повседневности, ориентируется на то, как два человека понимают себя в

обыденных ситуациях (Хайнце/Клуземанн 1979, 1980). Интерпретаторы в известной степени делают так, как будто они находятся в процессе разговора с опрашиваемым, если они имеют перед собой транскрибированный протокол: перенимание перспективы другого; уточняющий вопрос (корректно ли это перенимание и достаточно ли детализировано); вновь попытка перенимания перспективы другого и т.д. Целью является реконструкция образов, которые опрашиваемый имеет о себе и о полях своего жизненного мира. В результате образ опрашиваемого о себе и своем жизненном мире может быть представлен как "ядро-высказывание", сформулирован по возможности близко языку протокола интервью. Методически против этого метода можно возразить, что протокол интервью корректирует попытки интерпретатора понимать "не исходя из себя". К тому же протокол интервью содержит не только текст опрашиваемого, но также его интеракцию с интервьюером, что уже является результатом процесса понимания. Методологически можно возразить, что этот метод направлен только на концентрированное выражение значений/толкований опрашиваемого, останавливается на реконструкции его способа воззрений, биографическое обоснование исследуется целенаправленно, в целом: лишь искаженно можно представить, что опрашиваемый думает о себе и своем мире.

Связанный с нарративным интервью путь интерпретации имеет теоретическую предпосылку/предположение, что текст, если он состоит из рассказов, а не сообщений, обобщенных высказываний или резонирований, следует действительному течению вещей. Попытки информантов опустить события, неприятные сегодня действия из прошлого и т.д. проявляются в тексте как паузы-затруднения, как переход к аргументированию и т.д.

Первый шаг интерпретации здесь - исследование видов/сортов текста (рассказ, сообщение, аргументация, оценка), чтобы отделить "надежные" части текста от других и с помощью коммуникационных форм опрашиваемого достичь точки опоры для пропущенного, искаженного и т.д. С помощью частей текста, рассказывающих что-либо, можно решить, какие персоны, группы или институты были тогда для информанта особенно важны, как он их и они его оценивают, в каких констелляциях действий

возникали для него решающие поворотные пункты его истории жизни. Следующий последовательный анализ (анализ по определенным правилам отделенных друг от друга частей текста; для интерпретации не привлекаются позднейшие части текста) имеет целью выработку процессуальных структур в течение жизни и развитие "биографического формирования", развитие идентификации в широком смысле. Для начала основательно интерпретируют сильно контрастирующие случаи, чтобы обнаружить в известной степени общую мозаику всех структурированных случаев.

В определенной мере в качестве основания для соответствующих интерпретаций Шютце потрудился над разработкой процессуальных структур течения жизни, над концепцией форм протекания жизни, которые выступают в любой жизненной истории в различной последовательности, комбинации и силе. Таким образом, процессуальные структуры - это не образцы толкования или образы, портреты отдельных людей в их жизненной судьбе, а фактические формы протекания в отрезки или в течение всей жизни, которые также толкуются и частично отсоединены от биографических общих оценок. Они должны быть идентифицированы скорее внутри толкований и биографических композиций, чем в формах протекания происходящего в жизни. Как информант толкует свою историю жизни и насколько это реалистично-нереалистично, можно понять, если процессуальные структуры и значения или оценки идентифицировать отдельно друг от друга (Шютце 1980, с. 131).

Различаются следующие процессуальные структуры: интенциональные процессы; процессы, при которых передаются институциональные образцы; кривые течения. Интенциональные процессы - это проекты в смысле жизненных целей, намеренно начатые шаги, которые должны выводить из жизненной ситуаций, формы действий, ведомых намерением достичь ситуации, в которой можно узнать новое. Институциональные образцы течения, предписанные правила которых передаются,- это посещение школы, последовательность образовательных шагов, семейный цикл и профессиональная карьера и т.д. Кривые течения - это процессы происходящего. В жизни отдельного человека возникает цепь событий и

условий, которые существенно ограничивают его идентичности. Стать алкоголиком или сумасшедшим - примеры того. Важно лишь, чтобы идентичность единицы двигалась не в том же ритме, что и процессуальные структуры течения жизни. Что отдельный человек держит в себе и как он осмысляет свою биографию - понимание этого следует по мере медленной смены жизненных шагов. В этом Шютце видит ключ к исследованию самопонимания и понимания своей жизни, которые в противовес действительным формам протекания жизни действуют иллюзионно, идеологически или преобразенно.

Объективная герменевтика, развитая Оверманом, сходным образом дифференцированно обосновывает, что нарративный метод понимается не как метод интерпретации биографических документов, а как проект "Всеобщее значимой для социологического исследования герменевтической методологии" (Оверманн/Аллерт/Конау/Крамбек 1979, с.352) с требованием подготовки (в противовес методам количественного социального исследования) фундаментальных, облегчающих изучение объективности инструментов социальных наук. Поскольку биографические материалы чаще оцениваются с помощью объективной герменевтики или на нее ориентированных подходов, необходимо ее здесь кратко описать.

Основная мысль объективной герменевтики возникла в одном исследовании о семейных процессах интеракции: ребенок встраивается в уже существующую структуру значений, которую родители представительно интерпретируют для него и таким образом расширяют его шансы воспринять/усвоить эту имеющуюся структуру значений вместо того, чтобы все же ему самому реализовать свой потенциал интерпретации. Эту точку зрения объективного измерения, согласно взглядам людей, принимающих участие в воспитании, обобщил Оверманн; он формулирует две основы социальной реальности, взаимоотношения которых указывают на задачу объективной герменевтики ("объективно" должно означать, что здесь идет речь о другом, нежели о социологическом парафразировании или других методах интерпретации из духовно-научной или феноменологической герменевтик): основа латентных смысловых структур текста, которые

должны вырабатываться независимо от сознания информанта, и основа намеренно выраженных значений со стороны информанта. Интеракции людей нужно понимать не через реконструкцию выраженных в них интенций или мотивов, а скорее по модели "отсутствующего достижения", по Фрейду или по модели неинтендированных последствий действий в социологии, а именно, как воспроизводство и трансформацию латентных смысловых структур. Бесцельно спрашивать респондентов об интенциях, которые они имеют в виду при воспроизведении текста, скорее потому что их речевые акты воспроизводства и трансформаций имеют глубокие структуры значений, которые сами неполностью представлены в сознании. Интерпретационный метод объективной герменевтики имеет предпосылкой данные, которые измерены, следуя правилам нарративного интервью, и соответственно точно транскрибированы. Практически это основывается на процессе, в котором понимание текста экстенсивно и выразительно проблематизировано (в отличие от обыденного понимания). Поскольку речь идет об "искусственном учении", а не методе, кодифицируемом и обучаемом по правилам, для него даны некоторые прагматические условия: интерпретаторы сами не должны находиться в процессе социализации. Они не должны быть невротичны, "во всяком случае не так невротичны, чтобы от этого сильно страдала способность к интуитивно схватываемому первичному опыту социального предметного содержания" (Оверманн /Аллерт/Конау/Крамбек 1979, с.393). Интерпретация должна быть выработана группой, чтобы тем самым выровнять личностные ограничения. Текст должен экстенсивно толковаться, должны быть основательно изучены прямо засвидетельствованные или невероятные варианты, чтобы текст по возможности имел богатые контуры, ни одна деталь текста не должна рассматриваться как случайная, как второстепенная.

Наименьшая текстовая часть, обычно начало протокола интервью, сначала подробно интерпретируется. Часто удается уже с помощью относительно малых интерпретационных шагов после интенсивной интерпретации сформулировать латентные смысловые структуры, прежде все же со статусом одного варианта среди многих. После проверки этого

варианта на многих других частях текста в независимых интерпретационных ходах он может считаться основательным анализом случая. Для "тонкого анализа" текста предусмотрен ряд соответствующих рабочих шагов (ср. Оверманн/Аллерт/Конау/Крамбек 1979, с.294). Основное правило здесь то, что интерпретация не должна перескакивать внутренние членения текста, она не должна привлекать для заключения никакой информации из позднейших частей текста, которые сейчас представлены к интерпретации. "Метод сам построен согласно реальному процессу воспроизводства" (Оверманн/Аллерт/Конау/Крамбек 1979, с.422), потому что он реконструирует в анализе частей процесс селекции возможностей из объективной сферы значений при создании текста информантом. Возражая против объективной герменевтики, вопрошают, не идет ли речь при этом по сути о психоаналитическом методе. Или утверждают (против Оверманна), что не для всех случаев история жизни человека определяется ранее возникшей латентной смысловой структурой, а знает процессы изменения, трансформаций латентных смысловых структур (так у Буде 1982, с. 138). Но по меньшей мере нужно иметь в виду, что объективная герменевтика заинтересована в форме результата скорее в латентных смысловых структурах, перед которыми история жизни отстывает как процесс.

В последнее десятилетие чаще используются нарративные методы интерпретации, но также и объективная герменевтика. Наряду с этим имеется относительно плохо обоснованный профильный анализ, а также пути оценивания, связанные со специальными теоретическими школами (особенно психоанализом).

10. К ПРИМЕНЕНИЮ ВНЕ НАУЧНЫХ ПРОЕКТОВ

В противовес программе серии, в которой выходит этот текст, против моих собственных желаний нужно здесь прежде всего сформулировать предупреждение, потому что биографический метод лишь кажется легко применимым. Для количественного исследования необходимо много денег,

персонала и других ресурсов (программы, интервьюеры и т.д.), а также практически осуществимое доверие к статистике. Намного легче, быстрее и дешевле кажется здесь фиксирование нескольких историй жизни и последующая их оценка и интерпретация. Кажется, что ничего не нужно, кроме диктофона, бумаги и времени.

Кто так начинает, тот быстро споткнется и никогда не придет к цели, поскольку все шаги биографического метода требуют большого труда. Основательно проинтерпретировать единственное интервью стоит исследовательской группе недель, а то и месяцев дискуссий. А перед этим еще кропотливая работа по транскрипции протокола с диктофона в текст-запись; если при этом есть секретарша, по меньшей мере дважды нужно основательно прочитать корректуру (т.е. сравнить диктофон и текст), чтобы в основе интерпретации лежали надежные данные.

Также подготовка к замеру биографическим интервью требует длительных упражнений, пока будет достигнуто положение, при котором будет проявлен одновременно живой интерес к жизни опрашиваемого и отсутствие интереса к оценкам этой жизни, пояснениям, которые он включает в свое описание жизни. При некоторых обстоятельствах для интервьюера не так легко "совсем отказаться от статуса превосходства эксперта" (Томаэ 1968, с.113). Таким образом, например, в первой фазе нарративного интервью его ведущему совсем нечего сказать. Не каждый в состоянии выказать эту смесь напряженного любопытства и хладнокровия, также не каждый способен так далеко отойти от своих академических и прочих профессиональных языковых привычек.

Может быть, нужно еще назвать две больших опасности соответствующих проектов: одна заключается в том, что после более или менее удачного биографического интервью и кропотливой работы по транскрипции сидишь на горе материалов и просто не находишь ни одного сквозного интерпретационного лейтмотива - это потому, что истории жизни вновь и вновь "привязываются" к новому и тем самым мешают необходимой научной дистанции. Вторая опасность - одно из положений для интерпретатора в исследовании: сегодня многие люди имеют относительно

закрытые образы мира с жизненно практическим значением, которые содержат оценку всех других образов мира и жизненных философий (особенно в "культурах последователей" движения 1968 года). Кто таким образом - "всезнайкой" - хочет лишь спокойно слушать (не говоря уже интерпретировать) истории жизни других, интересуясь лишь подкреплением своего понимания мира, тот самообольщается. Лишь то верно, что мы все более или менее затронуты этой жаждой оценивания и разоблачения. Хорошую помощь оказывают советы опытных в биографическом методе коллег. Когда работаешь в группе, это может дать взаимную корректуру, если группа мировоззренчески или по своей групповой динамике не гомогенна. Помогает, естественно, штудирование имеющихся исследовательских сообщений, чтобы иметь возможность изучить достижения и проблематику биографического метода.

11. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ

- **Введение в рабочее поле дают:** BAACKE, D., SCHULZE, Th.: Pädagogische Biographieforschung: Orientierungen. Weinheim und Basel: Beltz 1985; Fuchs, W.: Biographische Forschung. Eine Einführung in Praxis und Methoden. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1984; Voges, W.: Hrsg.: Methoden der Biographie- und Lebenslaufforschung. Opladen: Leske und Budrich, 1987;
- **Кроме того могут быть привлечены:** Niethammer, L., Hrsg.: Lebenserfahrung und kollektives Gedächtnis. Die Praxis der >Oral History<. Frankfurt a. M.: Syndikat 1980 (und spätere Ausgaben);
- **В исследовательских перспективах и теоретических подходах ориентируют:** Brose, H.G., Hildenbrand, B., Hrsg.: Vom Ende des Individuums zur Individualität ohne Ende. Opladen: Leske und Budrich 1988; Kohli, M., Robert, G., Hrsg.: Biographie und soziale Wirklichkeit. Neue Beiträge und Forschungsperspektiven. Stuttgart: Metzler 1984; BIOS. Zeitschrift für

Biographieforschung und Oral History. Opladen: Leske und Budrich (halbjährlich, seit 1988);

- **О методах интерпретации информируют:** Heinze, Th., H.W.Klusemann, Soeffner, H.G., Hrsg., Interpretationen einer Bildungsgeschichte. Bensheim: päd. extra 1979; Soeffner, H.G., Hrsg.: Interpretative Verfahren in den Sozial- und Textwissenschaften. Stuttgart: Metzler 1979;

- **Несколько эмпирических исследований за последние годы, которые дают обзор способа работы:** Brose, H.G.: Die Erfahrung der Arbeit. Eine empirische Untersuchung zum berufsbiographischen Erwerb von Handlungsmustern bei Industriearbeitern. Opladen: Westdeutscher Verlag 1983; Giegel, HJ., Frank, G., Billerbeck, U.: Industriearbeit und Selbstbehauptung. Berufsbiographische Orientierung und Gesundheitsverhalten in gefährdeten Lebensverhältnissen. Opladen: Leske und Budrich, 1988; Hermanns, H., Tkocz, Ch., Winkler, H.: Berufsverlauf von Ingenieuren. Biografie-analytische Auswertung narrativer Interviews. Frankfurt a.M. und New York: Campus 1984; Lehmann, A.: Erzählstruktur und Lebenslauf. Autobiographische Untersuchungen. Frankfurt a.M. und New York: Campus 1983; Lenz, K.: Alltagswelten von Jugendlichen. Eine empirische Studie über jugendliche Handlungstypen. Frankfurt a.M. und New York: Campus 1986; Riemann, G.: Das Fremdwerden der eigenen Biographie. Narrative Interviews mit psychiatrischen Patienten. München: Fink 1987;

- **Следующая библиография может быть полезна при вхождении в рабочее поле:** Heinritz, Ch.: BIOLIT. Literaturübersicht aus der Biographieforschung und der Oral History 1978-1988. In: BIOS. Zeitschrift für Biographieforschung und Oral History 1 (1988, 1), S.121-167, und (1988, 2), S.103- 138.

12. СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Abels, H., Krüger, H.-H., Rohrmann, H.: >>Jugend im Erziehungsfeld << Schüler auf
sätze aus den fünfziger Jahren im Roessler-Archiv: BIOS Zeitschrift für
Biographieforschung und Oral History 2 (1989, 1), S.139-150;
- Bertaux, D.: Note on the Use of the Life-History Approach to Study a Whole Sector of
Production: The Artisanal Bakery in France. In: Matthes, J., Pfeifenberger, A.,
Stosberg, M., Hrsg.: Biographie in handlungswissenschaftlicher Perspektive.
Nürnberg 1980, S.283-286;
- ders.: Introduction. In: Ders., Ed.: Biography and Society. The Life History Approach in
the Social Sciences. London and Beverly Hills 1981, S.5-15;
- Bude, H.: Text und soziale Realität. Zu der von Oevermann formulierten Konzeption
einer >Objektiven Hermeneutik <. In: Zeitschrift für Sozialisationsforschung und
Erziehungssociologie 2 (1982), S.134-143; Bühler, Ch.: Zwei Knabentagebücher.
Jena 1925;
- dies.: Zwei Mädchentagebücher. Jena 1927;
- dies.: Drei Generationen im Jugendtagebuch. Jena 1934; Clauser, G.: Lehrbuch der
biographischen Analyse. Theorie und Praxis lebensgeschichtlich orientierter
Krankheitsbetrachtung und Krankerbehandlung. Stuttgart 1963;
- Deppe, W.: Drei Generationen Arbeiterleben. Eine sozio-biographische
Darstellung. Frankfurt. a.M. und New York: Campus 1982;
- Eckart, Ch., Jaerisch, U., Kramer, H.: Frauenarbeit in Familie und Fabrik. Eine
Untersuchung von Bedingungen und Barrieren der Interessenwahrnehmung von
Industriearbeiterinnen. Frankfurt a.M. und New York: Campus 1979;
- Ehlich, R.: Der Alltag des Erzählens. In: Ders., Hrsg.: Erzählen im Alltag.
Frankfurt a.M.: Suhrkamp 1980, S.11-27;
- Fischer, A., Fuchs, W., Zinnecker, J.: Jugendliche und Erwachsene'85. Generationen im
Vergleich. 10. Shell-Jugendstudie. Band IY. Opladen: Leske

- und Budrich 1985;
- Fischer, W., Kohli, M.: Biographieforschung. In: Voges, W., Hrsg.: Methoden der Biographie- und Lebenslaufforschung. Opladen: Leske und Budrich 1987, S25-49;
- Fuchs, W.: Möglichkeiten der biographischen Methode. In: Niethammer, L., Hrsg.: Lebenserfahrung und kollektives Gedächtnis. Die Praxis der >Oral History<. Frankfurt a.M.: Syndikat, 1980;
- Voges, W., Hrsg.: Methoden der Biographie - und Lebenslaufforschung. Opladen: Leske und Budrich 1987, S321-339;
- Glaser, B.G., Strauss, A.L., The Discovery of Grounded Theory. Strategies for Qualitative Research. New York 1967;
- Heinritz, Ch.: Das Kempowski-Archiv für unpublizierte Biographien. In: Walter Kempowski zum sechzigsten Geburtstag. Zusammengestellt von Hachen, R., und Hagenau, B. München und Hamburg: Knaus 1989, S21-45;
- Heinze, Th., Klusemann, H.-W., Soeffner, H.G., Hrsg.: Interpretationen einer Bildungsgeschichte. Bensheim: päd. extra 1980, S.97-152
- Henningsen, J.: Autobiographie und Erziehungswissenschaft. Eine methodologische Erörterung, in: Neue Sammlung (1962), S.450-461;
- Kohli, M., Hrsg.: Sociologie des Lebenslaufs. Darmstadt und Neuwied: Luchterhand 1978;
- Leitner, H.: Lebenslauf und Identität. Die kulturelle Konstruktion von Zeit in der Biographie. Frankfurt a.M. und New York: Campus 1982;

АЛИС ХОФФМАН

ДОСТОВЕРНОСТЬ И НАДЕЖНОСТЬ В УСТНОЙ ИСТОРИИ

Устная история (Oral History) может быть определена как процесс сбора, обычно методом интервью с помощью диктофона, воспоминаний, описаний или интерпретации событий из недавнего прошлого, которые представляют историческую значимость.

Критика этого метода обычно сфокусирована вокруг проблемы надежности человеческой памяти и надежности и валидности данных, собранных этим способом.

Для того, чтобы рассмотреть эту проблему, необходимо раскрыть более подробно методы, используемые большинством практиков в этом искусстве "устной истории". Начало устной истории в Соединенных Штатах обычно связывают с именем Аллана Невинса, образовавшего Центр устных исследований в Колумбийском университете в 1948 году. Колумбийский проект начал записывать на магнитофон интервью с людьми, которые внесли существенный вклад в разные области общественной жизни и которые описывали процесс становления этих областей. К 1967 году интерес к этому методу воссоздания прошлого стал настолько велик, что была создана ассоциация исследователей устной истории. К моменту объединения в организацию историки были несколько удивлены, что их взгляды и интересы разделяют и представители целого ряда других академических дисциплин: медики, антропологи, социологи, психологи, библиотекари, архивисты, специалисты в области образования, этнографы, физики и т.д.

Одна из наиболее интересных сторон в проектах по устной истории - это большое число и разнообразие медицинских проектов, что нашло свое отражение в составе участников данной Ассоциации. Это произошло благодаря тому, что медики обнаружили, что наиболее значительные достижения в истории медицины произошли на памяти еще живущего поколения людей. В то время как научная методология была довольно

хорошо изучена, ощущался пробел в информации о специфических деталях развития отдельных областей, о путях создания знаменитых клиник, о способах вхождения новой техники в практику медицины. Поэтому записанные на пленку интервью в основном содержали рассказы "пионеров" в данных областях медицины, некоторые из интервью были даже записаны на видео пленку.

Другой тип проектов, представленных в Ассоциации, может быть назван "Знаменитые личности и их друзья и соратники". Например, наиболее значительный проект посвящен жизни и деятельности генерала Джорджа С. Маршалла. Начиная с Франклина Рузвельта, каждый президент, покидая свой пост и резиденцию, оставлял библиотеку материалов, связанных с его президентством; каждая такая библиотека, начиная с библиотеки Трумэна, имеет раздел устной истории.

Существует также большое число проектов, связанных с историей отдельного региона или культурой. Проект Калифорнийского университета в Беркли называется "Проект устной истории региона" и посвящен сбору и сохранению информации по широкому кругу тем, начиная с лесных богатств региона и кончая историей винной индустрии в Калифорнии, со всеми их социальными, политическими и экономическими аспектами. Для этих целей архивы штата использовали также данные по устной истории общегосударственных и общественных источников, касающихся развития данного региона.

Этническая история также широко представлена в Ассоциации устной истории: есть проекты по истории евреев в Соединенных Штатах, по истории различных племен индейцев и недавно появившееся, очень важное направление - история негров, представленная в нескольких проектах. Развитие проектов устной истории в этих направлениях приводит к одному общему выводу относительно их. Он заключается в том, что устная история скорее развивается в тех областях, где происходят существенные изменения и где ощущается нехватка архивных или письменных источников; история негров относится как раз к таким. Мы в Соединенных Штатах развили у негров новое чувство расовой гордости, и они стали стремиться воссоздать

свое прошлое. Но для этого очень мало информации. Архивов негритянской истории фактически не существует, и единственное средство узнать о прошлом - это интервьюировать людей, которые были рабами или которые были детьми рабов. Единственное средство исследовать, как происходило передвижение в северные гетто в 20-х годах - это взять интервью у этих людей.

Наконец, центры устной истории занимаются и историей организаций. Организации самой различной направленности - начиная с Международной организации технического оборудования для бизнеса (IBM) и кончая Союзом рабочих сталелитейной промышленности Америки - стали объектами устной истории для изучения процесса их становления и развития. Одно из потенциальных преимуществ в развитии этого направления устной истории - это то, что организация или институт обычно сами финансируют такие интервью. И это немаловажное преимущество при осуществлении проектов.

Постоянная тема дискуссии всех исследователей, работающих в области устной истории, - проблема достоверности и надежности интервью. В данном случае надежность может быть определена как постоянство (неизменность) в изложении индивидом истории одного и того же события на протяжении различных ситуаций интервьюирования. Достоверность понимается как степень согласования между изложением события индивидом и самим событием, каким оно предстанет из других (первичных) источников, таких, как документы, фотографии, дневники и письма.

Итак, хотя мы теоретически допускаем, что устное изложение может быть правдивым описанием события, его валидность не может быть установлена до тех пор, пока не измерено его соответствие другим свидетельствам. Без такого свидетельства изолированное описание события остается внутренним переживанием, ценность которого не может быть достаточно точно определена.

В этом аспекте источник устной информации (информант) считается надежным, если его сообщение о данном событии согласуется с рассказами других информантов. Например, в 1966 году в государственном университете Пенсильвании осуществлялся проект по устной истории, в котором было

интервью с работником сталелитейной компании Карнеги-Иллинойс (Carnegi- Illinois Steel Company). Ему предложили дать интервью о скрытых аспектах профсоюзной деятельности его самого и его сослуживцев. В интервью он описывал, какими путями его привлекали к этой деятельности и как оплачивались его услуги. Ранее, в 1935 году, Роберт Р.Брукс проводил исследование о ранних стадиях развития профсоюзного движения в сталелитейной промышленности и опубликовал в Книге "Как существует сталелитейная промышленность" (As Steel Goes) (1) анонимное интервью с тем же человеком. Оба интервью: опубликованное в книге Брукса и транскрибированное интервью, сделанное 30 лет спустя,- повторяют друг друга почти слово в слово (2). Таким образом, мы уверены в надежности информанта. Его достоверность, однако, должна быть проверена путем сопоставления с другими свидетельствами и документами; например, с сообщениями о промышленном шпионаже, раскрытом сенатской комиссией Лафоллетта (Lafollette) при исследовании нарушений гражданских свобод (Violation of Civil Liberties) (3) и с сообщениями других респондентов из этого же проекта. При сравнении с этими сообщениями данное интервью также оказалось несомненно валидным, но существуют некоторые расхождения между его свидетельским показанием и тем, что известно из других имеющихся источников. Информант может, однако, считаться надежным (та же история всплывает каждый раз, когда его спрашивают о ней), но рассказ может быть, а может и не быть достоверным представлением о самом событии, что следует из сравнения с другими источниками.

Однако, в обратном случае, если информант не надежен, то и достоверность его рассказа может быть поставлена под сомнение. Короче говоря, в историческом исследовании так же, как и в психологическом, инструмент сбора данных может быть достоверным ровно в той степени, в какой он надежен.

Давид Мусто (David Musto) на IV Национальном коллоквиуме Ассоциации по устной истории представил результаты исследования по надежности в течение времени информации, полученной в разное время от

родителей относительно медицинской и образовательной истории жизни их детей. Красной нитью через все исследование прошла мысль о том, что хотя многие факты, сообщенные родителями, можно считать достаточно надежными (особенно факты, связанные с цифрами: например, вес ребенка при рождении) отдельные аспекты в рассказах родителей (особенно связанные с родительскими чувствами и attitudes) являются менее надежными (4).

Кроме того, одно из исследований, на которое я ссылаюсь в конце статьи, содержало также и тест на валидность устных рассказов родителей. Массовое продолжительное исследование системы воспитания, проводимое в Нью-Йоркском университете, дает возможность сравнить рассказы родителей с медицинскими отчетами того же времени(5). Здесь, как и в предыдущем случае, фактическая информация была передана родителями достаточно точно, но там, где были искажения, они по характеру напоминали советы, которые обычно дают специалисты в области детского воспитания.

Эта тенденция приближения устной информации к общепринятым нормам характерна фактически для всех субъективных источников информации, и она заслуживает специального внимания к ней со стороны устных историков-практиков. Когда Давид Мусто представил свои данные на Национальном коллоквиуме, ему сразу же был задан вопрос.

Вопрос: Хотелось бы узнать, в процессе вашего исследования указывали ли респонденту на явную непоследовательность в его изложении?

Ответ: Насколько я знаю, этого не делалось(6).

В отличие от интервью, о которых сообщал Мусто, где родителей не ставили перед фактом несоответствия в их рассказах, хорошо подготовленный устный историк сразу же фиксирует такое расхождение и по ходу дискуссии задает вопрос по этому поводу. Такая практика была описана одним из участников коллоквиума: "Мой опыт показывает, что если сталкиваешься с противоречием или несоответствием в рассказе человека, он очень часто готов сам разрешить его. Окажется, что это случилось или благодаря историческим изменениям в смысле слова, которое он употребил, или это связано с контекстом самого события, которое противоречит другим

событиям. Я думаю, что, соглашаясь на интервью, человек исходит прежде всего из желания честно изложить события. Предположим, что у вас есть письмо или документ, демонстрирующий, что в свое время человек недобро поступил по отношению к другому человеку, а теперь он утверждает, что действительно считал себя тогда очень приятным и добрым человеком. Если вы укажете ему на это несоответствие, он будет очень рад полученной возможности показать, как изменились его представления с того времени. И это очень важный материал для записи. Если вы убедите респондента в вашей симпатии и добром желании сотрудничать с ним в общем деле честного изложения фактов, я не думаю, что он откажется ответить на такой призыв." (7).

Все это, конечно, свидетельствует о различиях в целях приведенного исследования Мусто и работы устных историков.

Исследования Мусто фиксируют недостаточную надежность медицинских данных, полученных от родителей, в ситуации, когда эти ошибки не корректировались, а это могло бы не случиться, если бы им указывали на несоответствия в их сообщениях. В свою очередь, устный историк стремится к достоверности информации и поэтому использует в интервью все средства для достижения наиболее достоверного изложения фактов.

Маловероятно, однако, что устные историки всегда преуспевают в этом. Понимая это, многие устные историки утверждают, что они и не историки вовсе, а скорее устные архивисты и что устные рассказы это скорее то, что философы называют "свидетельства памяти" (memory claim). Это означает субъективное свидетельство о факте прошлого и поэтому может служить просто еще одним источником, который может быть задействован архивистами наряду с более традиционными видами архивных данных. Последующие историки для того, чтобы окончательно убедиться в его значимости, еще должны оценить его, сравнивая с документами, письмами и т.д.

В этом отношении устные источники имеют определенные преимущества перед письменными документами. Одно из таких преимуществ состоит в том, что не возникает сомнений относительно авторства. В

правительственных кругах Вашингтона существует общепринятая процедура, когда любой важный письменный документ подготавливается многими людьми, кроме того одного, рукой которого он подписан. В этой связи журнал "Наука" (Science) недавно сообщил о том, что письмо, подписанное Франклином Рузвельтом о создании Национального Научного Фонда (National Science Foundation) и которое до недавнего времени приписывалось Рузвельту, на самом деле было написано двумя молодыми вашингтонскими юристами: Оскаром Рубхаузенем и Оскаром СКоксом (8).

Другое преимущество устных интервью состоит в том, что в отличие от письменного документа оно сохраняет непосредственность впечатлений и искренность, которые более свойственны разговорной речи.

Однако наиболее важное преимущество, на мой взгляд, - это возможность сохранить в записи жизненный опыт людей, которые не имеют литературного таланта или свободного времени для написания мемуаров. Таким путем создается новый вид истории - не история лидеров, королей и президентов, а история фермеров, рабочих, эмигрантов и других простых людей. Раньше свидетельства простых участников важнейших социальных движений не фиксировались. Теперь интервью с ними позволяют сохранить их воспоминания, а также изучить роль рядовых участников в социальных движениях.

В этой связи интересно упомянуть, что, изучая разные стороны политики, проводимой Союзом сталелитейщиков Америки, мы часто сталкивались с тем, что эта политика формировалась опытом, знаниями и идеями лидеров значительно более низкого уровня, чем это обычно предполагают журналисты и все те, кто занимается историей данного Союза.

В целом, конечно, можно сказать, что устная история - это просто один из многих первичных источников. Она не хуже письменных документов. Архивы изобилуют личностными документами, отредактированными дневниками и воспоминаниями, написанными для истории. Фактически же сделанное на высоком профессиональном уровне интервью по методу устной истории может стать более ценным, чем многие письменные источники, если его проводит специалист, который хорошо знает, что он ищет.

Направление информации, получаемой в результате интервью, во многом зависит от того, кто берет интервью. Норман Нойзль в своей статье по устной истории определяет интервью как вид социального взаимодействия, в котором оба участника оказывают прямое, хотя иногда и бессознательное, влияние друг на друга, "Все в интервьюере: его возраст, внешний вид, манера говорить, его действия, ход подготовки к интервью и умение представиться при первичном знакомстве - все это предопределяет, как он будет воспринят интервьюируемым. И эта система восприятия предопределяет содержание, стиль и качество его ответов" (9). В этом смысле интервьюер-профессионал имеет, конечно, определенные преимущества перед устным историком. Но и наши коллеги, устные историки, имеют свои преимущества перед профессиональными интервьюерами. С одной стороны, они хорошо представляют общие требования, предъявляемые к интервью, с другой стороны, они имеют и глубокое знание самой проблемы исследования, что позволяет им одновременно контролировать надежность и достоверность рассказов по устной истории.

Использованная литература:

1. Robert R. Brooks, *As Steel Goes...Unionism in a Basic Industry* (New Haven: Yale University Press, 1940), p.9.
2. John Mullen, oral interview conducted by Alice M. Hoffman, February 1966, PSU-USWA Archives, pp.8-10.
3. U.S. Senate, Committee on Education and Labor, *Violations of Free Speech and Rights of Labor, Hearings, 75th Cong., 1st sess., pt.14* (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1937).
4. David F. Musto and Saul Benison, "Studies on the Accuracy of Oral Interviews", in Gould P. Colman, ed., *The Fourth National Colloquium in Oral*

History (Warrenton, Va.: Oral History Association, 1970), pp.167-172.

5. The Fourth National Colloquium, p.173.
6. The Fourth National Colloquium, p.176.
7. The Fourth National Colloquium, p.180.
8. "Historical Footnote", Science 182 (October 12, 1973), p.116.
9. Quoted in James E. Sargent, "Oral History, Franklin D. Roosevelt, and the New Deal", Oral History Review 1 (1973), p.93.

ПОЛ ТОМПСОН

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ЖИЗНЕННЫЕ ИСТОРИИ В ПОЛЬШЕ

В польской культуре жизненные истории занимают уникальное место. Во всей Восточной Европе коллекционирование народного фольклора процветало благодаря прочно установившейся связи с радикальным популизмом, берущим начало в национально-культурном сопротивлении имперскому доминированию Пруссии, Турции, России и Австрии в XIX в. Например, в Венгрии и Болгарии целый ряд антропологов и социологов используют в своих исследованиях интервью типа жизненной истории. В Чехословакии недавно получили широкое распространение фильмы - жизненные истории для телевидения, в то время как в Венгрии существует независимая традиция создания популярных биографий, берущая начало в 30-е годы от группы радикальных писателей, сторонников необходимости социальных перемен. Наиболее известная из их работ - классическое произведение Гулы Ильеса "Люди Пушты" (1936). Его последователей можно обнаружить в более поздних книгах, таких, как история семьи Могато, иллюстрированная фотографиями. Но вся эта деятельность остается в значительной мере изолированной. Диктофоны еще не получили широкого распространения, поэтому еще не было технического катализатора для устных историй, разрушающего институциональные и междисциплинарные барьеры. Точно так же получили заметное развитие письменные жизненные истории в Польше. Здесь, как еще нигде, они завоевали важное место в народной культуре, в то же самое время выдвинув центральный принцип, имевший значительное интеллектуальное воздействие, - это "гуманистическая традиция", как ее называют в польской социологии.

Интеллектуальная традиция восходит к одному из ранних шедевров Чикагской школы урбанистической социологии. Речь идет о книге "Польский крестьянин в Европе и Америке" (1918) У.Томаса и Ф.Знаецки. Она известна

среди социологов первооткрытием метода жизненной истории. Но вряд ли в Польше кто-либо знает о результатах влияния Знанецки. Знанецки, умерший в 1958 году, был по происхождению землевладельцем, а по образованию - философом. После участия в первой мировой войне он занялся оказанием помощи польским эмигрантам в Северную Америку, селившимся в Чикаго. Именно здесь он встретил Томаса, который искал коллегу, говорящего по-польски, для его исследований иммигрантских районов города. Не может быть сомнения, что неиссякаемый интерес к многотомному "Польскому крестьянину" проистекает из богатой документации, особенно писем, которые предоставил для книги Знанецки. И авторы решили посвятить один том целиком автобиографическим мемуарам, специально написанным для них крестьянином-иммигрантом Владеком, который был без работы и страдал туберкулезом. Не имея других средств для поддержания семьи, он с радостью принял предложение Знанецки за пять долларов написать свои мемуары. Неожиданно источник информации оказался столь интересен, что пять долларов стали месячной оплатой, пока Владек фактически не написал текст величиной с книгу. Для американской социологии мемуары Владека стали основополагающим документом метода жизненной истории.

С тех пор жизненные истории очень успешно использовались в исследованиях других американских социологов, например, криминальных субкультур в Чикаго. Метод оказал важное влияние на некоторые из лучших работ о классах и расах на юге Америки, как, например, Джона Долларда. Было также положено начало для более сложного понимания того, как могут интерпретироваться автобиографические свидетельства, не в изоляции, а во взаимосвязи с количественной информацией о социальных изменениях. В критическом томе, опубликованном в 1939 г., соавтором которого был и Знанецки, Томас сам признает, что их ранняя работа не была достаточно систематической: "Необходимы одновременно и продолжение сбора записей историй... и использование соответствующих статистических исследований как базиса для выводов"(1). Но многообещающая возможность такого интегрированного подхода никогда не была реализована в Северной Америке, так как вскоре социологи утратили

интерес к жизненным историям, увлекшись в равной мере абстрактной магией статистики и высоким теоретизированием. В Польше, напротив, результат был совершенно иным.

До 1939 года Знанецки был очень активен как социолог и в Польше, и в США. Он провозгласил в "Польском крестьянине" о горячей вере в свой новый метод: "Мы вправе сказать, что персональные жизнеописания во всей полноте представляют совершенный тип социологического материала"(2). И он добился признания этого в Польше как благодаря своему влиянию, так и через последующий эксперимент. Начиная с 1921 года и впоследствии, он был инициатором первых польских конкурсов памяти, сыгравших решающую роль в развитии метода. Но его враждебность к статистике привела его к абсурдным заявлениям о валидности его собственных социальных интерпретаций. Он верил, что общество должно быть понято через индивидуальное сознание: "оно более, чем "объективный мир науки", является ключом к социальной реальности"(3). Относительный вес свидетельств зависит не от репрезентативности, а от их качества. В "Польском крестьянине" была только одна история. Точно так же, когда Знанецки организовал соревнование сочинений об отношении жителей Познани к их городу в 1929 году, его не остановило то, что только 20 человек из четверти миллиона жителей прислали ему ответы.

Он продолжал считать это достаточным социальным основанием для книги. В конце концов слишком узкая социальная перспектива не позволила ему увидеть за рамками его подхода то, что более соответствовало освещению социальной проблемы, а не просто пониманию обыденной реальности. Метод жизненной истории никогда не стал бы столь популярным в Польше, если бы его не подхватили другие прогрессивные писатели, которые выбрали его для освещения социального положения Польши в 30-е годы, демонстрируя через память людей процесс разрушения городов и деревень, истощения их миграцией, полуфеодальными правами владения, перенаселением и отсутствием работы.

Многие из этих работ оказались столь успешными, что они послужили началом для целой серии публикаций. Так, Людвиг Крживицкий продолжил

его собственные известные "Мемуары безработных" (1930) "Мемуарами крестьян" (1935), которые отозвались эхом в четырехтомном шедевре Йозефа Чалашинского "Молодое поколение крестьян" (1938), а затем в послевоенном десятитомном произведении "Молодое сельское поколение Народной Польши". Аналогичным образом вслед за "Мемуарами эмигрантов" (1939) последовали две послевоенные коллекции.

Не менее важными были результаты, извлеченные из работ многих других писателей-мемуаристов. Наиболее плодотворный предвоенный конкурс "Молодое поколение крестьян" привлек свыше 1500 участников, а конкурсы "дневников"- жизненных историй Крживицкого, включавшие безработных и крестьян, принесли около 800 и 500 откликов каждый. Знанецки, напротив, никогда уже не имел такого успеха, как в его первом конкурсе мемуаров в 1921 году, когда он получил 149 ответов. Так, к 1939 году и масштабы, и социальные цели метода жизненной истории в социологии видоизменились; опубликованные результаты оказали значительное воздействие на развитие общественного сознания в понимании природы социальных проблем Польши и необходимости перемен.

В то же самое время проблема возможностей интерпретации мемуаров стала более понятной. Каждый том материалов, начиная с конкурсов 30-х годов, давал чисто идиосинкретические заключения. Чалашинский использовал ассистентов для отсева участников и выбора тех, которые наиболее полно охватывали интересующую его проблему. Позже он сверял свои интерпретации с людьми, которые писали мемуары, и некоторые из этих обсуждений вынудили его поменять свои взгляды. Тем не менее, остается правдой, что идеи, с которыми он начинал работу, более, нежели свидетельства в целом, обеспечили базис для его заключений. И, хотя в своей послевоенной работе он продемонстрировал осознание этой слабости, Чалашинский не смог найти выхода. Уже в 1936 году конкурирующий с ним сельский социолог Владислав Грабский подверг критике манеру обращения Чалашинского с материалом, оценив ее как "стремление подтвердить свои собственные предубеждения"(4). Грабский пошел дальше, настаивая, что коллекция мемуаров в целом преувеличивает социальные проблемы,

поскольку они написаны в основном социальными неудачниками, которые не репрезентируют все население, безработным люмпен-пролетариатом, пьяницами из крестьян. Подход Чалашинского не предлагал эффективных контраргументов этому выражению.

Достижение Крживицкого в этом отношении было гораздо более впечатляющим. Будучи по происхождению выходцем из маленькой землевладельческой семьи, он, тем не менее, оказался самым радикальным из социологов, занимавшихся в 30-е годы жизненными историями: он был материалистом, находившимся под сильным влиянием марксизма. Крживицкий гораздо менее интересовался многогранностью и психологией индивидуальной жизни, чем массовыми явлениями. Поэтому он настаивал на двух постулатах, которые и приложил к каждому из своих собраний. Во-первых, мемуары должны быть дополнены параллельными количественными исследованиями сходных проблем. Так, в его "Мемуарах безработных крестьян" он смог сослаться на свою "Социальную структуру польской деревни", опубликованную двумя годами ранее, в 1937г. Во-вторых, он старался определить, насколько далеко можно заходить в использовании выводов писателей-мемуаристов, репрезентативны ли эти выводы. Некоторые из его комментариев относительно этой проблемы были довольно сильными и гораздо более существенными, нежели критицизм Грабского, так как Крживицкий понимал, что писатели-мемуаристы были, как правило, людьми более живыми и умными, чем большинство из их социальной группы.

Справедливость этого замечания обнаружилась весьма неожиданно после 1945 года, поскольку вне всякого сомнения несколько писателей-мемуаристов, выбранных Чалашинским и Крживицким, оказались людьми с развитым классовым сознанием. Они впоследствии достигли значительных политических высот в новом коммунистическом правительстве. Как это ни парадоксально, но участие в конкурсах часто давало уверенность и преимущества для этой новой карьеры. Нет сомнения, что это участие само по себе явилось причиной, вследствие которой мемуары рабочих стали устоявшейся чертой польской культурной жизни. Но это также важный

способ выражения растущей демократизации. В Польше никогда не было традиции организованного народного участия, к примеру, в местном управлении. С другой стороны, всегда высоко ценилась неформальная открытая дискуссия по социальным проблемам. Одно из подобных средств ныне предлагается телевидением; но конкурсы мемуаров до сих пор позволяют большому числу людей выразить их взгляды, имея при этом некоторый шанс на аудиторию. Опубликованные собрания также имеют наибольший эффект при описании отличий от других социальных групп. Особенно они помогают в выявлении различий между городскими жителями и крестьянством. Конкурсы мемуаров - это не просто эксцентрический аспект народной культуры Польши, они отвечают реальным социальным нуждам.

Вскоре после 1945 года конкурсы возобновились. Даже в такой "деликатный" политический период несколько писателей-мемуаристов были готовы к чрезмерной неосторожности. Стефан Коваковский вспоминает конкурс "Польская деревня во время войны", который в 1947 году финансировался журналом. В журнал неожиданно обратилось за поддержкой несколько тысяч участников. Стефан был изумлен тем, как открыто писали люди. Один участник, указавший полностью свое имя и адрес, был человеком, описавшим свою собственную деятельность в правом крыле политической организации, участие в которой, как предполагалось, официально осуждалось коммунистической партией. Тем не менее настоящий взрыв обращения к мемуарам произошел только в середине 50-х годов. В 1952 году польским радио совместно с издательством "Паф" был организован амбициозный проект по мемуарам о второй мировой войне и после нее. Были предложены государственные призы и выпущено несколько сборных томов. Этот конкурс послужил моделью для других, в то время как стремление к автобиографическому самовыражению подтвердилось в последующих откликах. Новая послевоенная серия Чалашинского о младшем сельском поколении стала послевоенным рекордом - в нее вошло 5500 автобиографий. Он опубликовал 500 из них в десяти томах.

Теперь конкурсы организуются каждый год национальными газетами, радио и местными газетами в каждом большом городе. Темы определены, и

предлагаются довольно существенные призы. Каждый конкурс обычно привлекает тысячу или более участников. Лучшие результаты публикуются в газетах (сериалы) и в книгах (собрания). Тираж каждой книги составляет 5 тысяч экземпляров. К настоящему времени несколько сотен тысяч поляков участвуют в конкурсе. Собранный материал насчитывает миллионы страниц. Поэтому создан специальный национальный архив в Рудно. Словом, мемуары стали признанной частью национального образа жизни.

Почти в каждой профессиональной группе в Польше можно найти писателей-мемуаристов: среди крестьян, рабочих фабрик и домработников, среди мужчин и женщин. Для социологов это даже стало предметом беспокойства, поскольку, как ни парадоксально, возникает угроза для репрезентативности собранного материала. До 1939 года престиж, завоеванный писателями-мемуаристами, объяснялся отчасти тем фактом, что большинство крестьян были неграмотны. Но победа в конкурсе все еще дает статус, и призы являются одним из способов заработка дополнительных денег. Постепенно каждый конкурс привлек людей, которые стали почти профессиональными писателями-мемуаристами, иногда отправляющими те же самые автобиографии от конкурса к конкурсу. Эти полупрофессионалы составляют относительно маленькую группу, но существуют и другие поводы признания автобиографий недостаточно пригодными для отбора. Они дают мало информации, например, о жизни бывшей землевладельческой аристократии или буржуазии, или, напротив, о пьяницах. В целом, хотя женщины участвуют во всех конкурсах, они намного уступают по численности мужчинам. Были выбраны темы для мемуаров о семейной жизни, которые обеспечили большой баланс, но ни разу не организовывались конкурсы, специально посвященные женщинам-работницам или женщинам, занятым профессиональным трудом, численность которых драматически возросла после 1945 года.

Тот факт, что эти недостатки полностью признаны, сам по себе заслуживает упоминания и вселяет надежду, что будет сделан первый шаг для восполнения данных пробелов.

Примером чрезвычайного успеха в создании подлинно демократической истории является образование кооперативных групп писателей-мемуаристов на некоторых больших фабриках, угольных шахтах и среди металлургов. Во многих случаях они явились результатом инициативы наиболее известного ученика Чалашинского - Ф.Якубчика. Он созвал первые совместные встречи и предложил некоторые темы, а позже помогал публиковать некоторые книги, созданные группой. Существенное продвижение было обеспечено также благодаря обязательству, взятому членами группы. Где еще, как не в Польше, вы сможете найти кооперативные группы индустриальных рабочих численностью 200 человек, стремящихся откорректировать и расширить их собственные жизненные истории, которые собирались бы регулярно вместе после работы на двухчасовые дискуссионные встречи?

Со стороны социологов поддержка такой активности "гуманистической традиции" в целом была постоянной. Все же престиж школы жизненной истории ослабел частично с изменением национальной политики, частично под влиянием американской социологии, а также по мере противостояния школы методологическому критицизму. В настоящее время произошло возобновление интереса к этой школе и переоценка ее достоинств, в особенности в преодолении разрыва в польской социологии между статистиками массовых обследований и сторонниками жизненных историй. Частично трудности объясняются тем фактом, что традиция передавалась преимущественно через учеников Чалашинского, а не Крживицкого, который подошел ближе к решению этих проблем. Существует, однако, маленькая группа социологов, которые считают, что они находятся в середине между количественной и качественной школой, используя оба метода вместе. Вероятно, наиболее известный из них - Бронислав Голебьевский, который проверил некоторые из своих интерпретаций, квантифицируя распределение определенных положений между ними. Примером является его исследование сельской молодежи (1966).

Владислав Адамский развил подход Голебьевского в его исследовании польского движения скаутов - все еще одной из самых влиятельных молодежных организаций в стране. Он комбинировал мемуарные материалы

с почтовыми вопросниками и другими источниками. В лонгитюдном исследовании крестьян экономистами сельскохозяйственного института использовались дневники из стратифицированной выборки информантов, а в Познани социологи жизненных историй (Квелецкий и Дульчевский) предприняли попытку аналогичного отбора среди писателей-мемуаристов.

Конечно, наибольший интерес представляют работы Яна Лютинского и других в исследовании характера писателей-мемуаристов и качества их свидетельств. С годами возросло понимание не только влияния их социального происхождения, но и относительности осмысления событий в их свидетельствах. Например, как далеко заходят различные писатели-мемуаристы в замалчивании социально отторгаемой правды, насколько они стараются создавать жизненные истории так, чтобы получить приз. Илона Прзубловская взяла повторные интервью по серийной выборке у писателей-мемуаристов, которые участвовали в конкурсе 1964 года, о создании нового индустриального пространства. Она обнаружила, что хотя наиболее распространенным мотивом среди тех, кто прислал мемуары, было помочь исследованию, ради которого организовали конкурс, чаще всего люди стремились выразить их собственный опыт просто ради самовыражения. Наименее успешными были те, в которых ставилась цель приобрести репутацию писателя (5).

Конечно, существуют как различия, так и сходство между проблемами при интерпретации письменных мемуаров и устных жизненных историй. В Польше понимание этих проблем аккумулировалось более 50 лет, и сегодня есть социологи, которые имеют несравненный опыт работы с автобиографическим материалом.

Стефан Новаковский, к примеру, начал свою работу в Верхней Силезии вскоре после 1945 года, и она продолжалась свыше 20 лет. В течение этого периода он наблюдал за созданием абсолютно нового общества. Границы Польши были существенно видоизменены после второй мировой войны. Началось массовое переселение людей, в котором участвовало как традиционно мелкое крестьянство, так и жители крупных городов, усвоившие западные стандарты жизни. Они несли с собой различный опыт

индустриализации и урбанизации, различное отношение к работе, школе, церкви, различные региональные культуры и социальные статусы.

Новаковский хотел увидеть, какое новое общество поляков выльется за края этого кипящего котла. Первоначально основной его техникой было включенное наблюдение в стиле антрополога, месяцами разъезжающего по территориям ради наблюдений, интервью и бесед с людьми. В то же самое время он собирал исторические и статистические свидетельства. С 1952 года у него появилась возможность использовать мемуары, представленные на конкурсы, членом жюри которых он был избран. Эти крупномасштабные конкурсы дали хорошие возможности для сравнения свидетельств из различных источников. В целом он обнаружил, что, хотя организаторы конкурса не давали больше никаких руководств, кроме весьма общего названия, 99 % проблем, которые вначале его интересовали или возникали в процессе его собственной полевой деятельности, пересекались с некоторыми конкурсными работами. К примеру, он проявлял особый интерес к сельским людям, которые ежедневно ездили на индустриальные предприятия или жили в рабочих общежитиях, возвращаясь домой только на выходные дни. Таким образом, они были полурбочими, полукрестьянами. Что представляет собой социальное сознание таких людей? Он мог собрать целый том из мемуаров по этой проблеме.

В основном мемуарный материал рос параллельно материалам наблюдения и интервью. Но были и исключения: например, в устных интервью получили распространение унижительные стереотипы о других социальных группах, а саморефлексирующие писатели-мемуаристы этого избегали. Говорящих по-немецки поляков, например, в интервью называли немцами. В мемуарах этого не было. С другой стороны, в противоположность интервью, письменные мемуары были г л у б ж е , более обдуманно отражали социальные процессы и явления, которые переживали авторы. Однако Новаковский не был категоричен в отношении этих различий. С его точки зрения, материал, содержащийся в письменных автобиографиях и неформальных интервью, для социолога в значительной мере идентичен.

В противоположность историкам, чьи интересы кажутся столь узкими, польские социологи играли очень активную роль в развитии популярной культуры мемуаров. Они устраивают и судят газетные конкурсы. Они помогают организовывать фабричные группы. Они проповедают и преподают жизненные истории как один из своих собственных исследовательских инструментов. Они совершенствуют методологию жизненной истории. Но весьма важно не переоценить влияние академических исследователей. Движение рабочих-мемуаристов достаточно сильно, чтобы конкурсы могли продолжаться независимо от того, участвуют в них профессионалы или нет. Нет сомнения, что причина их независимости заключается в том, что именно в послевоенные годы, когда конкурсы обрели популярность, академическая социология была расформирована как безнадежно буржуазная наука. Она выжила только до 1948 года, а потом была запрещена. Официально социология была восстановлена только после 1957 года. А в междузвенье гуманистическая традиция в польской социологии могла выжить только в подполье за рамками формальных институции. Но то, что может показаться препятствием, впоследствии принесло большую пользу и позволило польской жизненной истории стать одной из наиболее демократических форм написания истории. В конечном счете, она стала комбинацией профессионализма и народного энтузиазма, придающих ей особое качество.

ЛИТЕРАТУРА

I. Blumer, H. (ed.) An Appraisal of Thomas and Znaniecki's "The Polish Peasant in Europe and America", Social Science Research Critiques 1, New York 1939, pp. 86-7; see also John Dollard, Criteria for the Zite History, with Analyses of Six Notable Documents, New York 1935; Clifford R. Shaw, The Jack-roller; a delinquent boy's own story, Chicago 1930; and L. Gotschalk, C. Kluckholm and R. Angell, The Use of Personal Documents in History, Antropology and Sociology, New York 1940.

2. Polish Peasant, 11, pp.1832-3.

3.e.g. Polish Peasant, 11, pp.1846-7

4. Roczniki Sociologii Wsi, 1, 1936, p.42., Criticising Chalasinski's earlier The Ways of Workers Social Advancement, a Study Based on Worker Autobiographies, Poznan 1931.

5. Studia Socyologiczne, 1974, 1.

Примечание: информация для этой статьи была извлечена из материалов конференции по биографическому методу, проводившейся Институтом философии и социологии Польской Академии наук 8-10 августа 1978 года.

ДАНИЭЛЬ БЕРТО и ИЗАБЕЛЛА БЕРТО-УНАМ

РЕМЕСЛЕННОЕ ХЛЕБОПЕЧЕНИЕ ВО ФРАНЦИИ: КАК ОНО СУЩЕСТВУЕТ И ПОЧЕМУ ВЫЖИВАЕТ?

То, что англосаксы называют "французским хлебом", можно, на самом деле, найти во всех странах Латинской Европы. Это - прародитель той индустриальной пищи, упакованной в обертку из целлофана, продающейся в супермаркетах западного мира, которую также, в чем-то эвфимически, называют "хлебом".

Этот индустриальный "хлеб", на долю которого приходится почти весь продукт в США и Канаде, производится и продается также и в Латинской Европе. Тем не менее, вплоть до сегодняшнего дня этот "хлеб" завоевал не больше 10 % рынка, хотя доля его медленно возрастает. Вероятно, что когда-нибудь наступит день и придет очередь французов потреблять эту пищу. Приди он - и станет совершенно ясно, что "французский" хлеб не является чем-то специфичным для Франции или для любого другого географического региона, это свидетельство определенного способа производства.

Если "индустриальный" хлеб - это продукт капиталистических производственных отношений, то то, что называется "французским" хлебом, является продуктом ремесленнических взаимоотношений в процессе производства. И "французским" он называется только потому, что Франция - это среди всех индустриальных стран единственное государство, где до сих пор все еще сохраняется крупный сектор небольшого "докапиталистического" семейного производства. Крестьяне, мелкие торговцы и ремесленники в совокупности насчитывают около 20 % активного населения.

Почему это так? То есть, почему ремесленнические производственные отношения в целом, и в сфере производства хлеба в частности, сохранились во Франции? Являются ли они чем-то иным, кроме как "остатками", приговоренными к скорому исчезновению? И если это так, то почему эти

"остатки" так долго существуют только во Франции, а не где-нибудь еще? С одной стороны, кто-то может согласиться с Клодом Серволи, с нами и другими, полагающими, что эти "докапиталистические" производственные отношения являются на деле функциональными внутри капиталистической экономики. Ведь благодаря им становится возможным производство определенных товаров (мяса домашней птицы, молока или свинины) низкой себестоимости, и этот процесс трудно подвергнуть индустриализации. Даже если и так, то проблема остается: почему эти "функциональные" производственные отношения исчезли повсюду в индустриальном мире?

После изучения ремесленного хлебопечения на протяжении нескольких лет мы подошли к ответу на эти вопросы, изменив саму их постановку. Это позволило избавиться от сильного привкуса функционализма, хотя и выглядело в чем-то по-марксистски. Каким образом мы можем "объяснить" или хотя бы в серьезном ключе описать причины существования ремесленного хлебопечения во Франции в таких масштабах, не прибегая к тиражированию функционалистских воззрений? Это как раз и составляет предмет данной статьи.

I

Сегодня во Франции насчитывается около 32 млн. человек населения и 35 тыс. пекарен - по одной на каждые 1500 чел. в среднем. Вполне очевидно, что это означает, что существует крайне децентрализованная структура маленьких, независимых пекарен. Официальная статистика включает небольшие пекарни в категорию "коммерция". Между тем, серьезная разница между пекарнями и большинством другим магазинчиков заключается в том, что хлеб, прежде чем быть проданным, изготавливается, причем там же, в пекарне. Это относится не только к хлебу, но и к пирожным, и т.п., произведенным самим пекарем (обучение и функции которого предполагают, что он скорее ремесленник, чем лавочник), и его рабочими, если они вообще есть. Лавочником здесь выступает жена пекаря, так что супружеская чета представляет из себя реальный экономический союз - мужчина-ремесленник

плюс женщина-лавочница. Таким образом, их семейные связи напоминают в чем-то производственные отношения.

На 35 тыс. пекарнях занято около 80 тыс. человек рабочих, что говорит о небольших размерах большинства этих предприятий. В среднем на каждом из них занято меньше чем по трое рабочих. Больше того, 40% этих "рабочих" не достигли еще 20-летнего возраста и фактически являются либо подмастерьями (в возрасте от 15 до 17 лет), либо молодыми рабочими в возрасте от 18 до 19 лет. Возрастная пирамида этого "мужского" компонента весьма необычна - с невероятно широким основанием, состоящим из этой молодежи. Подобная структура означает, что большинство из них покидает торговлю где-то в возрасте от 20 до 25 лет, вскоре после возвращения с военной службы (которая обязательна в течение одного года для всех мужчин, достигших 20-летнего возраста).

Согласно нашему исследованию, общее уменьшение количества пекарен стало результатом двух тенденций. С одной стороны, закрывалось много беднейших предприятий, будь то в покинутых деревнях или районах городов, покидаемых населением. В этом последнем случае, небезынтересно отметить: чаще бывало так, что на месте маленькой пекарни возникала банковская контора. Ведь наиболее крупные банки значительно расширили общенациональную сеть своих офисов в 60-е годы, и они с удовольствием приобретали пекарни не только потому, что сейфы можно было установить в подвалах, где стояли духовки и выпекался хлеб, но и потому, что пекарни обыкновенно располагались в очень удобных местах. Ибо если у вас вошло в привычку каждый день заходить в одно и то же место за хлебом, то вас гораздо легче было бы убедить посетить это же место раз в неделю, чтобы получить какие-то деньги, которые банк с удовольствием придерживал бы для вас.

С другой стороны, строились новые пекарни, но не в городах, а в возникавших пригородах. Начиная с 50-х годов, они появлялись на окраинах каждого города, где на грязных пустырях возводились стены и вырастали башни жилищных проектов. Строившиеся пекарни были больших размеров, чем обычно. Хотя в каждой из них работало от 10 до 15 человек,

выпекавших хлеб для 10-20 тыс. человек, сам тип его оставался таким же, как и в ремесленных пекарнях, ибо задействовался тот же самый процесс производства. Возникновение этих новых пекарен, хотя и являвшихся производным от новых форм урбанизации, не положило начало процессу перехода к индустриализации. Скорее наоборот: налицо было приспособление ремесленничества к новым "пригодным" обстоятельствам производства хлеба.

Почему случилось так, что Франция осталась единственной из всех капиталистических стран (хотя к ней можно добавить, вероятно, также и Италию), где изготовление и продажа хлеба осуществляется в рамках ремесленных производственных отношений? Задавая этот вопрос, мы получаем единодушный ответ:

C'est parce que les Français aiment le bon pain!

Как очевидно, откровенно и просто: французы любят хороший хлеб! Вполне справедливо, но что же тогда англичане или североамериканцы, которые, как мы можем думать, тоже любят "хороший хлеб"? Но это обстоятельство не предотвратило вытеснения маленьких хлебопекарен фабрикой.

Логично указать, что в культуре французов питание занимает центральное место. Этот факт очень хорошо известен, и мы можем засвидетельствовать, что это, вероятно, действительно так. О том же говорят результаты сравнительных исследований. Французы не только тратят большую часть своих доходов на питание, но они расходуют больше времени на еду. Очень показательны здесь сравнительные бюджеты времени. В то время как жители ГДР едят довольно быстро, в начале и конце рабочего дня, французы делают перерыв от 1 до 2 часов в середине дня. Это весьма похоже на то, как если бы нации других индустриальных стран питались в перерывах рабочего дня, а французы работали в перерывах от одной трапезы до другой. Но обладает ли это ярко выраженное тяготение к "пище" (или, скорее, к пище, трапезе как социальному явлению) какой-нибудь социальной мощью? Вне всякого сомнения то, что французы привыкли к хорошим винам, дичи, сыру и не представимо, чтобы эти продукты

подверглись индустриализации, стандартизации, гомогенизации став "продуктами в себе". И все же французы потребляют их, хотя и не без гримасы.

Между тем, хлеб сопротивляется этим тенденциям. Сам вид этого продукта свидетельствует об этом лучше, нежели статистика. Когда производство продуктов переходит с ремесленной стадии на капиталистическую, изменяется сама их форма (а также, к сожалению, и содержание). Любой товар при капитализме должен отвечать необходимым требованиям складирования и транспортировки. Как товар массового производства он становится стандартным, а качество его - неизменным (или неизменно низким). В Северной Америке хлеб продается и потребляется в большей степени как "индустриальный" (вы можете производить свежий хлеб на фабриках, но не можете его запастись впрок или транспортировать на слишком большие расстояния). Это - "капиталистический" хлеб, неизменно продукт в целлофановой упаковке, консервированный хлеб.

Учитывая различия между этими двумя типами хлеба, "ремесленным" и "капиталистическим", каждый из которых соотносится с целым отличным от другого способом производства, какова же причина исчезновения хлеба, изготовленного по-ремесленному в большинстве индустриальных стран, и упорного его наличия по Франции? Мы не верим, что объяснением тому может служить вкус французов. Наоборот, скорее наличие этого последнего является следствием упорства ремесленного хлебопечения. Объяснить это нельзя и обратившись к "структурным" факторам, что считается объяснением лишь *ex post facto*. Мы находим, что более подходящим объяснением наблюдаемым процессам выживания служит фактор постоянной борьбы ремесленных форм производства против попыток больших финансовых групп (особенно владельцев мукомольных фабрик) захватить огромный хлебный рынок.

И борьба эта вовсе не является чем-то гипотетическим. Фактически с начала века имели место несколько попыток организовать фабрики, производящие хлеб индустриальный. Большая часть их провалилась. Наличие, однако, попыток успешных - вот что подвело нас к тезису о

постоянной борьбе против потенциального врага (к этому мы еще вернемся ниже). И в контексте этой борьбы фактор вкуса французов как потребителей мог играть ключевую роль. Ведь всякий раз, когда имелась возможность выбора между ремесленным и индустриальным хлебом, потребитель выбирал первый, лишая надежд сторонников "индустриализма".

Представляется, что финансовые группы, которые стремятся к овладению хлебным рынком, извлекли свои уроки из предшествовавших поражений. В свое определение сложившейся ситуации они инкорпорировали ясное понимание необходимости уничтожить тылы мелких ремесленников до того, как индустриально произведенный хлеб будет продвигаться на рынок. Хлеб, произведенный ремесленником, и который соблазнительно полагать товаром высшего качества, продается по цене массовой продукции, и поэтому слишком конкурентоспособен. Его необходимо задавить неэкономическими методами. Но как этого добиться?

Было испробовано множество стратегий. Например, на протяжении 50-х годов то там, то здесь появлялись серии статей в газетах и журналах для женщин, где утверждалось, что хлеб способствует полноте. Диетологи (обычно - американцы) советовали заменить хлеб сухарями. Довольно скоро идея того, что хлеб вреден для фигуры, стала общепризнанной (отметим в скобках, что есть реально существующие противоречия между стройностью и гастрономией, между удовольствием, испытываемым в процессе потребления пищи и возможностью кому-то нравиться; мишенью, весьма точно выбранной, кампании против традиционного хлеба стали молодые женщины).

Отреагировав на то, что представлялось хорошо спланированной кампанией, профсоюз пекарей попросил нескольких диетологов, пользовавшихся высокой научной репутацией, вне всяких пристрастий определить: правдой ли является то, что употребление хлеба способствует полноте. В своем докладе - и у нас есть все причины полагать его справедливым и непредубежденным - они отметили, что большинство аргументов, выдвигавшихся против употребления хлеба, являлись логичными, но, по крайней мере, неубедительными. Если эти выводы удовлетворили

пекарей, то общественности в целом они не достигли, ведь добротные научные исследования, как мы знаем, усваиваются обычно плохо.

Свежий хлеб был спасен, вероятно, тенденцией, выявившейся в иной, не в идеологической сфере, которая оказалась в долгосрочном плане гораздо более эффективной - изменениями материального субстрата хлеба как продукта. Точно в описываемый исторический период, 50-е годы, хлеб изменил свою форму - наблюдался сдвиг от фунтовой буханки к полуфунтовому, покрытому корочкой, батону. Даже - больше корки, меньше мякиша. В больших городах досточтимая публика в массовом порядке перешла на батоны. Пекари, первыми начавшие делать батоны (что означало и изменения в самой технике производства), имели столь большой успех, что и все другие последовали их примеру. Изменив само представление о хлебе - от рассыпчатой буханки к покрытому корочкой батону, пекари, полагая, что всего лишь следуют за "вкусами общественности", почти нечаянно одержали победу. Напор массивированной пропаганды, подчеркивавшей преимущества сухарей по сравнению с хлебом, был, таким образом, отражен, ее ретроспективным эффектом можно полагать подготовку почвы для появления хлеба в форме батона (в корочке), новой серьезной точки опоры ремесленного хлебопечения. Необходимо, однако, добавить, что вышеприведенная примерная интерпретация лежит целиком на нашей совести, ибо все проинтервьюированные нами пекари относили эволюцию формы хлеба исключительно на счет изменения "вкусов общественности".

Представляется, что на протяжении 60-х годов адепты индустриализации предприняли другую массивированную атаку на позиции пекарей-ремесленников Большого Парижа. Нам довелось услышать одну историю, в абсолютной достоверности коей нам убедиться не удалось, но которая, верим, в общем и целом является истинной. В 1966 году крупнейшая мукомольная группа по Франции, обладавшая почти что монополией на снабжение региона Большого Парижа (в то время 9 млн. человек), решила попытаться овладеть хлебным рынком. Согласно планам, предполагалось построить в Париже крупную фабрику по выпуску хлеба, расположив ее

поблизости Сены. Банки и, казалось, правительственные чиновники поддерживали проект. Но сначала было необходимо ослабить позиции ремесленников. Итак, в один прекрасный день, безо всякого предупреждения, мукомольная компания объявила владельцам небольших пекарен, что зерно на переработку должно доставляться только в доверху груженных грузовиках. Это очень сильно обеспокоило пекарей, так как у них не было ни таких емкостей хранения, ни такого объема продаж, чтобы удовлетворять поставленному условию. Что они могли сделать?

После недельной паники они обнаружили, что в сельских районах, окружавших Париж, все еще действовали отдельные небольшие мукомольные предприятия, оказавшиеся на грани остановки, ибо работали лишь на 20 % мощности. И, конечно, их владельцы были неописуемо счастливы получить заказы от небольших пекарен, чтобы заработать на полную мощность. После длившейся около месяца притирки оказалось, что новая структура, вероятно, может функционировать вполне сносно. А крупная мукомольная компания осознала свое поражение, вернулась к прежней политике розничного помола, снизив цены, чтобы вернуть себе старых потребителей и, поджидая новых возможностей, убрала в сейф планы относительно своей фабрики.

Нам кажется, что в этой истории, где показано, как отношения между крупными мукомольными компаниями и мелкими ремесленниками могут иногда приобретать характер открытой войны, обнаруживается подспудная правда о нормальной, каждодневной ситуации, в которой находится ремесленное хлебопечение. На первый взгляд может все же показаться, что этот сектор экономики живет мирной жизнью - в качестве обаятельного пережитка, поддерживаемого на плаву участием 50 млн. обожающих хлеб французов. Фактически, однако, загнанная вглубь алчность больших агро-индустриальных фирм в отношении хлебного рынка делает проблематичным выживание ремесленнических пекарен, навязывая им каждодневную борьбу против потенциального врага. Поскольку угроза латентна, враг невидим, а борьба таковой не считается - вот поэтому она полагается всего лишь

обычным делом в торговле. Несомненно тяжело, но - C'est la boulange, - как с достоинством говорят пекари.

II

Подобная характеристика жизни пекарей - по способу воинственности, напряженному ритму существования в торговле и по признаку постоянной отомобилизованности всех участников этого бизнеса - является опять нашей собственной интерпретацией происходящего. Сама по себе она может быть неверной, но факты, на которых она базируется, остаются. Коллекционируя жизненные истории, мы всегда интересовались продолжительностью рабочего дня в каждый отдельный период. Результаты оказались просто поразительными. В период, предшествовавший последней войне, рабочий "день" пекаря, заканчивавшийся где-то в районе 19 часов пополудни, начинался, что было вполне обычным делом, не в 8 часов, и не в 6 или 4 часа утра, но в полночь, а иногда и того раньше. Он должен был приготовить тесто для первого замеса; пока оно поднималось, пекарь мог поспать два часа. Затем нужно было прогреть печь, что означало сначала необходимость наколоть дров и разжечь огонь. Когда печь была подготовлена и подогрета, начинала готовиться первая партия хлеба (где-то к 2 часам ночи). Следующие замесы и поддоны с хлебом подходили на протяжении остатка ночи и утром, вплоть до полудня.

В полдень пекарь и его работники позволяли себе ланч (хотя во время еды они иногда едва ли не засыпали за тарелками) и на пару часов отправлялись в постель. Но уже ближе к 4 часам пекарь поднимал молоденького подмастерья, загружал поддоны с товаром в тележку и начинал объезжать близлежащие районы, развозя хлеб по фермам. Вернувшись обратно через пару часов, они обедали на ходу и вновь отправлялись по кроватям до 11 или 12 часов вечера, когда весь процесс повторялся.

До 1936 года пекарни не закрывались вообще, работая каждодневно, включая воскресенье. Это означало, что только что описанный нами выше

"рабочий день" повторялся раз за разом, неделя за неделей, на протяжении всего года. Что касается праздников, то эти дни для пекаря были самыми тяжелыми. В то время, когда все вокруг отдыхали, выпечка хлеба требовала сверхнапряжения. Попробуйте вообразить, чем была такого рода жизнь: 16-часовой рабочий день для самого пекаря, столько же для молодого, 13-16 лет, для подмастерья, 12 часов - для взрослого рабочего. Супруга хлебопека просиживала за прилавком 12 часов день за днем, неделю за неделей круглый год. Все это казалось другим миром и было им на самом деле...

В 1936 году государственным декретом было предписано, чтобы все пекарни закрывались на один день в неделю. В большинстве городских районов и деревень эта мера еще больше усложнила ситуацию. Хлебопеки не желали закрывать свой магазинчик, в то время как лавка конкурента, расположенная на другой стороне улицы, оставалась открытой. Таким образом, все пекарни, находившиеся в одном ареале, стали закрываться в один и тот же день. Следствием этого стало то, что потребители должны были в день, предшествующий закрытию, покупать хлеба в два раза больше обычного. А это означало, что пекарь и его рабочий или рабочие должны были изготавливать хлеба в два раза больше на протяжении ночи, после которой наступал тот день (все это называлось дубляжом). Поскольку работало столько же народу, как обычно, с теми же инструментами, то количество работы увеличивалось вдвое и "рабочий день" вместо в среднем 10 часов длился 12 часов. Выходной же день уходил на то, чтобы компенсировать недосып и ненормальные затраты энергии. Но износа организма, а особенно сердца и нервов, это предотвратить не могло.

Ситуация с тех времен изменилась, но не так заметно, как мы могли предположить. Мазут заменил дрова с необходимостью колоть их и сушить. Машины пришли на смену ручному труду в некоторых операциях не только в перемешивании ингредиентов (что было достигнуто уже к 1914 году ввиду недостатка рабочей силы благодаря первой мировой войне), но и в процессах раздела теста на кусочки, взвешивании каждого в отдельности, закладывании их в печь и извлечении оттуда. Обычный рабочий "день" - а на деле, рабочая "ночь" начиналась около 3-4 часов утра и длилась

не больше 9-10 часов. И все равно это означало 54 часа ночной работы в неделю, не считая дубляжа. Кроме этого, благодаря механизации вы должны были работать быстрее. "Сегодня мы движемся уже бегом", - говорят старые рабочие пекарен, которые могут сравнить между собой две эпохи.

Далее, закон не позволяет ремесленнику загружать рабочего больше чем 54 часа в неделю. И фактически мы не встретили ни одного человека, работавшего меньше 54 часов. Большинство рабочих трудилось дольше (один, 63-летнего возраста работал 72 часа в неделю). Эти дополнительные часы оплачивались наличными "по обоюдному согласию", что не фиксировалось в документах. Это означало, что и здесь, как и во многих других местах, устные свидетельства более надежны, нежели письменные.

Закон также запрещал ремесленникам заставлять подмастерьев трудиться, начиная раньше, чем с 6 часов утра. Могли быть предоставлены послабления, согласно которым начало работы отодвигалось до 4-х часов утра. Но большинство подмастерьев, которых мы проинтервьюировали, поднимались в 2 часа утра, а иногда и раньше. Ведь они почти всегда обитали в одном доме с пекарней, и, когда последний просыпался, он будил и помощника. И "ночь" начиналась. Несколько подмастерьев заявили нам, что они работают по 14 часов в день...

Во всем этом нисколько не лучшей была доля жен хлебопеков. Они держали магазин открытым с 8 часов утра (в рабочих районах - с 7 часов) до 8 часов вечера, иногда без перерыва (хотя обыкновенно он длился с 13 до 16 часов днем). К этой работе держателя магазинчика, занимавшей 6 дней в неделю - работе, которая никоим образом не оплачивалась, не обеспечивалась никакими социальными правами и никакими правами собственности вообще, они должны были добавить труд любой хозяйки и матери. День, когда магазин был закрыт, использовался ими не для отдыха или досуга, а на разгребание накопившихся долгов в виде чистки, стирки и покупок.

Пекарни - это семейные предприятия. Это значит, что они являются производственными единицами, в которые оба: и муж, и жена -

вкладывают свою энергию. Но решающую роль играет не пекарь, но его жена. В процессе конкуренции между небольшими пекарнями степень привлекательности супруги хлебопека имеет гораздо большее значение, нежели качество хлеба, которое варьируется от одной пекарни к другой не слишком сильно. Маленькие магазинчики сориентированы на фактор личности как таковой. Исходя из этого критерия, потребители выбирают или отворачиваются от них.

Между тем, самонадеянная супруга может очень быстро порушить жизнь мужа. Когда молодая чета стартует со своей первой хлебной лавочкой, супруга очень легко может поддаться иллюзиям, считая, что деньги, оказавшиеся в ящике кассовой наличности, принадлежат семье, и потратить их. Но ведь приходит конец месяца, когда они должны платить налоги, включаемые в стоимость хлеба, платить за муку и топливо. Суммы, проставленные на чеках займа, полученного под открытие дела, исчерпаны, а банкротство оказывается рядом.

Наконец, хлебопек не мог бы быть тем, кем он есть, если бы не супруга, работающая кассиром. Если у него должен быть кто-нибудь за прилавком, то им должна быть жена. Ведь супруга - это женщина, которой вы можете доверять и которой вам не нужно платить. Если молодой пекарь нанимает за жалованье кассиршу и рискует быть обманутым ею, то ему просто не удастся свести концы с концами. Когда пекарь умирает, его супруга может нанять трудившегося с ним же рабочего, чтобы работа продолжалась - мы встречались с такими случаями. Но если умирает супруга, или если она уходит от мужа, пекарь закрывает магазин немедленно (ибо повторная женитьба требует некоторого времени). Таким образом, он теряет "своих" покупателей, утрачивая, следовательно, по большей части и сам смысл своих стремлений. В таком случае, как это обычно и случается, он становится рабочим в пекарне до тех пор, пока не свяжет себя узами супружества с другой женщиной.

III

Но почему же эти ремесленнические формы труда дожили до наших дней? Что дает им силу выстоять? И если правда то, что выпечка хлеба поглощает такое огромное количество труда всех занятых в пекарне, почему эти люди соглашались на столь тяжелую работу? Или по-другому - почему, учитывая, что пекарь и его рабочие тяжело трудятся всегда, они продолжают соглашаться на такие условия жизни в то время, когда мир вокруг них сильно изменился, предоставляя гораздо больше времени для удовольствий? Чтобы понять их резоны, столь глубоко укоренившиеся в них самих, так, что люди с трудом могут сформулировать эти причины, нужно понять, кто они. Нам потребовалось некоторое время, чтобы установить это.

Сегодняшние хлебопеки не родились ими - это самое важное открытие. Заявленное раз, оно звучит просто. Тем не менее, в нашем исследовании все указывает на вещи совершенно противоположные этому. Проведенное нами изучение истории хлебопечения показало, что торговля всегда передавалась от отца к сыну. И не только в период до революции 1789 года, но и столетием позже хлебопеком можно было стать исключительно родившись сыном пекаря. Профессиональная организация пекарей (корпорация до 1789г. и синдикат - после) следила за тем, чтобы ни помощник пекаря, ни его рабочий не основали свое собственное дело - за исключением тех редких случаев, когда сам пекарь, полностью контролируя молодого пекаря, бывшего сначала подмастерьем, а потом - помощником, решал оставить ему свое дело, выдав, вероятно, за него дочь. Если этот счастливчик не был сыном хлебопека по крови, он был им по образованию, общей вере и (чаще всего) семейным узам женитьбы.

Что же касается дней сегодняшних, то статистика социального происхождения хлебопечков отсутствует, и нам не удалось получить ее в ходе репрезентативного исследования. Фактически мы попытались провести такое исследование, разработав весьма детализированную лонгитюдную анкету. Но нам не удалось опросить хлебопечков посредством почты (и эта первая попытка была весьма показательна в том, что лавочники испытывали

недоверие ко всему, что исходило от Государства; они ощущали за всем этим угрозу увеличения налогов и поэтому систематически "выпадали" из игры. Словом, проинтервьюировать несколько сотен хлебопеков мы оказались не в состоянии - что в принципе было очень трудным делом - проинтервьюировать несколько сотен пекарей. Как только Даниэль Берто (Один из авторов данной статьи. - Прим. пер.), начиная исследовательскую работу, представлял себя человеком, вовлеченным в работу по изучению "хлебопечения" (а не пекарей!), чей труд оплачивается государством - тотчас же своего рода невидимый железный занавес опускался между ним и хлебопеком. Долгий опыт научил лавочников, что любопытство государства, какую бы форму оно ни принимало, всегда завершалось одним и тем же: большими налогами. Особенно обескураживающим было прохладное отношение хлебопека после душевного, исходившего от его рабочих.

Отдельные попытки миновать эти трудности, направляя предварительно очаровательных женщин-помощниц или стараясь получить поддержку профессиональных организаций хлебопеков, приносили результаты слишком медленно. Решение этой сложной проблемы в рамках "полевых исследований" было найдено случайно. Изабель Берто-Уиам (Соавтор данной статьи. - Прим. пер.), историк по образованию, заинтересовалась этим исследованием и начала изучать экономическую и социальную историю хлебопечения. Однажды, будучи на отдыхе в Пиренеях, мы отправились взглянуть на работу деревенского пекаря. Сначала, конечно, мы встретили его супругу и попросили ее дать интервью. Она, будучи весьма удивленной, позвала подойти своего супруга.

- "С какой целью вы проводите свое исследование?" - спросил он, как обычно. Мы объяснили, что будучи мужем и женой, мы работаем...

- "Мужем и женой?" - прервал он, - значит вы работаете также как и мы - вместе... Только мы делаем хлеб, а вы - исследование? Вы, стало быть, чуть ли не такие же ремесленники, как и мы, не так ли?"

Обе пары посмотрели друг на друга, и в русле некоего процесса взаимного узнавания, почти безмолвного, между ними возникли чисто человеческие взаимосвязи. Это и решило наши проблемы. Впоследствии,

когда мы или проводили интервью вдвоем или Изабель работала в одиночестве, она не забывала упомянуть: наше исследование, хотя и финансировалось государством, было также семейным делом. Это плюс запоздавшее содействие профсоюза позволило нам собрать около 40 интервью в виде "жизненных историй" с хлебопеками и их супругами.

Как только мы начали брать интервью у пекарей, то обнаружили, что значительная часть их (на деле - большинство) не были сыновьями хлебопек, но их бывшими рабочими, обретшими самостоятельность в молодости (в 25-35 лет). В одном из южных департаментов мы встретили женщину - секретаря профсоюза пекарей, и она, занимавшая этот пост на протяжении 25 лет, оказала нам впоследствии большую помощь. Вместе мы изучили 180 случаев индивидуального хлебопечения, которые ей были известны лично. И оказалось, что в 23 случаях пекари ни в каком виде не были наследниками в своем деле, а были людьми, "сделавшими себя сами".

Это открытие ставило в тупик. Большинство рабочих пекарен, проинтервьюированных нами, заявили, что задумывались о том, чтобы стать хозяевами самим себе. Но это было невозможным: где им было найти 100 тыс. франков (12 тыс. фунтов стерлингов), необходимых для того, чтобы поставить на ноги хотя бы самое маленькое дело? Вполне очевидным было то, что, учитывая жалование рабочих, они не могли сэкономить много, а уж о том, чтобы сэкономить 12 тыс.ф.ст., не могло быть и речи; ни один банк не пошел бы на риск, предоставив заем рабочему, занятому в пекарне и не имевшему никакой собственности в качестве гарантии безопасности.

Мистика, таким образом, не исчезала. Мы попытались опросить пекарей, известны ли им их коллеги, которые были бы в прошлом рабочими, но этот вопрос оказался бессмысленным. Ведь каждый хлебопек, даже сын пекаря, сначала был подмастерьем, а затем рабочим на протяжении нескольких лет. Имевшим значимость вопросом был следующий: мог ли рабочий пекарни, основывая свое собственное дело и становясь хлебопек, "мобилизовать ресурсы" (т.е. получить деньги), оставаясь в прежнем своем качестве. Это и было той проблемой, что оставалась непроясненной.

Для того, чтобы получить цельную картину, потребовалось еще больше "полевой статистики", жизненных историй и интервью с отставными бизнесменами-посредниками. Потаенный социальный механизм, позволявший отдельным рабочим, занятым в пекарнях, стать хозяевами самим себе, работал следующим образом.

Возьмем престарелую чету, которая хочет уйти на покой. Предположим, что у них нет ни сына, ни племянника, ни дочери, кому бы они могли передать свое дело. Их проблемой было передать дело пекарю и никому больше, поскольку только такой человек мог по-настоящему оценить такой жест доброй воли. В чем же заключалась ценность данной, отдельно взятой пекарни? Ею не было ни оборудование (обычно изношенное), ни сами стены (по крайней мере, в городах они не принадлежали лавочнику, но - владельцу всего здания). Ценность заключалась в самом этом жесте доброй воли, в тех нескольких сотнях покупателей, традиционно приходивших за хлебом в эту пекарню. Ею были сама структура взаимоотношений с данным населением.

Сегодня ни парикмахер, ни портной не покупают эти "отношения", они в этом не заинтересованы. Только пекарь платит за них.

Если профессия пекаря оставалась все еще серьезным делом, как это было на протяжении столетий, это же дело выбирали сыновья хлебопеков, и уж один из них был готов взвалить на себя бизнес своих родителей. Даже если не сын, то дочь, вышедшая замуж за сына другого хлебопека, или рабочий, трудившийся в пекарне.

Но и занятие булочника уже было не тем, что раньше. Этому были комплексные исторического свойства причины, при том, что падение привлекательности хлебопечения было очевидным. Так, большинство пекарей отворачивало своих сыновей от этого дела. Вместо того, чтобы задействовать их на работе в качестве подмастерьев с 14 лет, они хотели, чтобы сыновья продолжали учебу и становились или торговцами, свободными от тяжелого ручного труда, или государственными служащими, необремененными особо

работой и с предусматривавшимися хорошими деньгами. Точно так же и жены хлебопек советовали своим дочерям избегать выходить замуж за лавочников, исходя из собственного опыта.

Таким образом, когда приходило время уходить на покой, они не могли отыскать какого-нибудь сына хлебопека, который взялся бы за их дело, ни своего, ни кого-нибудь из своих коллег. У них поэтому не оставалось другого выбора кроме как обратиться к единственной категории людей, желавших бы взвалить на себя лавочку, - молодым рабочим пекарни.

Эта молодежь начинала обучаться делу на заре жизни. Если они соглашались со всеми тяготами ученичества и ночной работы, продолжительностью и низкой оплатой труда (жалованье было почасовым, а работа, хотя и требовала умения, оплачивалась как неквалифицированная) - только лишь потому, что жили с практической целью в сердце: стать самостоятельными. В действительности именно сами хлебопеки постоянно твердили своим подмастерьям и молодым рабочим: "Вот когда вы будете сами по себе", - и эта присказка была той решающей, что побуждала молодежь соглашаться с тяготами профессии. Если бы они полагали себя рабочими, они не приняли бы того, с чем соглашались как будущие лавочники. Фактически, возвратившись с военной службы, повстречав промышленных рабочих и открыв для себя, что тем и платят больше, и жизнь у них лучше - с работой только днем и девятью часами за раз, они следовали той же логике: "или я стану самостоятельным или брошу все". И действительно, многие бросали, что показывает странная возрастная пирамида профессии.

Здесь, между прочим, была ловушка - эти энергичные молодые люди не имели денег. Большинство из них вышли из бедных крестьянских или рабочих семей (это мы установили, исследовав социальное происхождение 200 подмастерьев в Париже и посредством интервью в Пиренеях). Эти семьи жили на грани нищеты и, отправляя сына в 14 лет к пекарю, вообще избавлялись от него (ибо тот давал ему комнату и питание). Никаких займов от таких семей нельзя было ожидать.

Таким образом, уходящему на покой хлебопеку оставалось самому занять денег своему молодому рабочему. Соглашение обычно заключалось следующим образом: оба уславливались о сумме "доброй воли" (определявшейся в зависимости от объема ежемесячной продажи хлеба). Новая чета начинала заниматься своим делом и выплачивала эти деньги в течение 8 лет. Конечно, это означало очень тяжелую работу молодой семьи и крайне низкий жизненный уровень на протяжении нескольких лет - равно как и очень серьезный риск для ушедшей на покой четы. Представим себе, что молодые в чем-то допустили слабину, и поэтому покупатели поменяли эту лавочку на другую. В таком случае сумма, обусловленная "доброй волей", таяла бы день ото дня. Мы были свидетелями такому случаю: в течение шести месяцев из-за того, что супруга молодого пекаря все время закрывала магазин в полдень, чтобы потратить какое-то время на себя, и не всегда выказывала жизнерадостность, крупнейшая пекарня в небольшом городке потеряла в пользу другой половину своих покупателей, а оставившая дело чета лавочников утратила большую часть своих сбережений (они все время жили наверху и старый пекарь, оказавшийся не в состоянии пережить быстрый упадок своей лавочки, вскорости скончался).

Как видно из этого примера, успех или неудача молодой четы (величина риска ушедшей на покой семейной пары также) оказывались по большей части на плечах молодой супруги. Рабочему в пекарне после 10 лет участия в деле можно было доверить делать хлеб хотя бы среднего качества. Но что касается его супруги - ведь она никогда раньше не держала лавочки? Могла ли она делать это хорошо? Вот эту загадку и решала отставная чета. Необыкновенно поэтому интересно взглянуть на практические действия двух семейных пар в переходный период. Претендуя на то, чтобы показать молодой леди, как полагается вести себя *boulangère*, умудренная опытом женщина должна была не только сдерживать свои порывы, но также стараться уяснить фундаментальные ценности, исповедуемые той. В это же время можно было посмотреть, как молодая девушка склонна была реагировать на все увиденное ею, то есть на жестокие реалии каждодневной жизни супруги хлебопека.

Что же было этой жизнью? Во-первых, как отмечалось выше, очень продолжительный рабочий день. Магазин был открыт пять с половиной дней в неделю, включая воскресное утро. Временем начала работы было, самое позднее, 8 часов - но во многих местах и 7 часов, ведь рабочие и служащие, шедшие на работу утром, хотели купить свежий хлеб к ланчу. Прекращалась работа в 8 часов вечера - все опять-таки хотели свежего хлеба к обеду. Символическая значимость этого обстоятельства находит подчеркнутое выражение в том факте, что во многих городках и деревнях, когда лавка была уже закрыта, после 8 часов вечера, люди стучались с черного входа и получали немного свежего хлеба от "своего" хлебопека - немыслимая практика в любой другой лавочке. Какой бы ни была причина такого поведения, оно было свидетельством постоянного прессинга, под которым жили хлебопеки и (особенно) их жены.

Второй отличительной особенностью каждодневной жизни лавочниц была та, что они работали днем, тогда как мужья - ночью. Парадоксально, но семейный бизнес означал не больше, а меньше собственно семейной жизни. Еще более неблагоприятной была жизнь жен рабочих пекарни - вот причина, почему так много их, женившись, бросало это занятие.

В еще худшую ситуацию попадала юная женщина, вышедшая замуж, ничего не зная о хлебопечении, за молодого рабочего пекарни, который хотел основать свое собственное дело. Мы уже показали, она должна была играть свою роль в стратегии преисполненного амбиций молодого человека - на деле наиболее важную роль. Но она не отдавала себе отчета в этом, или, скорее, не осознавала, что это означало, до того, как было уже слишком поздно.

Для того, чтобы стать самостоятельным, рабочему пекарни необходимы были две вещи: жена и деньги. Быть хорошей супругой означало быть мужественной и осознающей всю ответственность женщиной, работавшей бы на пределе своих способностей, не получавшей бы слишком многого взамен

(будь то величина жизненного уровня или объем времени, потраченного на свою собственную жизнь) на протяжении первых лет брака. Было ли это случайным стечением обстоятельств? Мы отметили, что некоторые из проинтервьюированных нами пекарей заявили: они женились довольно быстро (через несколько недель после того, как встретили свою будущую супругу), а свое собственное дело основали еще быстрее - иногда сразу после медового месяца. Один из них сделал интересную оговорку в своей речи. На вопрос: "Когда Вы женились?", он ответил: "Я стал самостоятельным, то есть я женился, в 1966 г."

Мы зафиксировали и другие случаи, обратные описанному, когда рабочие пекарен откладывали принятие решения о самостоятельности, ибо ко времени появления такой возможности им не удавалось убедить своих жен взвалить на себя лавочку. Ведь те уже знали достаточно о том, что это означало (небольшое вознаграждение и тяжелую работу) и отказывались заняться этим. Их отказ был равнозначен тому, что мужьям никогда не удавалось осуществить мечту всей своей жизни - основать свое собственное дело.

Мы должны добавить, чтобы данная трактовка не была предвзятой, что в некоторых случаях молодая супруга соглашалась с жизненными планами своего мужа и с радостью вносила свою лепту, полностью оказываясь вовлеченной в логику мелкого бизнеса. Это наблюдалось в случаях, когда молодые женщины были сельского происхождения, работали на фабриках, в службе или официантками. Они знали, что такое жизнь, когда никто в целом мире не помогал им. Самостоятельность очень сильно манила таких женщин, хотя и значила, что никто больше не сможет взять на себя сколько-нибудь весомую часть их тяжелой работы. Кроме того, эти молодые женщины, живя за свой счет, знали как спланировать расходы, распорядиться общим бюджетом. Они поэтому были готовы примерить на себя роль супруги пекаря как финансового менеджера и дела, и семьи, отдавая приоритет первому над вторым.

Женщины, страдавшие больше всего на протяжении первых лет такого супружества, были или дочерьми фермеров или лавочников, жившими с

родителями вплоть до замужества, или теми, кто уже получили работу в офисах после хорошего образования в школе. И они не только страдали (одна из них, трудившаяся в системе социального обеспечения, рассказывала нам, что рыдала целыми днями и неделями; сегодня она, однако, хорошо приспособилась к жизни "главного лица" в большой булочной), но довольно часто не могли воспринять свое новое положение, и все планы стать богатыми лавочниками быстро оканчивались банкротством. В этом случае супруги по отдельности устраивались на оплачиваемую работу и жили вполне счастливо. Они подчеркивали то обстоятельство, что, когда "работа закончена, то она позади" и у вас есть долгие часы, чтобы побыть вместе или с детьми. Ведь когда вы трудитесь сами на себя, нужды работы вторгаются в частную жизнь, и тогда не остается времени для чего-либо еще. Представляется, что социологические истины, касательно семейных союзов хлебопеков, заключаются в следующем: отношения между мужем и женой становятся одновременно отношениями между ремесленником и хозяином магазина, совместно выступающими в качестве партнеров по бизнесу.

VI

Каково же будущее ремесленного хлебопечения? Мы не являемся ни функционалистами, ни пророками. Мы уверены в том, что будущее возможно предсказать исключительно экстраполяциями или интуицией какого-то гения. История - это процесс множества противоборств или борьба множества процессов. Выживание ремесленного хлебопечения само по себе является каждодневным результатом постоянно идущей борьбы, заставляющей мобилизоваться не только ремесленников, но их жен, молодых рабочих пекарен и подмастерьев. Они не называют это борьбой - но "тяжелой работой". Между тем, именно сам этот фантастический объем тяжелого труда рождает мощь ремесленных форм, что и не дает индустрии возможности овладеть хлебным рынком. Как долго они будут бороться или, скорее, сколь долго будут продолжать соглашаться работать так тяжело,

получая относительно неважные результаты? Вот в чем заключается основной вопрос.

Сила индустрии зиждется на ее огромной финансовой мощи и тех поддерживающих элементах, которые могут быть мобилизованы ею в верхних эшелонах государственного аппарата. Сила же ремесленных имеет другую природу: она зиждется на людях.

Именно на том уровне, где обеспечивается рекрутирование кадров, заложена наиболее серьезная угроза ремесленному хлебопечению. Все меньше и меньше подмастерьев удастся привлекать в пекарни. Доля подмастерьев сельского происхождения быстро сокращается. Согласно же нашим интервью, именно они по большей части готовы пройти через тяжелые испытания, основывая свое собственное дело. Если именно этот приток (молодежи сельского происхождения) иссякнет, то этим будет положен конец всем процессам, через которые самовоспроизводятся ремесленные формы. Это будет концом ремесленного хлебопечения; мы, по крайней мере, считаем именно так.

Резкое сокращение притока подмастерьев само по себе является интересным феноменом. Профсоюз пекарей, ясно осознавая опасность, пытался обратить вспять эту тенденцию, впрочем, без большого успеха. Ведь такой массовый феномен можно наблюдать в большинстве ремесленных отраслей и даже на предприятиях индустрии. В результате, хотя налицо высокий уровень безработицы среди молодежи, предприниматели и ремесленники тщетно ищут квалифицированных рабочих на отдельных ремесленных предприятиях, а стареющие хлебопеки начинают гораздо раньше заботиться о том, чтобы найти молодую чету, кому бы уступить свою "добрую волю".

Понятно, что хлебопеки и другие ремесленники объясняют данный феномен фактом того, что "молодежь не желает больше работать". Очень интересная констатация, открывающая целый домен социологической мысли! Мы ограничим свои комментарии одним пунктом. Вполне справедливым кажется то, что отношение к работе коренным образом изменилось за последние 20 лет. Представляется, что городская молодежь движется к

новым жизненным ориентациям - она становится все менее заинтересованной в работе как таковой и больше склоняется (говоря языком психологии - инвестирует) к потреблению, в более общем плане, к приватизированному наслаждению жизнью. С точки зрения социологии, легко интерпретировать этот масштабный сдвиг в идеологии как результат перехода от промышленного капитализма, характеризуемого по большей части производством машин и средств передвижения, к капитализму товаров массового потребления. Этот переход был очень хорошо описан в "Монополистическом капитале" Бэрэна и Суизи (в наши дни массовая безработица среди молодежи, а следовательно, их нищета, соединяется с этой ориентацией в направлении потребительских проблем, продуцируя сильные страдания и утрату самоидентификации молодежи - но это уже другая история). Только в среде сельской молодежи можно обнаружить, что в чем-то парадоксально, "индустриальные" ценности, то есть какую-то психическую вовлеченность в процесс работы как сколь-нибудь значимый вид активности. Но этот парадокс, кажется, как раз тот, что хорошо известен предпринимателям, предпочитающим нанимать рабочих-иммигрантов. И не только потому, что их труд дешевле, но больше ввиду того, что алжирцы и (особенно) португальцы более "серьезно" настроены в отношении работы.

На ремесленниках тоже лежит часть ответственности за весь процесс в целом. В их среде устойчиво сокращается число тех, кто все еще ориентируется на то, чтобы брать себе подмастерьев и обучать их делу. Теснимые рынком к тому, чтобы работать все больше и больше как мелкие капиталисты, считающие: время - это деньги, ремесленники рассматривали процесс приживания нового подмастерья как потерю времени, механизация вытеснила большую часть незначительных, не требовавших квалификации операций, возлагавшихся на подмастерьев (многие пожилые рабочие пекарен вспоминали, как на протяжении первого года работы подмастерьями в 20-е годы они только учились колоть дрова, мести полы и развозить хлеб по ресторанам, кафе и частным домам). Вытеснение возможностей для сверхэксплуатации труда молодых подмастерьев привело также к тому, что функция обучения, принадлежавшая пекарям, исчерпывала себя.

В результате "продукция" будущих хлебопеков оставалась необходимой только в сельских районах. И это парадоксально, поскольку ремесленное хлебопечение, вопреки сложившемуся у нас его "традиционному" облику, всегда было по большей части городским делом. В городах Франции оно существовало на протяжении по крайней мере десяти столетий, тогда как в сельской местности крестьяне пекли хлеб сами (уж женщины занимались этим точно). Только в конце XIX века появились первые сельские пекарни (не говоря об индустриально-аграрных районах, где они появились вместе с фабриками).

Хотя нам и не удалось найти статистики, подтверждающей положение, что количество сельских пекарен возрастало на протяжении 30 или около того лет XX века очень быстро, покрыв территорию плотной сетью небольших магазинчиков, где изготавливали хлеб для 150-1500 человек. Именно эта структура была тем, словно бы последним редутом, за которым спаслось ремесленничество, будучи обеспеченным главным ресурсом - людьми.

В пользу этой гипотезы говорит сравнение между собой индустриальных стран Запада. Именно в тех государствах, где в значительном количестве сохранилось крестьянство (Франция, Италия, Испания), там хлеб производят ремесленники. В тех же странах, где крестьянство почти исчезло (Великобритания, Соединенные Штаты, Канада), хлеб изготавливается на фабриках. Данная гипотеза может быть справедливой лишь отчасти, ведь мы не проводили полевых исследований в других, кроме Франции, государствах, где наверняка протекают процессы, вообще нами не исследованные. Мы можем только задаваться вопросом, почему ремесленное хлебопечение исчезло вместе с крестьянством в Квебеке, но как-то существует в Германии, Великобритании или Бельгии?

Интересным, между тем, в рамках данной гипотезы остается предполагаемая взаимосвязь между наличием крестьянства и выживанием крестьянских форм. Эта взаимосвязь далеко не проста. Ремесленное хлебопечение по большей части всегда было городским феноменом. Ближе к концу XIX века оно начало распространяться из местных городков по

сельским окрестностям. На сельских мельницах тоже начали печь хлеб, сбывая его по окрестным фермам и деревушкам, предвидя угрозу, исходившую от промышленных установок помола муки, использовавших новые источники энергии, цилиндрические жернова и усовершенствованную технологию просеивания продукта. Проникновение ремесленного хлебопечения в сельские районы страны сопровождалось выявлением новых источников человеческого труда. Начал выкристаллизовываться новый тип рабочего, занятого в пекарне - не урожденного горожанина прошедших веков, а рожденного на селе труженика с присущими ему крестьянскими ценностями. Первое и самое основное, что эти ценности означали во Франции, - это стремление стать самостоятельным. Данные ценности, дополняемые этим яростным индивидуализмом, подразумевали также ориентированность на работу, такую, что была бы хорошо сделана и помечалась фирменным знаком производителя.

Человек такого склада и был тем, кто, согласно нашей гипотезе, мог "спасти" ремесленное хлебопечение, сталкивающееся с жесткой конкуренцией со стороны промышленного. За видимостью преимущества ремесленное хлебопечение во Франции претерпело глубокую трансформацию. По мере того, как это занятие становилось все меньше привлекательным в смысле экономических стимулов, сыновья пекарей бросали его. Именно этим, вероятно, было вызвано исчезновение ремесленного хлебопечения в других государствах. Тем не менее, во Франции выручка подспела тотчас же, когда выявилось стремление рабочих, трудившихся в пекарнях, с их крестьянскими ценностями, занять место сыновей хлебопека. Это стоило им очень тяжелой работы - такой, что необходимым было доминирование не городских, но сельских ценностей, чтобы начать чрезвычайно трудный процесс обустройства. Вот так сельское хлебопечение, будучи сначала сотворенным городским, спасло его от исчезновения - словно бы вливанием свежей крови в его иссыхающие структуры. Пополнение людьми сделало возможным адаптацию ремесленного хлебопечения в новой ситуации, характеризуемой постоянной угрозой захвата рынка, исходившей от промышленности, а также более низким экономическим статусом первого.

Центральной осью процесса "воспроизводства" ремесленных форм вместо семейного наследования стало "обустройство" рабочих пекарен с помощью тех, кто также был их работодателем, то есть хлебопеков-хозяев.

Упор, который мы сделали на "человеческом факторе", может быть, и слишком силен. Тем не менее мы верим, что он может быть оправдан, особенно в современном контексте, когда налицо гегемония экономики в качестве религии нынешних времен (ядра идеологии нашего времени). Собственно экономические процессы имеют, возможно, значимость, чего мы не изучали и не выделили в достаточной степени (например, это касается стоимости зерна, которая была значительно ниже в Британии и Новом Свете, чем во Франции, благодаря введенным в последней протекционистским тарифам в 80-е годы XIX века). Необходимым, однако, представляется избегать экономического редукционизма.

Мы показали, например, что конкуренция между ремеслом и промышленностью за контроль над рынком хлеба приняла форму соперничества между двумя разновидностями продукта: ремесленным и индустриальным, причем, промышленность не могла производить тот же тип хлеба. Но это было не предварительным условием конкуренции, а самим ее результатом. Мощь промышленного хлебопечения заключается, помимо всех других факторов, во временной стабильности производства. Ведь решающей необходимостью для капитализма является способность транспортировать производимые товары во времени и пространстве; эта характеристика становится неотъемлемым достоинством самого товара - покупай раз в неделю и будешь избавлен от мрачной перспективы ежедневных закупок. Но ремесленник мог производить хлеб, долго не утрачивающий своих качеств, - так было на протяжении столетий. Женщины на селе пекли раз в неделю, большие буханки не теряли своего вкуса еще дольше; точно так же и в городах хлеб хранился несколько дней. Как можно настаивать, чтобы типично ремесленный хлеб сегодня - *baguette* - являлся абсолютно "свежим"? Или это происходит потому, что "вкусы общественности изменились"? Нельзя ли, что будет вернее, интерпретировать эту ситуацию так, что ремесленники, не осознавая того, постепенно подходят к выпячиванию категории "свежести".

Ведь именно этого качества промышленное производство не может придать своему продукту? Данную интерпретацию мы даем только в качестве примера того, как экономическое соперничество на рынке (который кажется чисто экономическим феноменом, исключая любые элементы политики) включает в себя неэкономические аспекты. Конкуренция идет не между ценами как таковыми, но продуктами, которые характеризуются (коротко говоря) определенным отношением цены и качества. Именно через последнюю категорию - "качества" - мир социальных взаимоотношений вновь берет свое. "Качество" хлеба (или его потребительская ценность) означает не только определенный вкус как физическую характеристику, но имеет символическую, сопровождающуюся социальной значимость. Своеобразная потребительская ценность содержится в том, чтобы ежедневно покупать свежий хлеб в одном и том же месте, у пекаря, "выбранного" вами из всех других. Какие бы термины не употреблялись, чтобы квалифицировать эту потребительскую ценность (таким словом может быть понятие "общения"), процесс приобретения есть не только экономическое действие, но и социальная практика. Между нами говоря, приобретение других пищевых продуктов таких отношений не вызывает, будь то продукты, которые вы покупаете у "вашего" местного лавочника или в супермаркете, который вряд ли может считаться "вашим".

VII

Дабы предыдущие рассуждения не были поняты как стремление дополнить собственно экономический анализ символическим *supplement d'ame* (скажем, экономическим анализом, дополненным "душой"), мы должны вкратце развернуть нашу концепцию так называемого человеческого фактора. Мы видим его так, что в рамках производственных отношений рождаются не только продукты труда, но происходит и воспроизводство мужчин и женщин, вовлеченных по-своему в их структуру. Мы определяем этот второй аспект производства как *la production antropomique*.

Уделяя особое внимание значимости крестьянских ценностей для новых поколений рабочих пекарен, мы прибегли к сравнению по типу людей, "несущих" вместе с собою определенные ценности. В этом же ключе было использовано выражение "носитель (данной) культуры". Эти сравнения, однако, являются в чем-то дезориентирующими. Ценности не являются чем-то таким, что люди несут на своих спинах, подобно грузу, и что можно внезапно сбросить их с плеч. Ценности - это суть социальные отношения, имеющие человеческое измерение (именно социальные отношения и взаимоотношения, а не "общество" как монолитное целое - по Парсонсу). Мы используем такое понимание, но не в идеалистическом смысле, а, наоборот, в качестве попытки найти концептуальное понимание роли мужчин и женщин, которое восходило бы корнями к реально-конкретной жизни и, если будет нам позволено так сказать, к материалистической философии. Но ведь материализм не является философией дела! Нам не известна материалистическая концепция мужского (и женского) начала. Но если таковая и есть, то в ее рамках должна содержаться характеристика мужчин и женщин не как физических объектов и не как носителей трудовых ресурсов, а как обладателей определенной психической структуры, которая является гораздо более жесткой и стабильной во времени, нежели физическая субстанция.

Физическое естество - это нечто внешнее, почти не имеющее отношения к этой структуре, если не говорить о нем как о вместилище человеческой энергии (что является наиважнейшим положением в теории антропологии). Но сама по себе данная энергия имеет два аспекта: физический, который лишь и учитывается вульгаризированным марксизмом, когда речь заходит о "трудовом потенциале" (и это не Маркс, а капитализм так определяет сущность человеческой энергии) и психический. Если физическая энергия и истощается, то она может восстанавливаться ежедневно. Кристаллизация психической структуры требует многих лет, но, будучи раз сложившейся, она демонстрирует высокую степень стабильности на протяжении всей жизни. Мы имеем в виду абсолютно то же, что и великий философ Гегель, говоривший: "Разум - это основа всего". Разум вернее, его психическая структура, является

не просто остоном, но и главной опорой физического естества. Однако психические структуры данного человеческого субъекта не падают "с неба идей" (не возникают из окружающей идеологии). Они создаются самими социальными отношениями, пронизывающими физическое естество, структурирующими его "центральную" психическую составляющую.

Психическая структура - это суть социальная структура, существующая внутри физического естества.

VIII

Этот легкий набросок может выглядеть достаточно абстрактным (как и любые первоначальные подходы к новой теории). Вполне справедливым будет сказать, что эти теоретические идеи развиты большей частью на путях рефлексии и не соотносятся прямо с конкретными наблюдениями. Гораздо более интересным представляется следующее: они проливают некий свет на все происходящее с ремесленным хлебопечением.

Это последнее начинается с феномена подмастерья, с процесса, в ходе которого молодой, неискушенный парень 14 лет превращается в *boulangier*. В профессиональном отношении, когда речь идет и о рабочих пекарни, и о самих ремесленниках, они все вместе говорят о себе как о *ouvriers, boulangiers*, или как просто о *boulangier*. Это, действительно, кое о чем говорит, а именно: и пекари, и их рабочие проходят через одинаковые трансформации - стадию ученичества. Это - продолжительный и трудный процесс. Начинается он тогда, когда парень сам еще как неподнявшееся тесто. Он посещает школу, впрочем, безуспешно, ожидая, когда ему исполнится 14 лет. Этот день наступает - неважно в декабре или марте, и парень бросает школу. Родители его, переговорив с местным пекарем, заключают устное соглашение об условиях, на которых он на протяжении трех лет будет жить и работать в другой семье. Собрав свои немногочисленные вещички, он прощается с семьей и уходит.

Работа, как мы уже говорили, начинается, самое позднее, в 2 часа ночи. И хотя сегодня закон запрещает подмастерью трудиться раньше, чем с 6

часов, пекари говорят, что если он хочет обучиться делу, то должен будет подниматься вместе с ними. Таким образом, в 2 часа ночи он взбирался по ступенькам вверх, будил своего помощника, иногда с помощью холодной воды (ведь сон так крепок в эти годы!). Работа начиналась после быстрого кофе. Взять тесто, разделить его на маленькие кусочки, взвесить их один за другим - все эти простые вещи полусонный подмастерье учится делать все быстрее, но никогда не успевает сделать это так, как надо. Подгоняемый окриками (а иногда и пинками) пекаря подмастерье, это "неподнявшееся тесто", начинает обретать форму. Вы, будучи подмастерьем, должны научиться следующим вещам: сделать две сотни croissants, заложить их в печь, не дать им подгореть, очистить затем поддоны; выработать привычку переходить от одного дела к другому, выполняя две или три операции одновременно (готовя следующую закладку, пока печется предыдущая); научиться организовывать свою работу, бороться со сном, не покалечиться, выдернуть палец или руку из какого-нибудь механизма; попевать за ритмом выпечки хлеба, поддерживая его вплоть до полудня. Точно так же, как к завершению долгой ночи бесконечное тесто превращается в хлеб, так же мальчик после трех лет ученичества становится пекарем. Словом, когда хлеб будет готов, ночь закончится - вот тогда исчезнет и подмастерье. Ночь за ночью, шесть раз в неделю (седьмой день уходит на то, чтобы наверстать сон), дело формирует тело. Довольно легко научиться тому, чтобы делать хлеб - это может сделать даже интеллигент. Но для того, чтобы делать это быстро, да еще ночью, вам нужно изменить свое физическое естество полностью. Необходимо обратить вспять естественный ритм организма, который должен научиться спать днем и просыпаться в самые глубокие ночные часы. Скорость всех движений должна быть увеличена. Известно, что хлебопеки могут работать очень быстро не уставая (ввиду такой репутации их с удовольствием принимают на промышленные предприятия), потому что их организмы трансформируются в живое орудие труда. Обучиться делу - не значит узнать, как делается хлеб, скорее - обрести ритм, позволяющий делать все в условиях сегодняшних ремесленных производственных отношений. Это означает также способность работать быстро, причем

течение 10 часов, перекусить, немного поспать и вернуться к работе через несколько часов в полдень, и так день за днем. Подмастерье - это соратник пекаря, и если второй работает по 15 часов в день, то первый должен следовать за ним. Это означает тренированность тела, способность жить на нервах; именно в тренировке и перестраивании своего физического естества заключается смысл института подмастерьев. Таким образом, можно сказать: в то время, когда пекари готовят хлеб, последний печет их. Если народу хлеб нужен, чтобы жить, то ремесленные формы производства алчут тело булочников, дабы выжить. Производственные отношения рожают людей, которые затем их и воспроизводят.

Каким образом молодым рабочим пекарен, ставшим самостоятельными, удастся трудиться и так долго, и так быстро, не надрываясь, можно понять, предварительно зная о том, чему подвергается их организм в юности. Фактически некоторые из них все-таки надрываются (обычно зарабатывая сердечный приступ), но большинство выдерживает, продолжая силком навязывать ритм жизни и работы самим себе, своим женам, рабочим и подмастерьям. Благодаря же конкуренции между хлебопеками, этот ритм становится правилом для всей отрасли, не одной пекарни, а для 50 тысяч. Зная количество вложенного труда, можно намного четче уяснить себе, почему промышленности так трудно овладеть рынком хлеба.

Д.БЕРТО, М.МАЛЬШЕВА

КУЛЬТУРНАЯ МОДЕЛЬ РУССКИХ НАРОДНЫХ МАСС И ВЫНУЖДЕННЫЙ ПЕРЕХОД К РЫНКУ

Предлагаемый русскому читателю текст имеет предысторию, которую необходимо изложить во избежание возможного недопонимания.

Первый автор, французский социолог Даниэль Берто, осуществил вторичный анализ случая, описанного вторым автором, русским социологом Мариной Малышевой. Это история одной пролетарской семьи, проживающей в Москве, история Замошкиных (настоящее имя изменено). Работая над этой историей, основные элементы которой даны в центральной части статьи, Д.Берто ощутил, что именно она открывает путь для постановки интересной содержательной проблемы: каков габитус или интернализированный набор ценностей и норм, способов восприятия и поведения городского рабочего класса в России? В какой мере кто-либо может утверждать, что этот габитус жизни скорее общинно-, нежели социально-ориентированный? Не ссылаясь на мистический "русский дух" и учитывая конкретную организацию советского общества, может ли кто-либо идентифицировать некоторые институты, способы социальной организации и модели повседневной жизни, которые должны были, начиная с 30-х годов, направить культуру рабочего класса и его ум скорее в сторону коммуны, чем по направлению к индивидуализму?

Безусловно, это был социологический вопрос, но его глубинное исследование требовало гораздо большего внутреннего знания о советском обществе, чем то, каким, по мнению Д.Берто, он обладает. Все, чего он надеялся достичь, - это просто выдвинуть ряд идей и гипотез, оставляя русским социологам и русским читателям задачу решить, какие из них будут иметь смысл и заслуживать дальнейшего развития.

Вариант Д.Берто был написан в октябре 1993 года и подготовлен для социологического семинара в Центре по изучению социальной мобильности в Париже 8-10 декабря 1993 года. Тема семинара - социальная динамика. Из

всей серии материалов, подготовленных для семинара, это был единственный, касающийся русского общества.

Парламентские выборы в России должны были пройти в декабре и западные средства массовой информации, особенно американские, анонимно предсказывали широкую победу политической партии "Выбор России".

Будучи, однако, хорошо осведомленным как о драматических трудностях русских трудовых слоев, так и о склонности западных средств массовой информации к самоинтоксикации, Берто чувствовал необходимым обнаружить перед французскими коллегами истинные мотивы западных властей в отношении России (которые со всей ясностью могут быть прочитаны в американской прессе) и сделать их внутренние противоречия различимыми. Он считает безответственным навязывать другому обществу, которое имеет свои собственные ценности и культурную модель, матрицу социальных отношений (рыночных отношений), окончательно победивших на Западе только после столетия разрушений и страданий.

Будучи приверженным читателем "Великого преобразования" Карла Поляного (1), Берто знал о том опустошении, которое производит насильственное введение рынка в традиционном, общинноориентированном обществе. Поляный четко установил связь между эффектом рыночной экономики в Германии в начале 30-х годов (экономическая депрессия, гиперинфляция, массовая безработица) и приходом Гитлера к государственной власти через регулярные выборы.

Игнорирование специфики русского общества, высокомерие, с которым западные власти навязывают России свое собственное лекарство, напоминает высокомерие французских колонистов, которые разрушили местную культуру "bonne conscience" ("Мы им несем цивилизацию"), и цинизм британских колонизаторов, которые знали точно, что они делали, открывая рынки для британских товаров с помощью оружия. Эта игра кажется Д.Берто особенно опасной для сохранения мира, и он считал своим долгом сказать об этом хотя бы даже и на полуприватном семинаре в Париже.

Хотя в Институте социологии эти идеи Д.Берто были найдены заслуживающими публикации, он все-таки немного смущен, поскольку, по его мнению, он не обладает никакой особой компетенцией, кроме социологической и исторической культуры, чтобы обсуждать подобные проблемы. Д.Берто никогда не был советологом, или специалистом по русским исследованиям или обладателем секретов мировой политики. И конечно же, смешение двух очень различных уровней анализа в одной статье нарушает нормы академической литературы. Однако после написания этой статьи Д.Берто обнаружил, что многие французские специалисты по русской экономике разделяют его идеи (они особенно скептически относятся окончательного успеха политики невмешательства в России), кроме того, парламентские выборы эти идеи подтвердили. Таким образом, оснований для отказа в предоставлении текста русскому читателю, с его точки зрения, нет.

Марина Малышева не только осуществила исследование случая семьи Замошких, но и привнесла в него многие идеи относительно интерпретаций. Она также скорректировала ошибочную интерпретацию Д.Берто. Вместе с тем, она не может нести ответственность за идеи, изложенные в первой и третьей части статьи.

* * *

Примечание: этот текст состоит из краткого вступления и трех основных частей. Вторая часть (стр. 105-126) посвящена изучению отдельных случаев (cases). Факты, изложенные в этой части, заимствованы из действительности. Читатель, не располагающий большим количеством времени, может ограничиться чтением стр. 99-105 и 126-142.

ВВЕДЕНИЕ

Вот уже в который раз Россия балансирует на острие лезвия - к тому ее побудили внутренние политические события. В зависимости от того, в какую сторону ее поведет, в ту сторону и пойдет судьба десятков тысяч ядерных боеголовок, судьба самых крупных разведанных на планете месторождений полезных ископаемых (нефти, урана, золота, алмазов, ценных металлов) и 148 миллионов граждан этой страны, а это значит - ставкой является судьба всего мира.

Уже в седьмой раз в этом веке эта колоссальная страна раздумывает о том, по какому пути ей идти. В ее судьбе уже был 1917 год и гражданская война; затем последовали победы Сталина над своими противниками - это придало яркой социалистической мечте тоталитарное содержание. Была борьба за власть после смерти Сталина (1953 г.) и победа неосталинистов в 1968 г. Затем наступила эпоха Горбачева и крушения советской империи. И каждый раз судьба России решалась в политической борьбе на вершинах власти этой страны. Тем не менее, на этот раз, даже если учесть, что риск государственного переворота не устранен полностью, массы русского народа получили возможность сказать свое слово.

В декабре прошли парламентские выборы, а в июне 1994 года должны пройти президентские. Выбор, который этим массам предоставляется, выглядит довольно ясно. С одной стороны - переход к рыночной экономике (открытой или нет по отношению к мировому рынку), переход к правовому в гражданском и политическом смысле обществу. С другой стороны - возврат ко всемогущему государству, которое может свести почти на нет все Гражданские и политические права, но сохранит права социальные и будет одновременно управлять экономической и культурной жизнью страны (упразднение плюрализма). Короче, возродится сильное государство, вооруженное шовинистической идеологией, объединяющей одновременно популистские, некоммунистические и даже фашистские принципы.

Итак, русские народные массы выжидают. Разумеется, перестройка, а затем и режим Ельцина принесли им свободу печати и объединений.

политический плюрализм и начало рыночной экономики. Однако одновременно это была и потеря Империи, и не только ее внешних подступов (страны Восточной Европы), но и внутренних - республик. Кроме того, возникла гиперинфляция, разметавшая подобно шквалу ветра сбережения людей; безработица, неизвестная до этого времени; чрезвычайно резкий процесс социального расслоения, создавший в течение нескольких лет класс богачей, цинично выставляющих напоказ свой образ жизни; и существенное обеднение большей части населения (цены на продукты питания первой необходимости приближаются к западным ценам, в то время как средняя заработная плата только к концу 1993 года едва достигла 500 франков в месяц...). В Польше тот же процесс вернул к власти неокommunistов; его угроза нависла над Венгрией и Словакией; коммунисты все еще находятся у власти в Румынии, Сербии, на Украине и в республиках Средней Азии. Короче, если народные массы выжидают, то для того у них есть немало причин.

До настоящего времени лагерь "демократов" одерживал победы: нужны были перемены - и избиратели пошли за ними. Однако сегодня модель, предложенная американцами и мощно поддерживавшаяся в самой России Гайдаром, переживает кризис. Завоевание гражданских, политических свобод, а также свободы предпринимательства - стоит ли ради него жертвовать социальными правами и статусом супердержавы. Что же надлежит выбрать между Харибдой старого режима (дискредитированного цинизмом и аферами его руководителей) и Сциллой "демократии" (уже сейчас это синоним коррупции, безработицы, гиперинфляции, образования новых классов "денежных мешков")? Так встает вопрос перед массами россиян.

В ходе многочисленных опросов, проведенных за последние годы, были сделаны попытки "прощупать" сердца и сокровенные мысли русских людей. Финансируемые ориентированными на западную модель развития российскими институтами, или американскими и даже европейскими фондами эти опросы позволили подтвердить и уточнить интуитивные выводы обозревателей: молодежь, квалифицированные рабочие, служащие предприятий, выпускающих импортную продукцию, жители крупных городов

склоняются к западной модели. Сельские жители (населения), люди старшего возраста и особенно пенсионеры не видят ничего, что мог бы им предложить переход к рыночной экономике, и они сожалеют о том времени, когда рубль был стабильным, когда их прожиточный минимум был гарантирован, когда медицинские услуги были бесплатными. Тогда люди знали, что государство обеспечит рабочими местами их детей. Однако народ все еще находится в поиске политического самовыражения, а вернее в поисках человека, который стал бы для России тем, кем был де Голль для Франции: человеком решительным, волевым, цельным, властным, олицетворяющим собой всю страну, работающим во благо ее величия и на благосостояние ее подданных. Появись такой человек - и Россия пошла бы за ним.

1. КРАТКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ГОРОДСКИХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Вопрос, который встает сегодня - в какой мере ностальгия по "государственному социализму", свойственная подавляющему большинству населения, может обратиться в политическую силу. Дело в том, что это чувство весьма распространено и не только среди бывших колхозников, над существованием которых нависла угроза из-за приватизации земель (октябрь 1993 года), но и среди пенсионеров, оказавшихся в нищете в результате гиперинфляции, среди тех работников, которые перешагнули уже тот возраст, когда они могли переквалифицироваться, среди множества тех, которые предпочитают безопасность риску рыночной экономики, либо среди тех, которые считают, что не располагают достаточными средствами (в виде капитала, связей, квалификации, информации), необходимыми для того, чтобы преуспеть в условиях конкуренции всех со всеми. Поскольку в глубине души сельское население довольно консервативно и к тому же составляет только 27 %, то принимать решение будет городское население. Но оно в России обладает совершенно специфическими особенностями. Прежде всего, учитывая относительно недавний характер бегства из деревень, сельское

население в большей своей части живет в городах всего на протяжении жизни одного или двух поколений.

Работы демографа А. Вишневого, который подсчитал количество россиян, родившихся либо в городе, либо в деревне, доказывают это со всей очевидностью. Одна единственная цифра подводит итог всему его анализу: в 1990 году больше половины родившихся до 1962 года в большинстве своем по происхождению - сельские жители (2). Иначе говоря, люди старше 30 лет, живущие сегодня в русских городах, в большинстве своем родились и выросли в деревнях и приехали в город, избегая работы в колхозе. К тому же, огромное число людей, которым сегодня более 50 лет, появились в городе в статусе, сравнимом со статусом французских рабочих-иммигрантов, недавно приехавших из Африки: без прав, работающих на тяжелых и низкооплачиваемых местах, находящихся в тяжелых жилищных условиях. Эти городские жители сельского происхождения в основном сконцентрированы в рабочих профессиях и, как правило, на неквалифицированных должностях. Именно они составляют массу старшего поколения городского пролетариата. Массы населения сельского происхождения в возрасте от 30 до 50 имеют более высокий по сравнению с ними уровень образования и квалификации, но тот же статус лиц, выполняющих ручной труд. Но даже если эта часть населения является по месту своего жительства городской, то является ли она таковой в культурном отношении? До революции 1917 года население России было, в основном, сельским. Гражданская война вызвала отток городского населения в сельскую местность. Промышленная революция, которая началась в начале двадцатого века, набрала силу лишь в годы правления Сталина - с конца двадцатых годов. Урбанизация России на один век отставала от этого процесса в странах Западной Европы. Советская статистика тех лет показывает, что с 30-х годов началось проведение активной политики урбанизации, как это имело место в странах Западной Европы век или более назад (особенно в Англии). Тем не менее, сходство статистических данных скрывает на самом деле очень глубокие социальные различия.

Одно из важнейших различий, которое интересует нас в большей степени, касается переезда в город. Хотя советские города напоминают по своей морфологии многоэтажные коробки, так хорошо знакомые и жителям Западной Европы, тем не менее, они существенно отличаются от европейских городов системой скрытых в них социальных отношений. Новая рыночная экономика, сдерживаемая размерами общественного сектора, и старая экономика, полностью основанная на административных принципах, вместо создания рынков труда воспроизводят административную систему пособий рабочей силе. Вместо рынка сдаваемого внаем жилья продолжается его административное распределение по принципу очередности; вместо конкуренции в торговле все еще устанавливаются государственные цены и осуществляется административное распределение через систему внутренних магазинов на предприятиях.

Последствия этих коренных различий в системе социальных отношений для перехода крестьян в городское качество были значительными. Идеально типичный горожанин - как его так удачно описал Зиммель - это мужчина (или женщина!), который постоянно находится в поиске удачного дела на разнообразных и бурлящих рынках (3). Приспособиться к городу крестьянину и его детям - это познать механизм действия этих рынков, это научиться вовремя ловить шанс; это научиться собирать информацию, быстро перемещаться с места на место, быть активным, искать, торговать, продавать. Горожанин, по Зиммелю,- это тот, кто разведует и знает "свой" город, собирает сведения, ищет лучшее жилье или жилье самое дешевое, ищет лучшую школу для своих детей, самый дешевый магазин, самую легкую и лучше оплачиваемую работу. Впрочем, ничего такого не было предложено русским крестьянам, приехавшим в советские города. Квартиры в этих городах распределялись предприятиями (иногда и исполкомами) в порядке списков очередности, магазины предлагали товары по ценам, установленным в масштабе всей страны. Это была жизнь, улучшение условий которой, как и улучшение условий труда, непременно осуществлялось через администрацию. Оказавшись в таких условиях, крестьяне никак не могли стать горожанами в том смысле, какой вкладывал в это понятие Зиммель.

Впрочем, и путь назад им был отрезан. Не могло быть и речи о том, чтобы вернуться в свою родную деревню, где им более ничего не принадлежало. Колхозы значительно уступали городу в удобстве жилья, снабжения, коллективной техники (инфраструктура, школы, больничное хозяйство, культурные объекты). Сталин выпустил из них всю кровь. Безразличие тех, кто пришел к власти за ним, оставило колхозам только то, что было необходимо для выживания. Поэтому жить в городе означало быть приближенным к центрам, в которые инвестировалась большая часть средств гражданской промышленности.

Итак, нет возможности вернуться на село, выход - весьма медленная интеграция в жизнь города: таков был удел трех поколений многонационального крестьянства, пришедшего жить в город. Скорее рабочие-крестьяне, нежели горожане - таковы в основной их массе люди, которые еще населяют сегодня города России, в том числе самые крупные, в том числе саму Москву, очень большой по площади город, где спальные кварталы перемежаются с маленькими участками земли для ведения подсобного хозяйства.

Итак, именно эти трудовые слои, если завершится избирательный процесс, будут решать судьбу России. Было бы небезынтересно попытаться понять, в чем их ожидания; попытаться лучше узнать культурную модель, которая, помимо естественного разнообразия, является общей для них всех. Иначе говоря, речь идет о развитии антропологического понимания городского населения России.

Само собой разумеется, это понимание находилось на абсолютно зародышевом уровне: при советском режиме не только не представлялось возможным развивать ее, но даже сама эта концепция являлась ошибкой. Этнографические исследования концентрировались либо на многочисленных нерусских народностях, населявших Россию (установлено существование не менее 118 языков), либо на народностях Кавказа - настоящей мозаике - либо среднеазиатских республик. Что же касается русского народа (вернее, "советского народа"), то от его имени говорила Партия. Партийная элита всегда претендовала на знание образа мышления народа. Зиновьев в своей

работе "Homo Sovieticus" (4) со свойственным ему блеском сделал достоянием общественности то, что говорилось в частных беседах. Содержание этих бесед сегодня уже расценивается как банальность. После семидесяти лет советской власти культурная модель русских народных масс могла бы быть охарактеризована как менталитет людей, настроенных на ожидание помощи от государства-благодетеля, с проявлениями шовинизма и спонтанного расизма, безусловно поддерживающих армию, испытывающих страх перед риском, лишенных духа предприимчивости, имеющих естественную склонность пользоваться общественным достоянием, робко преклоняющихся перед любым авторитетом, откуда бы он не исходил; короче, - "негативный синтез" азиатской и европейской культурных моделей. А русские интеллигенты, воспитанные на западных принципах - это те, кто с особой силой изобличают постоянство "азиатских" черт в народном образе мышления.

Цели этот образ верен, а он верен, конечно, лишь частично, то в какой мере? Вывод, который напрашивается сам собой, состоит в том, что русский народ далек от плюралистической демократии, не созрел для гражданских свобод и для разделения властей и, само собой разумеется, для рыночной экономики. В этой перспективе стремление американцев немедленно и повсеместно внедрить в России рыночные отношения, не заботясь ни на единый миг о специфических культурных характеристиках россиян, представляется, в худшем случае, как извращение, а в лучшем как форсирование событий. Американцев никоим образом не интересует ни культурное сопротивление всем их проектам, ни политическая реакция, которую это сопротивление могло бы вызвать. Между тем, Поляный уже достаточно ясно объяснил в своем "Великом преобразовании" (1) связь между безработицей и гиперинфляцией в Германии в начале 30-х годов и приходом к власти Гитлера, представляемого (Поляным) в качестве реакции "общества" на насильственное и слишком резкое введение рыночной экономики и на те разрушительные катастрофические последствия, которые сопровождали это введение.

Очень серьезное противоречие возникает даже при первом обращении российского общества к западному опыту: нельзя одновременно форсировать введение новой экономической модели (в данном случае - капитализма) и надеяться, что массы граждан проголосуют за него. Нужно пожертвовать либо "рыночной экономикой", либо "демократизацией" как составляющими этого проекта. Тем не менее, для западных политиков демократизация российской политической жизни является главной составляющей: не то, чтобы они ставили этот вопрос в принципе (они охотно поддерживали и поддерживают до настоящего времени деспотические режимы во всем мире, которые к ним расположены), но из-за ядерной мощи России: демократические режимы довольно умерены, когда им нужно рисковать, ядерная угроза ограничена. Того же нельзя сказать о диктатурах.

Что же касается руководителей России, то они видят происходящее совсем по-иному. По их мнению, самое важное заключается в том, чтобы ввести хорошую дозу рыночной экономики не из принципа, а для того, чтобы укрепить экономическую мощь страны. Если же возникнет противоречие между этим проектом и демократизацией, то в этом случае, разумеется, перед демократизацией возникнет перспектива "отставания". Именно отсюда проистекает рост интереса среди политического руководства России, поддерживающего переход к рыночной экономике, к экспериментам чилийского образца (Пиночет) или к китайскому варианту, которые смогли сочетать экономическую либерализацию и политическую авторитарность.

Таким образом, эта идея полностью основывается на понимании культурной модели "русского народа" как в какой-то степени проазиатской модели, связанной с четырьмя веками татаро-монгольского ига, тремя веками царского самодержавия и семьдесятю годами советского строя. Точнее выражаясь, она основывается на гипотезе о том, что русские народные массы настолько глубоко впитали советскую идеологию, что она стала их собственной культурной моделью. В дореволюционной истории или в трудах крупных русских писателей можно поискать, чем подпитать эту гипотезу, убрав одним махом все аспекты исторического опыта, которые поставят ее под вопрос: например, весьма стремительное развитие торгового

и даже промышленного капитализма в России в начале двадцатого века, активное участие миллионов россиян в революции 1917 года (которая не может быть сведена к одному лишь большевистскому путчу), Либо расцвет малых предприятий с началом перестройки.

Тем не менее, результаты опросов общественного мнения, которых было проведено немало за последние несколько лет, показывают, что пессимистическая гипотеза не в полной мере точна. Так, в опросе, проведенном в 1990 году в Ленинграде Всероссийским центром исследований общественного мнения (ВЦИОМ) по вопросу об отношении к государству (5), не менее 32% жителей бывшего СССР предложили среди пяти предложенных ответов пятый: "Мы должны быть свободными людьми, и нам следует обязать государство служить нашим интересам". Выбор из четырех прочих ответов, напротив, свидетельствует о "патерналистском" образе мышления:

"Наше государство нам уже все дало"-----.....4%;

"Мы должны помогать нашему государству,
в том числе жертвовать ради него" ----- ..33%;

"У государства можно требовать большего"11%;

"Государство дает нам так мало, что мы
ему ничего не должны".....8%.

Вместе с тем, относительно степени огосударствления российского образа мышления существует сомнение и это сомнение может быть рассеяно лишь эмпирическими опросами. Опросы весьма ценны, но они имеют свои границы: они выявляют частоту определенных ценностей, отношений, направлений, но они не могут дать оценку их глубины. Отсюда исходит "американское" заключение: изменим быстро институты, а образ мышления к ним адаптируется. Остается вопрос о степени укорененности "патерналистских" ценностей (Левада) в сознании людей. Подход антропологического типа может, как представляется, внести в этот вопрос дополнительные элементы.

2. МОНОГРАФИЧЕСКИЙ ОПРОС

В настоящее время в России одиннадцать русских социологов воссоздают историю семей путем проведения интервью с представителями нескольких поколений, находящихся в одной родственной связи, руководитель исследования Д.Берто. Исследуемые семьи выбраны в рамках одного представительного слоя российского населения. Из-за отсутствия достаточных возможностей до настоящего времени пришлось ограничиться при проведении опросов двумя городами: Москвой и Курганом - средней величины городом, расположенным на юге Урала. Из 52 подготовленных монографий (историй семей) приблизительно две трети посвящены обычным (не элитным) московским семьям. Беседа были ориентированы на восстановление истории жизни людей, находящихся в родственной связи.

Акцент делался на событиях и фактах, стратегиях жизни и передаче последующим поколениям полезных ресурсов (моральных принципов и ценностей, культурных ресурсов, профессиональной ориентации), позволяющих уяснить суть системы ценностей и представлений различных поколений, способ их передачи или преобразования (в постоянстве или в разрыве связи), а также конкретные контексты (расцениваемые в качестве мест "социализации"), в рамках которых эти ценности и представления стали внутренним содержанием. В результате сложилось убеждение, что советская культурная модель, которая укоренилась в умах в сталинский период, все более ослабевала по мере роста проявлений неэффективности системы и коррупции ее лидеров. Иначе говоря, при появлении первых результатов исследования гипотеза, в соответствии с которой культурная модель московских трудящихся классов ограничивалась вбиранием в себя советской модели, не выдержала критики.

В то же самое время мы можем констатировать поистине глубокую привязанность различных поколений - и не только самых старших - к форме социальной организации, которая обеспечивала каждому прожиточный минимум: занятость, заработную плату, практически бесплатное жилье, бесплатные школы и медицинские услуги; короче, всю основу повседневной

жизни. Поэтому вполне справедливо утверждение Ю. Левады, высказанное им в декабре 1991 г., что "советское общество мертво" или находится под смертельной угрозой, стремясь реализовать проекты, предлагаемые Западом. Это общество административного распределения и хронической нехватки всего, но без инфляции, где жизнь была предсказуема. Сегодня уже существует (наконец) изобилие товаров (хотя такого изобилия еще не наблюдается в сфере услуг), но они продаются по недостижимым ценам; рубль потерял 90% своей покупательной способности в течение одного года, полностью разорив вкладчиков; безработица и, что важно, негарантированность занятости становится повсеместной; институты оказания помощи разрушаются.

Кругом царит хаос, и уже ничто невозможно предугадать. Советское общество находится в состоянии исчезновения, как кот Алисы, скоро от него ничего не останется, кроме его улыбки. Память об этом обществе рождает у наших собеседников сильное ностальгическое чувство; отсутствие его заставляет их страдать, как заставляет страдать человека ампутированный орган.

СЕМЬЯ ЗАМОШКИНЫХ

Эта семья представляется достаточно показательной в связи с тем, что, будучи семьей москвичей на протяжении двух поколений, она своими корнями уходит в крестьянское прошлое, как и значительное большинство простых городских семей. То, что пришлось пройти и пережить членам этой семьи, напоминает пройденное и пережитое миллионами других людей за период с 30-х годов; ее социально-исторический опыт имеет, таким образом, значение, которое намного превосходит значение частного случая, тем более, что в условиях общества, управляемого по общим законам (как это было с советским обществом), исторический опыт определенной социальной среды более однороден, нежели в рыночном обществе с открытой социальной конкуренцией.

Мы надеемся, что рассказывая о ценностях и представлениях, которые общи для целого поколения, можно продвинуться вперед в понимании объективных основ систем ценностей и отношении, которые раскрываются через опросы; можно оценить степень укорененности сознания, внутреннюю связь и, в конце концов, потенциал субъективных преобразований, либо, напротив, сопротивляемость субъективного начала преобразовательным усилиям различных институтов.

* * *

Иван Замошкин и его супруга Александра родились в Сибири в крестьянских семьях, которые бежали туда, спасаясь от крепостничества. Они поженились в 1911 году и у них родился уже четвертый ребенок, когда в Санкт-Петербурге прокатились волны революций: февральская, а затем - октябрьская 1917 года. "Землю крестьянам",- сказала новая власть. Иван и Александра решили продать свой старый дом, уехать из Сибири и вернуться в ту деревню, где родились родители Александры - в Осново Тамбовской области. Как только затихла гражданская война, им удалось осуществить свой план. Они купили в Осново дом, Иван стал заниматься земледелием, а Александра ухаживать за скотиной. У них родилось еще четверо детей.

С 1929 года, когда Сталин декретом объявил о коллективизации земель, дела стали идти плохо. Недовольный порядками, Иван все же им подчиняется и вступает в колхоз, рассчитывая в нем преуспеть. Напрасные труды: весьма скоро становится ясно, что реальной целью коллективизации было максимальное изъятие продуктов у крестьян, чтобы накормить город. Вскоре в деревнях начинается голод. Что касается обязательного труда на колхозных землях, то он не оплачивается деньгами, крестьянам проставляют трудовни, не имеющие практически никакой реальной стоимости.

Услышав, что в Москве можно найти пропитание, туда отправился брат Александры. Он работает на Казанском вокзале, на том самом, куда тысячами прибывают крестьяне из бассейна Волги. Он пишет, что, возможно, ему удастся найти работу и жилье для своих племянников. Поскольку Иван

и Александра отныне пригвождены к своей деревне новым Указом Сталина, лишившим крестьян права покидать "свои" колхозы (1932 г.), они принимают решение направить в Москву трех старших детей. 23-летний Егор, который к тому времени уже был женат на девушке из той же деревни, назначается ответственным за все это предприятие. С ним отправляются Николай - 22 лет - "семейный интеллигент" (он окончил семь классов сельской школы) и Маша - 20 лет, которая владеет шитьем. Итак, Егор приезжает на Казанский вокзал с братом и сестрой зимним утром 1935 года. Благодаря дяде, брат получает рабочее место на складе этого огромного железнодорожного комплекса, а сестра на швейной фабрике. Спустя некоторое время им удается получить койки в общежитиях при фабрике и при вокзале. Что касается самого Егора, то ему нужна комната, куда он мог бы привести свою жену. Он случайно узнает, что на окраине города, в районе Медведкова начинается строительство крупной промышленной зоны и что на этих больших площадях строятся бараки для рабочих. Егор отправляется туда и находит бараки (длинные бревенчатые дома, в каждом из которых может жить около десятка семей). Тут как раз ищут человека, который мог бы следить за одним из таких барачков. Егор сообщает, что он женат, производит хорошее впечатление (быть может, прораб был из той же области); короче, ему предлагают место коменданта и, что самое важное, место в бараке. Вскоре к нему приезжает жена. У них рождаются двое сыновей - в 1936 г. - Анатолий и в 1938 г. - Виктор.

Егора не стало в 1977 году. Но его сын Виктор описал нам обстановку барачков Медведкова, в которых он вырос:

"Все, кто жили в этом месте (а его называли "Полевым городком", так как бараки стояли в открытом поле), приехали из деревень. Будучи привычными к сельской жизни, люди чувствовали себя в Полевом городке совершенно естественно, так как он напоминал обычную русскую деревню. Он состоял из нескольких бревенчатых одноэтажных длинных барачков, вокруг которых были разбиты огороды. Все очень быстро перезнакомились. Готовили на керосиновых плитках; в туалет ходили на

улицу. По центру барака проходил коридор и от него шли двери в комнаты. У каждой семьи была своя дверь и свои окна. Внутри семья устраивала жизнь, как того хотела. Иногда в бараке делали отдельный вход и в центре коридора ставили перегородку. Но это было скорее нечто ... символическое. Все друг друга знали и знали все друг о друге. Двери, разумеется, никогда не запирались на замок, и никто даже не думал о том, чтобы взять с чужого огорода морковку или редиску, даже, если не было забора.

Мы, дети, бегали везде. Наши матери работали весь день, однако им не нужно было о нас беспокоиться. Они знали, что опасности никакой нет. Как в деревне, здесь всегда кто-то из взрослых присматривал за всеми.

Конечно, как только сходил снег, люди все вечера проводили на своих огородах. Возделывая участки, они могли общаться между собой. Были и такие, которые строили себе сараи, чтобы содержать там поросенка, одну-двух овец, кур. Даже до конца 60-х годов там у нас держали корову, об этом еще в "Крокодиле" писали. Люди выращивали овощи и продавали их на московских рынках; это давало неплохой дополнительный доход. Мой дядя, Иван, младший брат отца, заметил что в земле, недалеко от его сарая проходила теплотрасса. Он был большой хитрец и посеял овощи перед самым наступлением зимы. Ему говорили: "Ты с ума сошел". Но овощи начали расти. В середине зимы он собрал урожай лука, салата, петрушки, укропа и сколотил на этом приличную сумму.

А вообще-то у людей денег совсем не было. И в послевоенные годы и даже в 50-е жилось очень трудно. Однако атмосфера была душевной. Посреди Полевого городка стояла большая каменная печь. В выходные дни там готовили целыми котлами и раздавали всем желающим, каждый приходил со своей тарелкой. Кто-то играл на гармошке, люди пели и плясали".

Детские воспоминания Виктора могут быть точно соотнесены со временем. Виктор родился в 1938 году в бараке, где старшим был его отец - Егор. Ему было семь лет, когда закончилась Великая Отечественная война. Таким образом, его описания касаются 40-х и 50-х годов, тех самых, когда легитимность "советской" культурной модели, как она была определена Сталиным, находилась в своей высшей точке (до 1956г.).

Мы сейчас введем в рассказ новые действующие лица. Перейдем постепенно от условий их жизни к условиям труда, затем - к их взглядам и ценностям, к их культурной модели, по-настоящему проникшей в душу. Именно эту модель предстоит высветить изнутри, чтобы понять, каким образом и насколько она смогла остаться привлекательной для умов до настоящего времени.

Немного спустя после того, как Егор получил пост коменданта барака, он вызвал в Москву - вернее, в Полевой городок, в свой барак - трех других братьев (в том числе - Ивана, который так скоро научился выращивать овощи зимой). Все трое получили рабочие места на заводах в Медведкове. И только лишь две младшие сестры остались в колхозе, продолжая жить со своими уже престарелыми родителями. Они останутся крестьянками на всю жизнь, живя в очень плохих условиях. Им потребуется много времени, чтобы хоть как-то их улучшить. В течение этого времени (мы с вами находимся в конце 30-х годов) десятки тысяч крестьян приезжают в Москву, несмотря на существование закона о разрешении на проживание (прописки). Заводы и стройки советской столицы остро нуждаются в рабочей силе. Так, Кабаковы приезжают в Москву из какой-то деревни Орловской области и обосновываются в Полевом городке, Черновы приезжают в Москву из Смоленской области. Позже их дети и внуки породнятся с потомками Замошкиных.

ЧЕРНОВЫ

Черновы, Тихон и Татьяна, поженились в 1918 году в селе Филиппово Смоленской области. Это была семья середняков. У них родилось только трое детей. Старшая дочь Мария (1919 г.р.) является одним из наших основных свидетелей (ее дочь Римма позже выйдет замуж за Виктора Замошкина), Константин 1926 г.р. и Валя 1930 г.р.

Вступив в колхоз, они начинают отработывать трудодни, не получая в замен никаких денег. Им даже не на что купить обувь для детей. Тогда Тихон решает (1934 г.) отправиться в Москву. Ему удается устроиться на металлургический завод и поселиться в общежитии для рабочих-холостяков. Он старается экономить, чтобы отправлять деньги в деревню семье, однако его зарплата для этого слишком мала.

Еще до того, как его старшая дочь Мария закончит семь классов школы, ее мать - Татьяна - отправит дочь в Москву к отцу, чтобы там найти ей работу. Мы с вами в 1935 году, Марии только 16 лет. В Москве ее принимают на ускоренные курсы по подготовке продавцов (для чего не требуется полное среднее образование). Временно она проживает со своим отцом в мужском общежитии и вскоре обнаруживает, что у него появилась любовница. В своем письме матери она рассказывает о сложившемся положении, добавив, что собирается вернуться в деревню. Однако Татьяна принимает другое решение: получив письмо от дочери, она собирает вещи, забирает с собою двух младших детей (9-летнего Николая и 6-летнюю Валу) и без предупреждения заявляется в Москву к своему мужу. Положение критическое: не может быть и речи о том, чтобы Татьяна с детьми жила в общежитии для одиноких рабочих. Тихону приходится расстаться с любовницей и искать жилье для своей семьи. Он с трудом находит очень дорогую комнату через своих знакомых. Татьяна в отчаянии - таких денег у них нет, ей даже не на что купить обратный билет. В конце концов она решает, что единственным выходом из создавшегося положения станет продажа их дома в селе Филиппове. На вырученные деньги ей

удается снять комнату в Медведкове. Вся семья теснится в этой комнате (впрочем, в то время это было в порядке вещей).

Двое младших детей начинают ходить в школу в Москве. После войны юноша будет призван в армию, а потом поступит на работу в милицию (благодаря чему он довольно быстро получит комнату в коммунальной квартире). Валя, которая закончит учебу в средней школе, станет лаборанткой в НИИ, ведущем секретные исследования для нужд армии. Что касается старшей дочери, Марии, то в двадцать один год она полюбит своего одноклассника, Иосифа, металлурга, тоже крестьянского происхождения, который жил в Полевом городке. Они поженятся в 1941 году и начнут жить в том бараке, где жили его родители, братья и сестры. Всем придется потесниться, чтобы дать угол молодоженам.

Иосиф родился в 1922 г. Он младший в семье, где было семеро детей. Его родители, крестьяне Орловской области, приехали в Москву, скорее в Полевой городок, со всеми своими детьми в 30-е годы. Ему исполнится 19 лет в 1941 году, в том самом, когда начнется немецкое нашествие. Он поступит под Москвой в военную школу, получит чин младшего офицера и разрешение навещать свою молодую жену. Во время одного из таких свиданий произойдет зачатие их первого ребенка. Дочка Римма родится в 1943 году. Затем Иосиф уйдет на фронт.

Отец Марии - Тихон, несмотря на свой возраст, в конце концов тоже будет мобилизован. Его жена Татьяна окажется без средств к существованию (она не работала), и ей придется переехать к своей старшей дочери Марии в барак, где жила семья Иосифа. У Марии родится Римма - она лишь на две недели оставит работу. Затем Мария передоверит своего грудного ребенка матери и снова вернется на работу. Она работает в крупном продовольственном магазине, что дает ей возможность иметь более легкий доступ к основным продуктам питания (хлебу, маргарину), благодаря чему в ее доме всегда будет еда.

В течение военных лет рабочие обязаны были соблюдать весьма суровую дисциплину: все собранные нами свидетельства говорят об одном и

том же. Пять минут опоздания на работу грозили потерей дневного заработка. Неоправданное отсутствие на работе - судебным разбирательством. Такая дисциплина ставила, в частности, перед молодыми женщинами и матерями семейств почти неразрешимые проблемы: беременность, заболевание ребенка (ясли были переполнены), осложнение после аборта (подпольная распространенная практика) - все это не принималось в расчет. Именно поэтому Татьяна, мать Марии, постоянно всем была нужна в бараке: не только ее внучка Римма, но и другие дети находились под ее присмотром. Скоро уход за детьми стал почти профессиональным ее занятием, за которое семьи платили ей продуктами, одеждой, а иногда и деньгами. Эта неграмотная, но спокойная, добрая и достойная доверия крестьянка становится чем-то наподобие матери для всей общины.

Наконец война заканчивается. Тихон домой не возвращается. Он исчез в вихре войны. Несмотря на неоднократные запросы, которые посылала после войны дочь Валя, семья так и не узнала, что же с ним стало. Иосиф, муж Марии, тяжело ранен в колено; он так и останется хромым на всю жизнь. Он вернулся с фронта с медалью "Красная Звезда", но о годах, проведенных им на фронте, говорить отказывался - это было слишком тяжело.

Через девять месяцев после возвращения мужей в Полевой городок в бараках как грибы начали появляться дети. Среди них - Наталья, вторая дочь Иосифа и Марии. Третий ребенок родится через десять лет, в 1955 году, мальчик, Юрий, обожаемый ребенок матери (с ним мы встретимся позже). Валя (лаборантка) выходит замуж в 1948 году за преподавателя школы, человека на десять лет старше нее. Его звали Евгений. Он был на войне, попал в плен к немцам и выжил (этим он не гордится). Он - страстный любитель истории и педагогики, великолепный преподаватель. Тем не менее, в связи с тем, что он находился в плену, официальные власти высказывают ему недоверие в деле воспитания советских детей. В самом деле, Сталин требовал от своих солдат никогда не сдаваться в плен; попав в плен живым, Евгений, таким образом, впервые предал свою родину. Выжив в ужасных условиях плена, он ее предал вторично. Получив запрет на преподавание,

Евгений устраивается работать мастером по ремонту пишущих машинок и проводит все дни со своими коллегами по работе, которых интересовали не вопросы истории или литературы, но скорее коллективные выпивки. У него родится только одна дочь Наташа (1950), которая позже получит высшее экономическое образование.

Что касается брата Марии, Константина, работника милиции, то в 1951 году он женится на девушке, тоже приехавшей из сельской местности; она станет разнорабочей. В этой семье появится двое детей: Сергей, который родится в 1954 году, он получит юридическое образование (здесь следует отметить связь между профессией отца и образовательной ориентацией сына); и Таня, 1956 г.р., которая, как и ее мать, очень быстро оставит учебу и поступит на скромную работу нянечки детского сада.

Прежде, чем проследить жизненный путь следующих поколений, остановимся на некоторое время на поколении, к которому принадлежат Мария и Иосиф, Валя и Евгений, Константин и его жена. Все они имеют крестьянское происхождение (за исключением Евгения), они родились в период между 1917 и 1928 годами. Они приехали в Москву со своими родителями в 30-е годы, покинув колхоз (это случай пяти братьев и сестер Егора, тоже уехавших в Москву, где к тому времени уже жил их дядя: они родились в период между 1912 и 1921 годами; такая же судьба и у семи братьев и сестер Иосифа). Почти все они провели свое отрочество и создали семьи в Полевом городке в обстановке совместной общинной жизни. И там же в 40-50-х годах в этих перенаселенных бараках воспитывались все их дети.

Мы уже кратко описали общинный характер Полевого городка, а также сложность условий труда. Есть еще одно, последнее обстоятельство, которое необходимо отметить: стабильность работы. Это обстоятельство с особой силой подчеркивается Марией. Прежде всего потому, что она сама всегда работала простой продавщицей одной сети продовольственных магазинов. За 58 лет непрерывного труда (!) она лишь три раза переходила в разные торги, но ни разу не была повышена в должности. В тот момент, когда мы с ней беседовали, ей исполнилось 75 лет. Мария рассказывала о

своей жизни без малейших признаков эмоции. Эта жизнь предстала перед ней как долгий серый период, монотонный, без каких бы то ни было неординарных событий. Жалеть и вспоминать было не о чем. Тяжесть повседневной жизни приучила ее рассматривать свое тело как машину, приспособленную для удовлетворения потребностей семьи. Сейчас эта машина сломана (одна нога парализована), поэтому огорчает только то, что нельзя оставаться на полном ходу.

Лояльность по отношению к своей бесперспективной работе Мария никак не могла прокомментировать. Большинство людей в ее окружении тоже работали на одном и том же месте, каким бы оно ни было неинтересным. Бегать с места на место в поисках более легкого заработка было не принято. Работали там, где оказались по воле судьбы, и все трудности переносили молча. Мария этим даже гордилась. Она сообщила, что и ее брат Константин после армейской службы вплоть до выхода на пенсию оставался простым работником милиции и ее сестра Валентина всю свою жизнь проработала лаборанткой в НИИ, и муж Иосиф оставался рабочим на одном заводе вплоть до своей смерти в 1968 году, когда он попал под машину (о нем она не сможет или не захочет говорить больше - ей самой тогда было 49 лет - приходилось много перерабатывать - с 8 часов утра до 8 вечера по шесть дней в неделю).

Такая же стабильность в работе обнаружилась и у следующего поколения: старшая дочь Римма работает воспитательницей детского сада уже в течение 27 лет; ее дочь Наталья работает кладовщицей в течение 29 лет, ее муж работает токарем на одном заводе вот уже 31 год; Виктор, муж Риммы, вот уже в течение 37 лет - водитель автобуса (она считает годы); вот и их сын Юрий - водитель грузовика на одном комбинате 20 лет.

Мария говорит констатирующим тоном, подчеркивая важность стабильности работы. Кажется, что ее тон означает: мы не пытались подняться выше, мы не пытались перекладывать тяжесть нашего труда на чужие плечи, мы смело принимали те ужасные условия, в которых оказались. Мы всегда старались работать как можно лучше там, куда нас поставили.

- Мария Тихоновна, Вы были продавщицей всю жизнь. Почему же Вы не воспользовались вашим положением? В застойный период все продавцы обогатились, это всем известно. Почему Вы не поступали так же?

- Я не могла воровать. Верно, что в магазине все делали свои "дела". Но я этим не занималась, не занимались этим и еще несколько старых работников. Именно поэтому меня и не жаловали. Администрация и те, кто с ними за одно были, держали нас в стороне. А директор как-то даже предупредил: "Будешь болтать, уволю". Поэтому я всегда молчала.

МОСКВИЧИ В ПЕРВОМ ПОКОЛЕНИИ

Перейдем теперь к судьбе двух поколений, которые шли за Марией: следует обратить внимание на то, что эти поколения жили в период хрущевской оттепели и брежневского похолодания международного климата ("застой"), то есть до того, как они оказались вовлеченными в бурные события перестройки и развала СССР.

Сначала - о двух сыновьях Егора, коменданта одного из бараков в Полевом городке. Его старший сын Анатолий родился в 1936 году. Больше всего он любил свободу действий - он делал то, что хотел. Именно поэтому он предпочел компанию товарищей, которые жили вне пределов Полевого городка. Таким образом, он мог оценить достоинства, которые приносила "анонимность" жителю колоссальной столицы. Однако его приобщение к городской жизни не принесло ему удачи. По рассказам Виктора, он начал встречаться с молодыми людьми, которые болтались по улицам города и пили дешевый портвейн. Он забросил школу, а после службы в армии стал законченным алкоголиком. Работая чернорабочим, он переходил с места на место. Ни одна женщина не захотела выйти за него замуж. В 1971 г. Анатолий умер в возрасте 35 лет.

Виктор, младший брат, был человеком совсем иного плана (тот самый, который так удачно описал быт Полевого городка). Он родился в 1938 году,

после школы устроился на курсы шоферов и стал водителем московского городского автобусного парка.

В 1963 г. Виктору исполняется 25 лет. Он встречается с Риммой, старшей дочерью Марии, и женится на ней. (Именно здесь начинают переплетаться нити наших параллельных историй). Учитывая острый недостаток жилья, Римма переезжает жить к Виктору в барак. Там же рождаются две их дочери; в 1964 г. Марина и в 1967 г. Таня.

На этом эпоха Полевого городка заканчивается. На смену Сталину приходит Хрущев, и в 1956 г. (по его личной инициативе) преступления предшественника подвергаются публичному суду. Постепенно на смену холодной войне приходит оттепель, начинается период мирного сосуществования и соревнования за лучший уровень жизни. Хрущев отправляется в США и приходит в восторг от квартир, в которых живут его друзья - американские коммунисты. "Нужно снести все бараки, - дает он указание, вернувшись из поездки, - и начать широкую программу строительства современных домов (пятиэтажных "хрущевок"). Наша задача - своя квартира для каждой семьи".

Полевой городок, как и другие барачные кварталы, будет снесен в конце 60-х годов. Семьи будут переселены в блочные каркасы на окраины Москвы. Но скученность останется правилом: три поколения окажутся вместе в весьма маленькой квартирке (максимальная норма - 10 кв.м на человека, минимальная - ниже которой семья может претендовать на получение большей квартиры - 5 кв.м на человека). Но в основном люди живут в коммунальных квартирах: у нескольких семей одна общая кухня, общий туалет, один телефон (если он вообще имеется). Крестьяне, которым с трудом удалось воспроизвести некое подобие сельской жизни на окраинах Москвы, снова разлетятся кто куда. И тут они начнут понимать свою отчужденность от большого города. Они почувствуют себя лишними и именно такими их будут воспринимать коренные москвичи. Общинный дух прошлой жизни уходит навсегда. Но этот дух еще сохраняется на рабочем месте. Об этом свидетельствуют Виктор и Римма.

Римма родилась в 1943 г. в бараке Полевого городка. Очень общительная и быстро сходящаяся с другими девочка, преисполненная общинных ценностей (она была воспитана бабушкой Татьяной - крестьянкой), она верит в социализм и страстно хочет ему служить. В 1960 г., когда она заканчивает учебу в средней школе, ВЛКСМ начинает широкую кампанию по восстановлению колхозов. Четверо ее подруг собираются отправиться вместе с ней. Однако их родители противятся этому решению и угрожают перестать помогать им материально. Тогда Римма по комсомольскому призыву устраивается работать упаковщицей на склад продовольственного магазина в Медведкове. Но из-за тяжелой травмы руки скоро оказывается в медведковской больнице.

Поправившись, Римма снова начинает работу на складе. Члены местного партбюро примечают ее активность и веру в социализм, они дают ей различные ответственные поручения, а в 1966 г. ей предлагают вступить в партию. Римма этим гордится. Как член КПСС она легко поступает в Институт народного хозяйства им. Г.В.Плеханова. Но тут она влюбляется в молодого шофера автобуса, который каждый вечер водит рейсовый автобус через Полевой городок. Это уже известный нам Виктор. Они женятся, она ждет ребенка, а Виктор, которой зарабатывает довольно прилично, заявляет Римме, что ей следует оставить учебу и заняться ребенком. Римма соглашается оставить институт и начинает работать воспитателем в детском саду. Эта работа станет ее профессией, которой она посвящает себя и поныне. Замужество положит также конец и ее партийной деятельности. В самом деле, все воспитательницы детских садов - женщины и, как говорит Римма, политика их вовсе не интересует. С другой стороны, обстановка на работе очень засасывает. Римма, которой сейчас 50 лет, с грустью вспоминает о своих первых годах работы воспитателем: "Все мы знали друг друга, по воскресеньям встречались у меня - пятнадцать человек в двухкомнатной квартире. Говорили обо всем, делились всем - радостями и бедами". Быть может, даже не отдавая себе в том отчета, Римме удалось воссоздать вокруг себя атмосферу общины, к которой она так привыкла с детства, проведенного в Полевом городке. Римма испытывает грусть не

только по своей молодости. Она гораздо тяжелее переносит разрушение прежних социальных связей, или потерю той культурной модели, которая помогала ей жить в обществе при помощи ценностей, разделяемых если не всеми, то по крайней мере большинством.

Ее муж Виктор говорит о том же, но гораздо лаконичнее: *"Я в нашем автобусном парке почти 30 лет работаю. Как только началась эта перестройка, нет никакого настроения туда идти. Сегодня никто никому не нужен и ничего не нужно"*. Виктор, как и прежде, водит свой автобус. Но машина совершенно изношена. Все запчасти разворованы. Прежний порядок вещей нарушен, а на смену ему не пришло ничего.

Наталья, сестра Риммы, вышла замуж за токаря и осталась работать на том же заводе в качестве подсобницы. Ее брат Юрий стал водителем грузовика. Но именно с ним были связаны все надежды Марии, их матери.

"Когда мой Юра родился, мне было уже 36 лет. Он сильно отличался от своих сестер: был очень шумный, подвижный, упрямый, но привязчивый. Он делал то, что хотел, поэтому с трудом закончил школу в обязательном ее объеме, но у него обнаружились способности к математике. Я нашла для него очень хороший техникум, где готовили специалистов по радиоаппаратуре. Я так надеялась, что он выдержит экзамены. И он прошел на вступительных экзаменах. В течение целого месяца Юра уходил рано утром, как если бы шел на занятия в техникум. Домой он возвращался вечером. А однажды пришел домой в середине дня. Быть может, ему стало стыдно. Я спросила у него тогда: "Почему так рано сегодня, Юра?" А он мне отвечает: "Мама, вот уже две недели как я не хожу в техникум. Я не могу больше учиться". Меня это так потрясло, что я слова не могла вымолвить. Так я и стояла посреди комнаты, как столб, не в состоянии двинуться или сказать что-нибудь..."

Юрий был призван на военную службу, там он научился водить машину и, вернувшись из армии, стал водителем грузовика. Он женился, у него родилась дочка. Но Юрий начал пить, и жена с ребенком от него ушла. Это

случилось десять лет назад. Юрий так и живет сейчас со своей матерью. Все свободное время он проводит, слушая записи рок-музыки, и все чаще пьет.

Итак, это поколение Виктора и его брата Анатолия, поколение Риммы, Натальи и Юрия. Все родились в бараках - в деревнях, расположенных на окраинах города, среди формирующегося рабочего класса. Они все так и остались рабочими. Римма могла бы продолжить карьеру, и перейти в категорию служащих, однако, это поставило бы под угрозу ее семейную жизнь. Двоюродная сестра Риммы, Наташа, единственная дочь Вали (лаборантки) стала экономистом. Она - исключение. Другой двоюродный брат, Сергей, сын работника милиции, стал юристом. Однако сегодня он переквалифицировался в рабочего: так он больше зарабатывает на жизнь.

В этом поколении, представители которого уже все достигли почти пятидесятилетнего возраста, не считается зазорным оставаться рабочим. Квалифицированные рабочие до сих пор имеют немалые привилегии: более высокую заработную плату и нематериальные привилегии тоже. У них также есть почти абсолютная уверенность в том, что они не останутся без работы. Разумеется, квартирки рабочих были тесными, питание скудным, но все жили, находясь в одинаковом положении. Постепенно условия жизни улучшались, она становилась предсказуемой. Все шло к лучшему, по крайней мере с точки зрения повседневного уровня жизни. И имело смысл строить какие-то планы. Однако перестройка Горбачева все это разрушила. Поэтому ностальгия этого взрослого поколения по старым временам основана как на субъективном, так и на объективном ощущении потери смысла жизни. Крах Империи тут вовсе не при чем. Речь идет о другом.

ПОДНИМАЮЩЕЕСЯ ПОКОЛЕНИЕ

Если Виктор и Римма, работающие в общественном обслуживании, весьма ясно увидели в изменении трудовых отношений конец общины (Gemeinschaft), то что можно сказать об их двух дочерях: Марине и Татьяне, которым сегодня 29 и 26 лет и которые столкнулись с новыми

производственными отношениями? Как им удастся приспособиться, им, которые принадлежат к поднимающемуся поколению?

В 1982 году в конце своей учебы в средней школе Марина нашла работу на Центральном (государственном) рынке Москвы, в комиссионной лавке, где торгуют поношенными вещами. Скоро она заметила, что с этими вещами все продавцы совершают различные торговые махинации. Это был период конца эпохи Брежнева, характеризовавшийся повсеместно незаконным делячеством. Коллеги по работе вскоре посвятили Марину в тайны ремесла, однако она не смогла переступить через себя. Такие качества, как честность и щепетильность, привитые ей бабушкой Марией и ее матерью Риммой, держали ее накрепко. От Марины отвернулись, и ей пришлось оставить свою работу, которая, кстати, сегодня весьма престижна. Чтобы занять это рабочее место, сейчас нужно выложить несколько сотен тысяч рублей, ведь оно приносит большой доход.

Вообще, цель Марины - иметь свою квартиру, обзавестись семьей, короче, жить нормально, быть хозяйкой в своем доме: этой точки зрения придерживается ныне большое число молодых женщин. Их желание усиленно поддерживают и "демократы", полагая, что таким образом они сократят число безработных. Итак, вопрос жилья для нее - основной. Марина видела, как страдала ее мать из-за того, что у нее не было своего жилья. Римме исполнилось уже 49 лет, когда она смогла получить свою отдельную квартиру. Римма с сожалением рассказывает:

"Когда Марина вышла замуж, разумеется, она жила с нами. Она привела мужа к нам в двухкомнатную квартиру. Они заняли одну комнату, а наша вторая дочь Таня переселилась в нашу (ей уже было тогда 17 лет). Затем у Марины родился ребенок. Потом и Таня вышла замуж. Ей пришлось уехать жить к свекрови; однако жила она там недолго. Со свекровью у нее произошла ссора, и Таня вернулась к нам со своим мужем. В течение целого года (1987) мы жили тремя семьями с маленьким ребенком в двух комнатах, пока Марина не получила свою квартиру".

Впрочем, это свидетельство не чего-то из ряда вон выходящего. Статистические данные подтверждают, что в городах почти в половине случаев (43,8%) семьям молодоженов приходилось жить с родителями в течение долгих лет (6). При социалистическом строе не существовало ничего, что напоминало бы жилищный рынок: квартиру нельзя было легально ни купить, ни снять. Можно было только записаться в очередь и ждать десять, пятнадцать лет, а порою и больше, пока администрация не выделит семье новую квартиру в обмен на старую. Тем не менее, Марине очень хотелось иметь такую квартиру. Поэтому она пошла работать служащей в бюро обмена жилплощадью, не получая зарплату. Существовало решение, в соответствии с которым каждый служащий, проработавший там бесплатно три года, мог получить квартиру. Именно это ей и нужно было. Марина и не пыталась использовать возможности, связанные с доступом к информации. Она доверчиво ждала. Через два года бюро было расформировано... К счастью, несмотря на это обстоятельство, всем дали квартиры.

Марина к тому времени уже вышла замуж за радиотехника и родила ребенка. После короткого декретного отпуска она устроилась кассиршей в магазин. С тех пор она так и работает кассиром и воспитывает ребенка, не жалуясь на судьбу: ее мать и бабушка по материнской линии научили ее довольствоваться тем, что она имела, ценить "простые радости жизни", которые приносит честный труд.

Ее младшая сестра Таня вынашивала иные планы. Оказавшись случайно в частном предприятии, она захотела делать деньги. Это предприятие занимается продажей квартир: теперь при некоторых условиях квартиры можно покупать и продавать. О размерах зарплаты Тане удалось договориться:

"Я пошла к директору и сказала ему: "Я получаю у вас немного, если Вы мне не прибавите, я уйду". Он спросил: "Сколько?" - Я ему ответила: "10.000 рублей" (На момент интервью в десять раз больше зарплаты матери. – Прим. авт.). "Хорошо,- сказал директор, - ты их получишь".

Однако Таня шокирована тем, что она открыла для себя в отношениях "рынка".

"Наши работники - это молодые люди, которые находятся в постоянном соперничестве друг с другом. Они делают все, чтобы убрать своего коллегу. Вместе с тем, они стремятся всеми силами получить от предприятия личную выгоду. Нам, женщинам, босс не позволяет вмешиваться в их дела. Я хотела бы им помогать продавать квартиры и получать свою часть на перепродаже, однако у меня нет такого права. Наш женский труд - это подготовка досье продаж и ведение бухгалтерских книг.

Должна сказать, что директор хорошо разбирается в деле. Перепродажа квартир дает ему немалые деньги. В июне (1992 г.) мы едва сводили концы с концами. Однако он создал параллельное предприятие по строительству коттеджей, именно этого он хотел с самого начала. А теперь все наши долги висят на предприятии, которое нас создало (крупный информационный центр). В то же самое время весь доход, который поступает от строительства, остается у нас. Это несколько миллионов рублей.

Было бы в порядке вещей разделить их между нами. Почему? Потому, что мы все - члены кооператива и нам платят по нашей прибыли. Когда предприятие не приносило прибыль, мы работали без оплаты и работать приходилось еще больше. Теперь деньги идут, но нет ясных критериев, по которым их можно было бы разделить. Босс нам объясняет, что планирует расширить производство и набрать новых членов кооператива. Для этого ему нужно сохранить часть денег. Что это еще за объяснение? Пусть они приходят, пусть они покажут на что способны, пусть они заработают деньги для предприятия, и пусть тогда им заплатят.

Проблема заключается еще и в том, что директор протезирует своих сыновей. Он всегда говорит, что работаете не для себя, а для них. Старший только что окончил среднюю школу. Отец записал его на специальные (частные) курсы бухгалтерского учета. Это стоит очень дорого. Платит

наше предприятие. Затем он устроит его в финансовый институт. Это будет стоить еще дороже. А сразу за этим - он нам уже сказал - его сын возглавит предприятие. Сын его как-то пришел к нам, чувствует себя как дома, даже пытался разговаривать с нами на "ты" - это совершенно омерзительно. Когда второй его сын достигнет нужного возраста, босс создаст еще одно предприятие для него. В конце-то концов, мы все - для кого мы работаем?"

Несмотря на все свои "современные" качества, Тане трудно свыкнуться с мыслью о том, что предприятие, где она работает, станет частным. Начальная двусмысленность (Горбачев разрешил создание предприятий, но под вывеской "кооперативов") еще не исчерпала всего своего смысла для Тани: как представить себе, что почти весь доход, заработанный деятельностью десятков человек, станет присваиваться одним?

* * *

Во время последнего интервью дома присутствовали и Таня, и ее мать Римма. Дочь тогда спросила у матери: "Мама, ответь откровенно на один вопрос: в принципе, разве это работа, когда тебе так мало платят? - Да, - тотчас ответила мать. - Ответственность-то какая". Ответ матери весьма символичен. Чувство ответственности держало в спайке всю общественную систему в течение полувека.

Однако Таню не может удовлетворить ответ морального содержания, который она, впрочем, не понимает. - "Это ничего общего с моим вопросом не имеет, мама. Сколько ты получаешь?" (Вопрос риторический, потому что она знает ответ: 1.000 рублей в месяц).- "А у меня 10.000 рублей, а завтра я могу получать 16.000. А ты?"

Мать отвечает тоже риторически: "Да что о нас говорить?" Вместо того, чтобы говорить о себе как о личности, Римма использует множественное число местоимения. Она выросла в "золотой век" социализма, когда все личное должно было подчиняться общественному, когда говорили,

что незаменимых людей нет. "Мы" - это предыдущее поколение, это братское "Мы", внутри которого куется индивидуум.

Сегодня это "Мы" стремительно растворяется в преступной атмосфере рыночных отношений. Таня определяет зависимость между количеством и качеством своей профессиональной деятельности и своим доходом, который она абсолютно не воспринимает как заработную плату: она зарабатывает деньги для своего предприятия и забирает свою часть. Разумеется, там есть свое "Мы", но оно конъюнктурно, пропитано конкурентным соперничеством и в малой степени символично, скорее это - бухгалтерский расчет, и все. Это "Мы" оппортунистично: если завтра Таня найдет лучшую работу (она уже думает об этом), она без сожаления покинет это случайное "Мы" и уйдет к другому. В конце концов, рациональный поступок предполагает действующее лицо и цель: в новых условиях действующее лицо индивидуально, а цель - это его счет в банке. Но у Тани, которая очень хорошо усвоила новые правила игры, есть пределы в индивидуалистическом поведении, определенная мораль должна определять поступки. Ей не удастся стать сторонницей принципов современных Раскольниковых: теперь, когда бог-Ленин умер, ей- Богу, все дозволено.

3. АНАЛИЗ

Несмотря на то, что рассмотрение всех этих примеров довольно схематично (жизненная линия, короткий обзор жизненного контекста и ценностей наших "действующих лиц"), оно дает нам некоторые полезные элементы для антропологического понимания городских народных масс. Социальная история семьи Замоскиных не является уникальным случаем, напротив, из социальной линии идущих друг за другом поколений вырисовывается типичная история формирования городского пролетариата в России. Некоторые истории более трагичны. Другие семьи крестьян-рабочих сумели вывести своих детей на более "высокие" траектории. Эта история представляется, скорее, средним примером. Мы не претендуем на то, что она типична или тем более "показательна". Просто мы говорим о том, что

жизненный опыт ее членов и контексты, в которых они находились,- переезд из деревни в город, долгий период жизни в бараках, затем в перенаселенных квартирах, условия работы, стабильность работы - все это пережито и пройдено миллионами других семей.

В той мере, в которой мы приходим к мысли, что жизненные опыты становятся внутренним содержанием, *что* ценности и представления не независимы от контекста и этого опыта, но, напротив, являются их символическим выражением, мы можем согласиться, что эта частная история содержит в себе элементы общей значимости. Но их нужно почерпнуть из бесед, установить между фактами определенную связь. Первые результаты этой работы мы и предлагаем читателю.

Постараемся последовательно и лаконично проанализировать четыре позиции: культурная модель и русское крестьянство; образование "советской модели" в годы правления Сталина; постепенное отмежевание от официальной идеологии; и, наконец, конфликт между культурной моделью российских трудовых слоев и индивидуализмом рынка.

3.1. ОБЩИНА И МОДЕЛЬ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Этот краткий экскурс в историю образа мышления советской "семьи" позволил нам увидеть внутреннюю культурную модель, которая могла бы быть квалифицирована как общинная. Она имеет крестьянские корни. Однако эта модель в течение долгого времени существовала внутри столичного контекста, опираясь (в противоположность тому, что происходило в западноевропейских городах) одновременно на общинный стиль жизни и на "советский" тип трудовых отношений: стабильность работы, отсутствие рынка в западноевропейском смысле этого слова (рынок труда, рынок жилья), дух команды. Тип социальных действий, которые предполагает эта культурная модель, отличается от четырех типов, сформулированных Максом Вебером (7), даже, если она и содержит элементы, заимствованные из этих четырех типов. В самом деле, лишь во вторую очередь эта модель может быть расценена как рациональная по замыслу, рациональная по значимости,

эффективности, традиционности (в значении, которое предлагает Вебер: почти автоматическое действие, происходящее в силу привычки).

Тем не менее, речь идет о типе поведения совершенно связанном. Но то, что имеется в виду в первую очередь, это - интеграция действующего лица в группу. И это личный вклад в интеграцию группы. Такой тип поведения, "сориентированного на эту группу" содержит одну составляющую, которую Хабермас (Habermas) (8) определил термином "коммуникационное действие". Как бы то ни было, то, что он подразумевает, не является коммуникационной рациональностью, а скорее аффективной и символической интеграцией.

Такая культурная общинная модель имеет глубокие исторические корни. В России она была сформирована Православной церковью и феодализмом, опиравшимися на традиции крестьянской общины, более известной на Западе под названием "мир". На большей части территории России общинные земли принадлежали помещику и периодически перераспределялись, приблизительно раз в десять лет, сходом общины между различными главами семей, пропорционально количеству детей или, скорее, ртов. Феодальные помещики опирались на этот обычай, чтобы поднять размер налога: но не на каждого главу семьи в частности, а на всю общину как таковую - именно с нее они требовали налог. И уже община должна была заняться распределением всей суммы налога между семьями и получить от них свое.

Таким образом, общины должны были собираться часто и держать совет до той поры, пока не принималось устраивающее всех решение: таков один из основных корней общинной идеи в России. Однако здесь следует принимать во внимание значительное влияние Православной церкви. Ее концепция мира вращалась вокруг нескольких основополагающих принципов. Прежде всего, Православная церковь есть прямая наследница Христа-мученика - через Византию; а Римская церковь есть обман. Затем, община верующих должна группироваться вокруг своего религиозного наставника и решать все споры внутри себя; патриарх - ее поводырь, и всякое противопоставление идей должно быть исключено, как и всякая богословская

дискуссия и всякий раскол: главное - истинная вера, та, которая идет от сердца. Еретический Запад со всеми своими идеями свободной дискуссии, демократии, модернизации, с его интеллектуализмом вносит семена раскола и смуты, от которых нужно охранять православных. Верить, соблюдать послушание, подчиняться, жить в гармонии с общиной верующих - вот что ожидает от них Православная церковь.

С другой стороны, как это ни странно, можно констатировать, что Коммунистическая партия Советского Союза, скорее, то, что из нее сделал Сталин, в определенной мере осуществила "программу" Православной церкви: изолировала от Запада и защитила от его тлетворного влияния, закрыв границы как географические, так и символические. От человека веры требовали послушания, доверия верховному руководителю, уважения авторитета, отрицания всякого критического подхода, называемого "уклонизмом" (Церковь говорила о ереси), общинного духа. И быть может совсем не напрасно Иосиф Джугашвили, он же Сталин, учился в семинарии. Разумеется, эта общинная модель могла бы раствориться, если бы миграция в направлении городов сопровождалась вступлением в рыночное общество, где индивидуализм имеет прекрасные условия для развития. Однако произошло противоположное: условия жизни в бараках воспроизвели крестьянский образ жизни. Административное распределение рабочих мест убило дух предпринимательства, точно так же, как отсутствие прямой связи между проделанной работой (по количеству и по качеству) и заработной платой. Более того, тоталитарная идеология, развившаяся во времена правления Сталина, усиливала разнообразие общинной модели, переведенной в термины коллективизма (это положение следовало бы подробнее развить). Разумеется, все это происходит не без противоречий. Крестьяне, только что приехавшие в город, которые имели в деревне свой дом, вероятно, не очень высоко оценивали условия, при которых они вынуждены были тесниться в коллективных избах, каковыми являлись бараки. Появившись из другого мира в этом незнакомом для них пространстве, они вынуждены были искать поддержку друг у друга, чтобы чувствовать, что они окружены такими же крестьянами, как и они сами. Покинувшие сельскую местность находят свою

среду. Можно, таким образом, выдвинуть гипотезу о том, что общинная модель русского крестьянства не была уничтожена, а приобрела новую форму благодаря специфике советских городов. Вполне вероятно, что значительная часть сталинской идеологии черпала вдохновение не в текстах Маркса или Ленина (которые - как один, так и другой - презирали крестьянство), но в русском крестьянском опыте...

Какова же связь этой общинной культурной модели, представшей в своем многообразии в семье Замошкиных (а также в большом числе других семей), с советской культурной моделью? Идет ли речь о простом копировании, либо это какая-то модификация?

3.2. ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ СТАЛИНА: СОЗДАНИЕ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ МОДЕЛИ

Уничтожение Сталиным своих противников в период борьбы за власть, сначала путем ведения политической борьбы, а затем известными всем полицейскими методами, явило собою глубокий разрыв с происходившим в 20-е годы. В связи с этим можно говорить о "революции в революции", либо, что будет вернее, - о контр-революции. Мечта об эмансипации трудящихся, провозглашенная Марксом, привела к установлению тоталитарного режима, попирающего гражданские права, свободу волеизъявления и критики, свободу на ассоциацию и политические права. Поколение старых большевиков было вырезано полицейскими репрессиями. Его сменило на местах новое поколение аппаратчиков-оппортунистов. "Марксизм-ленинизм" (выражение, отчеканенное Сталиным, наверняка было бы решительно отвергнуто Лениным и Марксом) превратился в официальную идеологию; это выражение повторялось бесконечное число раз.

Миллионы зажиточных крестьян, специалистов, подготовленных еще в царский период, простых крестьян и рабочих были брошены в тюрьмы, в концлагеря, либо им была пущена пуля в затылок. В расчет уже не берутся многочисленные искренние коммунисты. До сегодняшнего дня еще не известно точное число жертв этих свинцовых лет (по некоторым сведениям –

от четырех до тридцати миллионов...). Известно лишь, что счет шел на миллионы. Но для Марии Тихоновны (родившейся в 1919 году) вопрос о репрессиях отчасти абстрактный. Во время интервью она отвечает коротко и сухо: "Нас это не касалось".

Конечно, тоталитаризм, пережитый и увиденный изнутри, предстоит совсем иным. Преступления Государства оставались его глубокой тайной. Аресты сопровождались вполне правдоподобными оправданиями в глазах современников: "саботаж" - или просто-напросто "враг народа". Те, кто осуществлял эти аресты, могли верить мотивам. Они были составной частью, шестеренками гигантской машины и субъективно верили в то, что помогают стране развиваться в нужном направлении, в направлении научного социализма. На самом деле развитие заставляло себя ждать: глубочайший кризис в сельском хозяйстве, заедание шестеренок плановой экономики. На бумаге административная экономика была абсолютно рациональной моделью. Это должно было действовать, но это не действовало совершенно. Логический вывод: повсеместно саботажники стараются создавать трудности на пути вперед. Это было очень удобное объяснение в те времена - оно "оправдывало" уничтожение оппозиции. Кирпичики сталинского здания - это, разумеется, отношения власти. Деньги потеряли все свое общественное могущество. Образование было вторичным по сравнению с лояльностью к властям. Размеры политико-административной власти выстраивали пирамиду общества сверху вниз. Более не было ни богатых, ни бедных, существовали лишь различные уровни власти.

Официально советское общество состояло из двух производящих классов, колхозников и рабочих, и еще слоя работников сферы "услуг", который был предназначен для организации, объединения, оказания помощи в производстве. По сути же оно включало в себя (по Л. Гордону) (9) шесть страт, определяемых их положением на оси власти: слоя властной номенклатуры; массы свободных работников, например, рабочих городов; затем - массы колхозников, привязанных к селу при помощи внутренних паспортов; массы лимитчиков, массы бывших заключенных, подозреваемых и

живущих в постоянном страхе; наконец, из населения тюрем и зон, тех заключенных, которые не появляются на авансцене.

Этой свинцовой клетке необходимо было придать положительное звучание: им стала советская идеология, созданная Сталиным и его приспешниками. Представленная как оригинальный синтез идей Маркса, Энгельса и Ленина, эта идеология по сути впитала в себя немалое количество элементов русской общинной модели крестьянства, что делало ее весьма понятной и приемлемой для "народа". Именно отсюда возникает акцент на общину, на главенство Партии, Государство, верховного вождя; на уважение к властям, на подчинение их воле; на преследование нонконформизма; на повышенную оценку принципа интеграции в коллектив, которому человек принадлежит, на включенность в систему, где подобно русской матрешке цех или колхозная бригада, завод или колхоз входит в область, область в республику, республика в СССР. Это система, при которой деятельность и жизнь каждого имеет смысл лишь по отношению ко всем, и является составной частью целого.

В свою очередь Государство-Партия благосклонно следило за благосостоянием детей, больных, престарелых; развивало промышленность, механизировало сельское хозяйство, открывало школы, обучало, укрепляло военную мощь страны, ставшей осажденной крепостью. Государство-Партия занималось всем по мере своих возможностей, разумно и уравновешенно.

Среди старшего поколения людей, дававших интервью, больше тех, кто со времен своей молодости верил в эту модель до такой степени, что отдавал государству все свои молодые силы без остатка. Самыми преданными были те, кому доверяли нести идею в народные массы: учителя школ, преподаватели, философы и другая интеллигенция. Ученики школ, учащиеся техникумов, студенты, получая эту идею, принимали ее на веру, потому, что им не с чем было ее сравнить. Люди старшего поколения, подвергавшиеся репрессиям, имели сомнения, но молчали, чтобы защитить себя, и особенно - своих детей. Уже после нескольких месяцев или лет работы на заводе или в колхозе суровая реальность открывала им глаза на правду.

Чтобы попытаться понять, каким образом эта вездесущая идеология сумела так глубоко укорениться, небесполезно задать себе вопрос о характере действий, соответствующих этой идеологии. Это не были поступки, ориентированные на личную цель: индивидуализм порицался как эгоизм. Его могли себе позволить лишь те, кто на свой страх и риск участвовали в крупной политической игре. Это были поступки, направляемые чувством долга. Каждый на своем месте имел задачу, имевшую смысл лишь будучи интегрированной в общую задачу, поставленную планом перед трудовой бригадой, заводом, колхозом. Другие работают для тебя - как же ты можешь отказаться работать для других? Невозможно избежать этой формулы.

Пусть какой-либо человек (термин "индивидуум" будет здесь звучать неадекватно) отказывается делать свою работу. В этом случае не только этот человек, но вся бригада подвергнется наказанию - так проявляется принцип коллективной ответственности. Отсюда проистекает сильное и постоянное моральное давление одних членов коллектива на других. Когда система начнет терять свои символы веры, эта коллективная ответственность превратится в индивидуальную безответственность. Но до той поры, пока система сохраняет свои символы веры, - а она останется таковой, пока не одно критическое высказывание будет сделано против нее в полный голос - поступки, ориентированные нормой, будут укореняться не только в смысле долженствования, но в том смысле, который можно было бы назвать, по Мауссу (10), - даром и, особенно, долгом (чувство неоплатного долга). То есть мы все находимся на одном пароходе, который идет в урагане (внешний враг) и все испытываем одни и те же невзгоды. Каждый должен приложить усилия, и не так уж важно, что нет соответствия между тем, какие усилия я прилагаю и тем, что я получаю взамен. Никто не сможет обогатиться за мой счет, потому что эксплуатация человека человеком уничтожена. На просторах нашей огромной родины все делают то, что они должны делать: колхозники производят продукты питания, рабочие - ткани и одежду, чтобы я мог одеваться, строители строят мой будущий дом. Наши солдаты готовы отдать жизнь, чтобы защитить мою семью. Все дадут мне результаты своего

труда, я же должен давать им результаты своего. Я нуждаюсь в них, они нуждаются во мне. Я, например, Виктор - водитель автобуса, я только винтик, но я очень важный винтик: как без наших троллейбусов будут работать заводы или магазины? Не об этом ли чувстве общественной пользы сожалеет Виктор, когда он говорит: "Сегодня никто ни в ком не нуждается"? Дело в том, что проблему долга теперь решают деньги: я заплатил тебе и больше ничего тебе не должен. Если ты не доволен, найди себе другую работу. Деньги - универсальный эквивалент, средство социального общения, по Парсонсу. Это также то, что каждого человека толкает в свою индивидуальную монаду. Рыночные отношения суживают общественные отношения до уровня отношений торгового обмена и топят прочие формы общественных связей "в ледяных водах эгоистических расчетов". От этого, видимо, и происходит чувство сильной ностальгии по периоду, когда коллектив имел какой-то смысл.

Высшая точка общинной модели - это, без сомнения, послевоенный период (Виктор ходил тогда в начальную школу). Весь ход войны укрепил общинное чувство; тем более, что это была освободительная война, когда вся страна находилась в опасности. "Социалистическая" общинная модель была превознесена на новую высоту Великой Отечественной войной 1941-1945 годов. Никогда Сталин не был столь популярен, как в эти годы (в то время как в первые недели войны немецкие танки были остановлены у ворот Москвы большими человеческими жертвами, которых можно было бы избежать, если бы Сталин не дезорганизовал полностью высшее военное командование и поменьше верил своему союзнику Гитлеру). Именно Советский Союз одержал победу над абсолютным Злом под Сталинградом; именно Советский Союз уничтожил гидру и затем гнал ее до берлинского логова. В Европе англичане и американцы вели символические действия. Такова аргументация (правдоподобная), которая существенно укрепляла доверие к коммунистическому режиму и стимулировала направление огромных ресурсов страны в военно-промышленный комплекс.

Удивительное многообразие советской (сталинской) культурной модели будет сохраняться и после 1945 года, поддерживая дух холодной войны. И

лишь после 1956 года и доклада Хрущева начнут появляться первые сомнения. Однако опыт войны и укоренение сталинской модели в общинной культурной модели продлят ее существование в новых поколениях, вобравших эту модель в возрасте наибольшей восприимчивости души.

Лишь в 60-е годы, благодаря (относительной) разрядке времен Хрущева, произойдет определенный откат народных слоев от сталинской модели, в массах начнет формироваться самосознание. Однако этот откат будет медленным и непростым. Разоблачив Сталина как человека и "культ личности", Хрущев умудрился спасти основное: руководящую роль Партии. На этот раз, заявляет он тоном, не допускающим возражений, мы находимся на верном пути. Продолжайте упорно трудиться, и завтра мы догоним Соединенные Штаты, затем мы оставим их далеко позади.

3.3. ПОСТОЯННЫЙ ОТХОД ОТ СОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ

Если после победы 1945 года советские люди разделяли в своей массе коммунистическую идеологию, то в начале 80-х годов они окончательно потеряли в нее веру. Впрочем, похоже, что отсутствие возможности публично выразить свой скептицизм, не нарушает стабильности существовавшего режима, который все воспринимали как нерушимый. Это длительный переходный период, описание и анализ которого представляется самым сложным. Исследование случаев, приведенных в этой работе, привносит недостаточное количество знаний, поскольку в поле обозрения отсутствует поколение, родившееся в 50-е годы. Тем не менее, то, что нам удастся заметить - это сохранность у дочерей Виктора и Риммы общинных ценностей, несмотря на отказ от коммунистической модели. Это основное явление, которое нам надлежит исследовать.

Структура советского общества в том виде, каким его создал и укрепил Сталин, была структурой классовой, противопоставлявшей руководителей и руководимых. Пакт, объединявший две эти группы, мог бы быть сформулирован следующим образом, с точки зрения руководящего/доминирующего класса: "Мы руководим, вы работаете; мы

командуем, вы подчиняетесь; однако мы равно делим богатства, созданные нами совместно. Мы не пользуемся нашей властью для самообогащения". Этот пакт соблюдался не дольше, чем длился период, когда руководители его соблюдали. Рыба гниет с головы: эта китайская пословица удачно и сжато характеризует то, как развивался коммунистический режим с 60-х до 80-х годов. После смерти Сталина одно негласное правило, похожее, связало между собою всех, входящих в номенклатуру: изгоним жестокость в наших рядах; в нашей внутренней политической борьбе дадим друг другу слово, что никогда более победители не позволят дойти до физического истребления побежденных. Они лишь будут сняты с политической арены (Хрущев первым испытал это на себе).

С тех пор слишком велико стало искушение воспользоваться властью, чтобы начать купаться в привилегиях. Коррупция начинается сверху и распространяется по всему обществу. Очень скоро все это бросается в глаза руководимым. Речь идет не только о быстром развитии сети специальных магазинов или строительстве шикарных дач (неплохо сокрытых); речь идет, например, о присвоении семьями номенклатурщиков мест в лучших институтах Союза. Они в какой-то мере заранее обеспечили успех своим детям (во Франции это явление известно в связи с "конкурсом" в медицинскую интернатуру). Французские исследования изобилуют подобными примерами. Начиная с эпохи Брежнева, эта практика распространяется и постепенно превращается в настоящее межпоколенческое воспроизводство руководящего класса.

Таким образом, в модели, основанной на даре и антидаре, если один из партнеров начинает хитрить, рушится все здание пакта. На цинизм руководителей рабочие массы также отвечают цинизмом, они начинают работать, показывая в своем труде все меньше усердия. "Они делают вид, что платят нам, мы делаем вид, что работаем". Темпы роста производительности труда начинают замедляться. Однако и это не создает угрозы для стабильности системы. Так, Зиновьев, один из наиболее язвительных аналитиков нашего времени, разоблачая разрыв между словами и поступками, замечает, что людские массы реагировали на все это

последовательно(4). Они работали меньше и были обеспечены прожиточным минимумом, который постепенно рос: чего же требовать еще? Быть может, потребления?

60-е и последовавшие за ними годы свидетельствуют о появлении и развитии нового для СССР явления - частной жизни. Это слово еще не существует в русском лексиконе. Однако, желание расширить маленькую сферу принадлежащего тебе и твоим близким, которая была бы защищена от вторжения соседей, Партии, общественного давления, растет по мере спада настроений революционного романтизма. Поколение крестьян, оказавшихся в городе, нуждалось в том, чтобы "чувствовать локоть" того, кто делил с ним исторический опыт. Следующее поколение считало невозможным не иметь своей квартиры. Делить комнату с другими взрослыми и свою кухню с другими семьями - разве это нормальный образ жизни в мирное время? Испытывать необходимость бегать по всему городу или даже по стране в поисках мяса или туалетной бумаги - нормально ли все это? Делать вид, что работаешь, можно, но делать вид, что потребляешь - это уже не имеет никакого смысла. Концепция частной жизни, чуждая до настоящего времени культуре русского народа, развивается тем более быстрыми темпами, что она является защитной реакцией на бесконечное инквизиторство "органов" (КГБ). И уже скорее не в "общественном месте" испытывают потребность россияне с 60-х годов, но в "частном месте". Отсюда, среди всех прочих проявлений, поиск уединения в лесу, где-нибудь вдали и поближе к дикой природе, подальше от центров власти и пропаганды.

Таким образом, все более растет неприязнь к советской модели, олицетворяемой дряхлыми стариками, о которых известно, что они тщеславны и погрязли в коррупции. Американские обозреватели отмечают это и делают из этого вывод, что россияне отказываются от "коллективистских" ценностей и приобретают вместо них американскую культурную модель, основанную на индивидуализме. Зиновьев не придерживается этой точки зрения: по его мнению "homo sovieticus" весьма удобно себя чувствует в двух ипостасях; ему нужна только безопасность и

возможность найти немного мяса для пропитания. Идея, которую мы стараемся здесь развить, иная: в противоположность тому, что думают американцы, которым известна лишь их культурная модель, скептицизм по отношению к советской модели не обязательно означает отказ от общинных ценностей, переход к принципам Гоббса или принципам Дарвина применительно к обществу людей. В отличие от Зиновьева, нам думается, что шизофреническое состояние страны в 70-е годы не может длиться бесконечно; это положение чревато взрывом в силу своей противоречивой природы. Сталинский "коммунизм" укоренился как религия. И как всякая религия он содержал в себе моральные принципы (систему ценностей, нормы поведения), которые предполагали определенную этику. Руководители страны (политические деятели) начали отходить от норм этики, сохраняя чисто внешне "моральное" поведение и продолжая верить в свою религию. Затем мораль была разрушена и за ней была разрушена вера. Для трудовых масс все встало с ног на голову. То, что для них было важно - это ценности повседневной жизни и взаимодействие с ближним; иначе говоря, этика. Они довольно быстро перестали верить пропаганде, учитывая разрыв (очевидный для старшего поколения) между догмами и реальностью. Правила поведения держались дольше, поскольку они были необходимы для нормального функционирования трудовых коллективов, а также "моральной экономики". Однако неразбериха и коррупция постепенно разрушили все это. Оставалась этика: равенство, справедливость, солидарность, вера - все что формировало сердцевину культурной модели российских народных классов.

Предположение, которое мы выдвигаем, состоит в том, что эта общинная этика оказалась при Сталине глубоко запрятанной, в частности, потому, что она соответствовала прежней крестьянской этике, и потому, что она была приспособлена к условиям жизни крестьян, потерявших свои корни, то есть большей части городского населения той поры. Эта этика стала габитусом. Если, начиная с 60-х годов, этот габитус оказывался все более неадекватным, то ценности, на которых он основывался, существуют еще и поныне не только в сердцах исторических поколений, прошедших социализацию при Сталине, но и в последовавших поколениях. Условия жизни

при этом имеют большое значение: например, форма заработной платы (независимой от успехов), или условия проживания (в подавляющем большинстве семей не два, но три поколения живут, как правило, совместно в одно- или двухкомнатных квартирах). Наконец, если учесть оплачиваемый труд матерей и продолжительность рабочего дня, то воспитанием детей занимались бабушки, уча их, таким образом, своим ценностям: ценностям общинного габитуса, который перешагнул через одно поколение.

Можно даже задать себе вопрос: постепенный отход от коммунистической идеологии (не означающий отход от общинных ценностей), не происходил ли он из-за разочарования, вызванного предательством руководящей элиты, которая вопреки общественным интересам стремилась побольше нахватать себе разных привилегий?

3.4. РЫНОЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ОБЩИННАЯ ЭТИКА

Российское общество находится сегодня в состоянии полного хаоса. Прежние правила игры стали откровенно устаревшими. А новые правила рыночной экономики в связи с их насильственным введением подверглись значительному искажению.

Можно сказать, что это - капитализм без конкуренции, капитализм монопольных мафий, которые захватывают тот или иной рынок и диктуют на этом рынке свои цены. Это - бесправный капитализм, без веры и без закона, без легальных прав и без этики. Даже с точки зрения либеральных экономик наилучший способ для развития экономики страны - в освобождении внутренних рынков и защите национальной продукции от международного соревнования, так как возможности в нем выстоять нет. Это то, что систематически делала Франция с 1880-х по 1960-е годы. Это то, что делают вплоть до настоящего времени Западная Европа и Япония, причем совершенно сознательно, а США - с некоторым чувством вины (как показали недавние очень напряженные переговоры по ГАТТ).

Философия свободной торговли отвечает интересам только тех, чья продукция имеет наилучшее качество: соотношение цен (а не другие

производители, которые могут только разориться) свидетельствует о постоянном коллапсе восточногерманской экономики с тех пор, как были открыты границы для западногерманских товаров. Похоже, что то же самое происходит сейчас с российскими товарами (и конечно русские потребители своим собственным выбором способствуют этому коллапсу). Понятно каждому, что открытие многочисленных русских внутренних рынков отвечает интересам... западных фирм (и русским "буржуазным комрадорам" и "экспортаторам" сырых материалов). Но уверять вопреки очевидному, что это также входит в интересы граждан России как производителей продукции, это интеллектуальный криминал.

Не будет ли несколько наивным думать, что из-за того, что если форма организации экономических отношений в Соединенных Штатах привела к богатству этой страны, то и россияне должны принять эту форму с закрытыми глазами, поскольку они слишком архаичны, чтобы составить свое мнение о предлагаемой им форме модернизации?

Думается, напротив, они не утратили ни своей способности к эволюции, ни своих культурных критериев. Они судят о новых рыночных отношениях с высоты своего собственного культурного кодекса, который, вне всякого сомнения, является коммунистическим кодексом и не является кодексом американским или моральным вакуумом. Этот кодекс соответствует общинной культурной модели и не исключает личных достижений и равноценного раздела, однако раздел совершается в соотношении с более широкой совокупностью.

Эта совокупность, этот "коллектив" или общая сумма соотношений была прежде советским обществом. Сегодня его размеры значительно сузились: это уже даже и не Россия, и не область, в которой живут, это - пространство, ограниченное размерами предприятия. Однако это еще не индивидуум, как в США.

Разумеется, очень давно в США был осуществлен любовный развод между протестантской этикой и деловым миром (если бы это было не так, нашлись бы рабочие места для 750.000 юристов? А это половина всех адвокатов на всей планете!). Американский вариант капитализма, это тот

самый, который, будучи перевезенным в Россию, знает отныне лишь один критерий успеха (краткосрочный успех) и лишь один моральный принцип: справедливое вознаграждение личного успеха, независимо от любых других критериев (уровень диплома или капитал в виде связей). Но это с трудом можно назвать моральным принципом: на самом деле, отношения конкуренции (рынок) между действующими лицами должны, в принципе, регулировать предложение и спрос успеха и оплачивать качественные достижения по достоинству. Именно сам рынок становится моральным, а не индивидуумы. Всякое понятие внутреннего содержания успехов, которое вернуло бы возможность давать моральную оценку, отсутствует. Телепроповедник, зарабатывающий много денег, заслуживает того, что он зарабатывает, потому что его успех побуждает телезрителей направлять ему пожертвования (и никто их к этому не принуждает). Хорошим деловым человеком считается тот, который зарабатывает много денег и неважно - каким образом: то, что другие могут квалифицировать как нечестность, продается в соответствии с одной нью-йоркской поговоркой: "Никогда не упускай возможности поймать голубя".

Эти убедительные доводы могли в течение определенного времени соблазнять народы, которых слишком долго кормили альтруистической моралью ("товарищи, еще одно усилие ради Кубы, Вьетнама, Анголы, Афганистана, ради всех народов, которые ведут борьбу против империализма, ради построения социализма, ради нашей славной Красной Армии" и т.д.). Но в условиях, когда деньги связаны с отношениями ранее существовавших властей, запрещавших конкуренцию и диктовавших правила игры, и когда все голуби летят в одни руки, общинная этика может возродиться.

В нашем эмпирическом примере молодая женщина Марина примет воровство, к которому прибегает ее босс в ущерб организации, стоявшей у истоков основания его предприятия; однако она осуждает монополию, которой пользуются мужчины при продаже квартир, и огромные премии, которые сопровождают эту деятельность. Каким образом экономическая

система, которая призвана давать прибыль только нескольким отдельным лицам ("winners" - победителям), может находить поддержку у большинства?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вероятно, наступило время сказать, что король - голый или что западная модель, которая сочетает рыночную экономику и политическую демократию, построена на глубоком противоречии. Каким образом политические руководители, которые управляют страной в интересах обеспеченного меньшинства, могут быть избраны большинством не имеющих ничего граждан? Маркс считал это противоречие неразрешимым: именно поэтому он мечтал о введении всеобщего избирательного права. Опыт прошедшего века доказал, тем не менее, что в некоторых условиях это противоречие является носителем благотворной динамики. В этой связи следует вспомнить New Deal Рузвельта, развитие общественного потребления и систем социальной защиты ("Welfare State" - Общества благоденствия). Как бы то ни было, эти структурные реформы стали возможными прежде всего из-за существования природных богатств США, из-за присвоения мировых богатств европейскими колониальными державами или патриотической мобилизации, имевшей место в Японии после 1945 года, и все это лишь после экономического взлета (Take-off), который был не менее демократическим. Другие общества идут сегодня по этому же пути: Тайвань, Южная Корея, Чили. Быть может, завтра по этому пути пойдут Таиланд, Индонезия, Индия, Мексика или Бразилия. Однако Россия, Казахстан, Украина, Китай находятся лишь в начале этого пути. Разумеется, у этих стран имеются важные козыри: их недра полны полезными ископаемыми (Россия, Казахстан); их трудовые ресурсы вошли в промышленный период и готовы принять условия труда и режим труда эпохи железного века в обмен на надежду получить товары потребления, которые, сохранив высокую символическую ценность, сегодня имеют гораздо меньшую стоимость производства.

Тем не менее, начальная фаза взлета уже породила головокружительную социальную дифференциацию, которая несет блага прежде всего прежним ненавидимым всеми коммунистическим правителям, аферистам, которым завидуют и которых презирают, и даже криминальным средам - все это происходит с благословения Запада, который подписывает с ними невероятные контракты на эксплуатацию природных богатств этих стран, в том числе рабочей силы, такой дешевой. Под изумленным взглядом российских избирателей номенклатура, обратившись в сторонников "своей" рыночной экономики, празднует венчание с крупным международным капиталом. Построить демократию в этих условиях - не значит ли это открыть ящик Пандоры?

Можно понять восхищение сторонников Ельцина перед моделью Пиночета, которая в главных чертах уже реализуется в Китае. Однако Запад не может довольствоваться такой моделью и не только из моральных соображений: дело в том, что четыре вышеупомянутые страны являются ядерными державами. Например, Россия располагает десятками тысяч ядерных боеголовок. Взрыва одной из них, пусть даже самой малой по мощности (тактическая атомная бомба) и пусть даже на месте ее хранения, было бы достаточно для того, чтобы всему миру нанести ущерб гораздо больший, чем чернобыльская катастрофа. Таков аргумент, который приводят извне в пользу установления в этих странах демократических режимов: избираемые демократии, по крайней мере по мнению Запада, гораздо менее настроены играть в ядерные игры, нежели диктаторские режимы.

Однако, с точки зрения народов, всеобщее избирательное право может иметь лишь один смысл: смысл оказания давления на правителей с тем, чтобы все большая часть национального продукта, который, как они считают, выходит из их рук, передавался бы им при помощи государственных механизмов, например, в форме коллективных антропономических служб: здравоохранения, образования, опеки, социального жилья.

Итак, чистая рыночная экономика, "дикий капитализм" периода взлета влекут пост-коммунистические общества совершенно в противоположную сторону.

Основная ошибка Запада и, в особенности, американцев (главных зачинщиков истории с самого начала) заключается в том, что они уверовали во внутреннее соответствие их модели и в возможность ее немедленного применения к условиям посткоммунистических стран. Будучи жертвами самоинтоксикации, они убедили себя в том, что массовое отрицание коммунистических режимов гражданами этих стран означает также массовую решимость принять их американскую модель. Настоящее исследование с учетом геополитического и экономико-статистического контекста раскрывает, напротив, глубокое противоречие их проекта применительно к России.

Возможен ли был другой проект? Он должен был бы совместить постепенную демократизацию и также постепенное и контролируемое внедрение рыночной экономики с поддержкой протекционистских мер на границах и внутри ("Welfare State") Общества процветания. Эта европейская модель, в частности, германская, была близка Горбачеву. Она во многом соответствовала общинному габитусу народных слоев. Но кто из элиты эту модель поддержал бы? Трагедия России, которая повторяется в различных контекстах, похоже, заключается в подавлении политической властью всех прочих сфер общественной деятельности и в монополии элиты на расклад власти.

Похоже, что, как всегда, борьба завершится "негативным синтезом" всего, что есть худшего в той или иной программе.

Западные власти, к сожалению, из-за своей алчности несут на себе ответственность за ориентацию экономики России в ложном направлении. Их основная ошибка еще раз состоит в предположении, будто после неожиданного распада советского государства русское общество перестало существовать, будто оно стало чистой страницей, на которой любой может написать о славной победе мирового капитализма. Но русское общество существует; оно имеет свои собственные особенности, свои ценности и культуру, свои традиции, ориентации и предпочтения, которые нужно уважать, чтобы избежать реванша. Политика предельного невмешательства, так хорошо знакомая этому обществу (фактически почти всем обществам!),

является экстремистской политикой, которая может , как в Германии в 30-е годы, направить агрессивную реакцию общества к другому полюсу. Остается только надеяться, что те, кто затеяли эту опасную игру с русским обществом, очнутся прежде, чем будет слишком поздно.

Примечания: Все беседы с членами семьи Замошкиных были проведены в Москве Мариной Малышевой в рамках проекта, финансируемого Министерством исследований Франции, руководство которым (проектом) осуществляет Даниэль Берто. Над этим проектом работают 11 исследователей, изучающих истории семей из различных социальных слоев в соответствии с методикой Genealogies Sociales, которую Даниэль Берто разработал в Квебеке, а затем во Франции в 80-е годы

Главную сложность представляет собой работа по оформлению данных. Собранную информацию необходимо представить в форме рассказа, который был бы возможно более последовательным, в то время как рефрен рассказа может делать петли. То есть из отношений между действующими лицами и их судьбами можно плести самые различные узоры. Прежде всего, хороший рассказ - это рассказ, который проходит через все узловые моменты и захватывает причинно-следственные связи. Впрочем, эти узлы не видны при первом прочтении. Только при повторном прочтении записей бесед, а также при аккуратном определении временных биографических данных (возраст) различных членов семьи, проживающих совместно, в рамках одного дома, и перенос этих временных данных в историческое время, а также их периодизация позволяют восстановить микрологику семейного развития. Так, после первого написания рассказа, который ставит целью лишь зафиксировать фактическую информацию, полученную в ходе бесед, следует фаза анализа с использованием толкования и соотнесения возрастов, дат и мест событий. Именно после этой второй фазы может быть написана вторая версия рассказа. Она, как правило, читается легче, поскольку эта версия более отработана. Тем не менее, эта вторая версия постепенно прорабатывается от детали к детали в том смысле, что совершается переход от одного причинного узла непосредственно к следующему. Рассказ

приобретает, таким образом, форму, представляющую собой синтез связи событий, смысл которых был выявлен путем анализа. (Рассказ является инструментом социологического описания, см. D.Bertaux "Ecrire la sociologie", Information sur les Sciences Sociales, 1977).

Остается обобщение, поскольку социолог интересуется не историей той или иной семьи как таковой, но процессами, характерными для данного общества; на фоне индивидуальных "голосов" следует различать мелодию общественных отношений.

В принципе, путем сопоставления нескольких исследованных и сравнимых случаев (рабочие семьи, семьи бывших кулаков, семьи интеллигенции, семьи партийных активистов и т.д.) следует искать повторы или вариации на тему, которые являются показателем существования прочного социального явления. Разумеется, это связано с вопросом объема: излишнее количество страниц вредит научному изложению. Именно поэтому часто исследователь попадает под соблазн краткого изложения: опыт обобщения на основе одного конкретного случая, как это было нами проделано теперь, весьма сложен и может претендовать лишь на создание гипотез, но не на поиск для них доказательств. Допущение такой неполноценности освобождает воображение исследователя: понимая, что он не сможет предоставить доказательство в эмпирическом смысле слова, он может полностью сконцентрироваться на исследовании того, что социологически имеет смысл в собранном материале. Он может призвать на помощь Вебера, Маркса или Токвиля, Дюркгейма, Зиммеля или Маусса, кого угодно еще; найти вдохновение в этих неожиданных, но значимых сопоставлениях; дать свободный ход своему воображению, что не означает, что другого пути нет. Разумеется, такой характер работы напоминает скорее деятельность художника, нежели строгого методолога. Однако это уже было описано Гастоном Башлярром (Gaston Bachelard) (11).

ЛИТЕРАТУРА

1. Polanyi K. The Great Transformation. New York, 1944.
2. Вишнеvский А. На пути к городскому обществу. - "Человек", No 1, 1992, с. 12-24.
3. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. - "Большие города, их общественное, политическое и экономическое значение." СПб., 1905 г.
4. Зиновьев А. Гомо советикус. Мой дом - моя чужбина. М., 1991.
5. Левада Ю. Простой советский человек. Цит. по франц. изд. Presses de la P.N.S.P., Paris, 1993, p.55.
6. Вестник статистики, N4, 1986, с. 58.
7. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990, с.628-630.
8. Habermas J. Communication and the Evolution of Society, Boston, 1979.
9. Гордон Л. Очерки демократического рабочего движения в постсоциалистической России. М., 1993.
10. Mauss M. The Gift. London, 1954.
11. Башляр Г. Новый рационализм. М., 1987.

РЕДАКТОР - А.Д.ВАЙСМАН
КОНТРОЛЬНЫЙ РЕДАКТОР - О.А.АФАНАСЬЕВА

ПОДПИСАНО К ПЕЧАТИ 30.03.94 с ЗАКАЗ № 69 8,2 П.Л. ТИРАЖ 500 ЭКЗ.
ЦЕНА СВОБОДНАЯ

ПЕЧАТНО-МНОЖИТЕЛЬНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ИНСТИТУТА СОЦИОЛОГИИ
РАН.
МОСКВА. УЛ. КРЖИЖАНОВСКОГО 20/30.